

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт экономики НАН Беларуси

ВЕСТНИК

ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
НАН БЕЛАРУСИ

BULLETIN

OF THE INSTITUTE OF ECONOMICS
OF NAS OF BELARUS

Сборник научных статей
Основан в 2020 году

Выпуск

11

Минск
«Беларуская навука»
2025

УДК 33(082)

Содержит научные статьи отечественных и зарубежных ученых по актуальным проблемам мировой экономики, демографии и экономики труда, предпринимательства, производственного сектора, налогообложения, а также экономической теории.

Адресован научным работникам, преподавателям, докторантам, аспирантам, студентам учреждений высшего образования, а также всем, кто интересуется проблемами современной экономики.

На основании решения коллегии Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 7 февраля 2022 г. № 2/5 сборник научных статей «Вестник Института экономики НАН Беларуси» включен в перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по экономической отрасли науки.

Редакционный совет:

Гусаков В. Г.,

академик НАН Беларуси,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Республики Беларусь,
председатель редакционного совета
(Беларусь);

Бельский В. И.,

доктор экономических наук, профессор,
руководитель Секретариата члена
Коллегии (Министра) по конкуренции
и антимонопольному регулированию
Евразийской экономической комиссии
(Беларусь);

Бадра Гаалюль,

доктор политических наук, профессор,
директор Центра стратегических
и общественно-политических
исследований Туниса (Тунис);

Вардомский Л. Б.,

доктор экономических наук, профессор,
руководитель Центра постсоветских
исследований Института экономики
Российской академии наук (Россия);

Дайнеко А. Е.,

академик НАН Беларуси, доктор
экономических наук, профессор,
председатель Научного совета БРФФИ,
директор Исполнительной дирекции
Белорусского республиканского фонда
фундаментальных исследований
(Беларусь);

Ки Сереват,

доктор экономических наук, профессор,
директор Института китаеведения
Королевской академии наук Камбоджи
(Камбоджа);

Ленчук Е. Б.,

доктор экономических наук, профессор,
руководитель научного направления
«Экономическая политика» Института
экономики Российской академии наук
(Россия);

Ли Юнцюань,

доктор наук, профессор, директор
Института международных отношений
Университета Китайской академии
общественных наук (Китай);

Никитенко П. Г.,

академик НАН Беларуси, доктор
экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник сектора
промышленной политики Института
экономики НАН Беларуси (Беларусь);

Спартак А. Н.,

член-корреспондент Российской
академии наук, доктор экономических
наук, профессор, заслуженный деятель
науки Российской Федерации,
директор Всероссийского научно-
исследовательского конъюнктурного
института (Россия);

Стратан А. Н.,

член-корреспондент Академии наук
Молдовы, доктор экономических наук,
профессор, директор Национального
института экономических исследований
Молдовы (Молдова);

Фаузер В. В.,

доктор экономических наук,
профессор, руководитель отдела
социально-экономических проблем,
заведующий лабораторией демографии
и социального управления Института
социально-экономических
и энергетических проблем Севера
Федерального исследовательского центра
«Коми научный центр
Уральского отделения Российской
академии наук» (Россия);

Хайкин М. М.,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономической
теории Санкт-Петербургского горного
университета (Россия)

Редакционная коллегия:

Гурский В. Л.,

доктор экономических наук, доцент,
Главный ученый секретарь
НАН Беларуси, председатель
редакционной коллегии;

Муха Д. В.,

кандидат экономических наук, доцент,
директор Института экономики
НАН Беларуси, заместитель председателя
редакционной коллегии;

Тетеринец Т. А.,

кандидат экономических наук, доцент,
ученый секретарь Института экономики
НАН Беларуси, ответственный секретарь
редакционной коллегии;

Байнёв В. Ф.,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий научно-исследовательской
лабораторией комплексных исследований
проблем социально-экономического
развития Белорусского государственного
университета;

Богатырёва В. В.,

доктор экономических наук, профессор,
ректор Витебского государственного
университета имени П. М. Машерова;

Быков А. А.,

доктор экономических наук, профессор,
проректор по научной работе
Белорусского государственного
экономического университета;

Вертинская Т. С.,

доктор экономических наук, доцент,
руководитель центра мировой экономики
Института экономики НАН Беларуси;

Давыденко Е. Л.,

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры международных
экономических отношений Белорусского
государственного университета;

Лемещенко П. С.,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой международной
политической экономики Белорусского
государственного университета;

Лученок А. И.,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий отделом макроэкономической
и финансовой политики Института
экономики НАН Беларуси;

Пилипук А. В.,

член-корреспондент НАН Беларуси,
доктор экономических наук, профессор,
директор Института системных
исследований в АПК НАН Беларуси;

Солодовников С. Ю.,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Экономика
и право» Белорусского национального
технического университета;

Хацкевич Г. А.,

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры
экономической информатики
инженерно-экономического
факультета Белорусского
государственного университета
информатики и радиоэлектроники;

Гончаров В. В.,

кандидат экономических наук,
директор Центра системного анализа
и стратегических исследований
НАН Беларуси;

Готовский А. В.,

кандидат экономических наук,
заместитель директора по научной работе
Института экономики НАН Беларуси;

Гусаков Г. В.,

кандидат экономических наук, доцент,
директор Института мясо-молочной
промышленности Научно-практического
центра НАН Беларуси по продовольствию;

Мелешко Ю. В.,

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Экономика и право»
Белорусского национального
технического университета;

Преснякова Е. В.,

кандидат экономических наук, доцент,
руководитель центра инновационной
и инвестиционной политики
Института экономики НАН Беларуси;

Сергиевич Т. В.,

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Экономика и право»
Белорусского национального
технического университета

СОДЕРЖАНИЕ

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Муха Д. В.** Развитие взаимовыгодного экономического сотрудничества Беларуси и Китая в контексте реализации инициативы «Пояс и путь» 7
- О Док Хи.** Приоритеты становления и развития политики внешнеэкономического сотрудничества Республики Корея (с середины 1980-х до начала 2000-х годов)..... 25

ДЕМОГРАФИЯ. РЫНОК ТРУДА

- Боброва А. Г., Мурашко О. Ю., Кот У. В.** Динамика демографической устойчивости регионов Республики Беларусь: пространственно-временной анализ и направления для совершенствования политики 41
- Масленкова Е. В.** Современные подходы к регулированию внешней трудовой миграции... 55
- Маркидонова А. В.** Необходимость скоординированной реализации различных видов экономической политики для эффективного регулирования региональных рынков труда ... 67
- Рачкевич В. А.** Анализ эффективности функционирования региональных рынков труда Республики Беларусь 77

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

- Попкова А. С.** Новый метод оценки кредитоспособности социальных предпринимателей на краудлендинговой платформе 87
- Заболотный Ю. А.** Оценка эффективности управления бизнес-процессом..... 96
- Яцевич Н. В.** Рольевой плюрализм экономического аспекта личности предпринимателя.... 114
- Хомич В. С., Бондарь Д. А.** Некоторые направления совершенствования государственной политики Республики Беларусь в области видеонигровой индустрии и геймификации.... 125

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

- Стома Н. В.** Методика оценки реализации инновационного потенциала организаций промышленности 137

Осипова Ю. А., Лепшова О. В., Бригова А. А. Промышленный комплекс Брестской области: структура, динамика, прогноз.....	147
---	-----

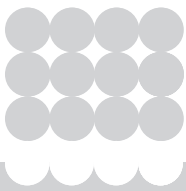
НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

Герасимова В. Г. Актуальные принципы, методы и тренды в налогообложении: рекомендации по их применению в Республике Беларусь.....	159
--	-----

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Ковалёв А. В. К вопросу об экономических научных школах в Беларуси	168
---	-----

Правила оформления статей	179
--	-----

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-7-24>

УДК 330.322, 338, 339.5, 339.94, 608

JEL B27, E22, F21, Q01, O30, O39, C10, C80

РАЗВИТИЕ ВЗАИМОВЫГОДНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА БЕЛАРУСИ И КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯС И ПУТЬ»

Д. В. Муха

mukha@economics.basnet.by

кандидат экономических наук, доцент

Институт экономики НАН Беларуси

г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В статье проанализировано развитие взаимовыгодного экономического сотрудничества Республики Беларусь и Китайской Народной Республики в контексте реализации инициативы «Пояс и путь». В частности, рассмотрены кредитно-инвестиционное сотрудничество двух стран, взаимная торговля, привлечение прямых иностранных инвестиций, развитие Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень», а также сотрудничество Беларуси и КНР в сфере науки, технологий и инноваций. Сформулированы меры по стимулированию взаимных инвестиций в научно-технологической и инновационной сфере, включая создание Евразийского агентства по торговле и инвестициям и зоны свободной торговли высокотехнологичными товарами между КНР и Евразийским экономическим союзом.

Ключевые слова: инновации, технологии, инициатива «Пояс и путь», кредитно-инвестиционное сотрудничество, прямые иностранные инвестиции, взаимная торговля, экспорт высокотехнологичных товаров, научно-технологическое развитие, Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень».

Для цитирования: Муха, Д. В. Развитие взаимовыгодного экономического сотрудничества Беларуси и Китая в контексте реализации инициативы «Пояс и путь» / Д. В. Муха // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / НАН Беларуси, Ин-т экономики. – 2025. – Вып. 11. – С. 7–24. – <https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-7-24>.

Введение

Китайская Народная Республика (далее – КНР, Китай) с 2013 г. успешно реализует масштабную инициативу «Пояс и путь» с участием более 150 стран и 30 международных организаций. Объем китайских инвестиций в рамках реализации указанной инициативы превысил 1 трлн долл. США [1]. При этом Китай стал одним из крупнейших прямых иностранных инвесторов в мире. Так, по данным Международного валютного фонда (далее – МВФ), накопленные прямые иностранные инвестиции (далее – ПИИ) континентального Китая за последние десять лет возросли в 4,3 раза (или на 2,265 трлн долл. США) – с 691,346 млрд долл. США на 1 января 2014 г. до рекордных 2,957 трлн долл. США на 1 апреля 2024 г.¹ С учетом ожидаемого роста китайской экономики и реинвестирования доходов зарубежных дочерних предприятий можно прогнозировать дальнейшее увеличение накопленных ПИИ континентального Китая. По прогнозу МВФ, валовой внутренний продукт (далее – ВВП) континентального Китая, рассчитанный по паритету покупательной способности (далее – ППС), в 2029 г. возрастет по сравнению с 2010 г. в 3,8 раза – до рекордных 46,253 трлн долл. США². При этом соотношение ВВП континентального Китая, Гонконга, Макао и ВВП США в 2029 г. увеличится до рекордных 134,7 % против 115,5 % в 2020 г. и 84,3 % в 2010 г. (табл. 1).

Таблица 1. Динамика валового внутреннего продукта по паритету покупательной способности в континентальном Китае, Гонконге, Макао и США, млрд долл. США

Год	Континентальный Китай	Гонконг	Макао	США	Соотношение ВВП континентального Китая, Гонконга, Макао и ВВП США, %
1980	302,8	36,1	–	2857,3	11,9
1990	1108,3	104,1	–	5963,1	20,3
2000	3657,9	188,1	–	10 251,0	37,5
2010	12 284,7	345,6	53,6	15 049,0	84,3
2020	24 145,9	440,6	39,1	21 322,9	115,5
2021	27 386,7	490,6	50,6	23 594,1	118,4
2022	30 191,1	505,8	42,5	25 744,1	119,4
2023	32 931,4	541,1	79,6	27 357,8	122,6
2024	35 291,0	570,1	92,9	28 781,1	124,9
2025	37 381,2	596,0	103,6	29 839,7	127,6
2026	39 521,6	623,0	110,2	31 018,8	129,8

¹ IMF data / International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/Data> (date of access: 05.09.2025).

² World Economic Outlook Database : April 2024 edition / International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April> (date of access: 05.09.2025).

Окончание табл. 1

Год	Континентальный Китай	Гонконг	Макао	США	Соотношение ВВП континентального Китая, Гонконга, Макао и ВВП США, %
2027	41 708,4	651,2	115,7	32 274,5	131,6
2028	43 933,2	680,4	121,5	33 582,2	133,2
2029	46 252,8	711,2	127,5	34 950,0	134,7

Примечания.

1. Таблица составлена на основе данных Международного валютного фонда¹.
2. Серым фоном выделен прогноз Международного валютного фонда на 2025–2029 гг.

Таким образом, на фоне успешной реализации инициативы «Пояс и путь» китайская экономика стала крупнейшей экономикой в мире, что свидетельствует о существенном усилении экономического и политического влияния КНР на международной арене. Главный экономический обозреватель делового издания *Financial Times* Мартин Вулф в книге «Кризис демократического капитализма» (2023) характеризует существенное увеличение ВВП Китая как «рождение новой экономической сверхдержавы» [2, р. 128], отмечая, что Китай добился огромного экономического и технологического прогресса за счет реализации прагматичной экономической стратегии, дополненной масштабными инвестициями (особенно в сфере инфраструктуры), стремительным повышением квалификации рабочей силы и массовой урбанизацией [2, р. 337–338]. По мнению М. Вулфа, Китай с успешной экономикой, динамичным технологическим сектором, большой численностью населения, сплоченным государством и компетентным правительством сейчас «находится на пути к тому, чтобы стать всеобъемлющей силой, как минимум, равной США» [2, р. 338].

Результаты и их обсуждение

Беларусь с 2013 г. активно участвует в реализации инициативы «Пояс и путь». При этом 15 сентября 2022 г. по итогам встречи Председателя КНР Си Цзиньпина и Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко принята *Совместная декларация об установлении отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства*¹. Принятие указанной декларации означает установление наивысшего уровня политического и экономического взаимодействия между Беларусью и Китаем за всю историю двусторонних отношений. Значительная часть документа посвящена развитию взаимовыгодного экономического сотрудничества Беларуси и Китая в контексте реализации инициативы «Пояс и путь».

¹ 中华人民共和国和白俄罗斯共和国关于建立全天候全面战略伙伴关系的联合声明 / 中华人民共和国外交部. = Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики Беларусь об установлении всепогодного всеобъемлющего стратегического партнерства / Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202209/t20220916_10766853.shtml (дата обращения: 25.08.2025).

В июле 2024 г. Беларусь при поддержке КНР присоединилась к Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС), что открывает новые возможности в сфере взаимовыгодного экономического сотрудничества Беларуси с Китаем и другими участниками ШОС за счет углубления региональной экономической и политической интеграции в формате ШОС.

Ниже представлен анализ белорусско-китайского экономического сотрудничества на современном этапе развития отношений между странами.

Кредитно-инвестиционное сотрудничество. В Беларуси в рамках кредитно-инвестиционного сотрудничества с Китаем с 2007 г. реализовано 27 стратегических инвестиционных проектов в сфере промышленности и инфраструктуры на общую сумму более чем 5 млрд долл. США. Основными партнерами Беларуси выступают China Development Bank, Export-Import Bank of China, Asian Infrastructure Investment Bank, China International Trust and Investment Corporation (CITIC), China Merchants Group (CMG), Zhejiang Geely Holding Group, China Energy Engineering Group (CEEC), China Communications Construction Company (CCCC), China National Machinery Industry Corporation (Sinomach), China National Electric Import & Export Corporation (CUEC), North China Power Engineering Company (NCPE), COFCO Engineering & Technology Company и др. Ниже представлены отдельные инвестиционные проекты в Беларуси с участием китайских партнеров:

- реконструкция республиканской автомобильной дороги М-5/Е271 Минск – Гомель на участках Бобруйск – Жлобин и Жлобин – Гомель;
- электрификация участков железной дороги: Гомель – Жлобин – Осиповичи; Жлобин – Калинковичи; Молодечно – Гудогай – государственная граница;
- строительство парогазовых установок на Лукомльской ГРЭС и Берёзовской ГРЭС;
- строительство Витебской ГЭС на реке Западная Двина;
- модернизация ТЭЦ-2 и ТЭЦ-5 в г. Минске;
- строительство атомной электростанции в Республике Беларусь: выдача мощности и связь с энергосистемой страны;
- возведение инфраструктуры Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень»;
- строительство завода по производству легковых автомобилей Geely в Минской области (СЗАО «Белджи»);
- организация производства электрической бытовой техники (СООО «Мидеа-Горизонт»);
- модернизация производства Оршанского льнокомбината с созданием фабрики по переработке длинного волокна;
- строительство горно-обогатительного комбината мощностью до 2 млн т хлорида калия в год (ИООО «Славкалий»);
- организация высокотехнологичного агропромышленного производства полного цикла (ЗАО «Белорусская национальная биотехнологическая корпорация»).

В ходе официального визита в Беларусь представительной китайской делегации во главе с Премьером Государственного совета КНР Ли Цяном в августе 2024 г. дан старт пяти новым инвестиционным проектам на общую сумму около 1 млрд долл. США. При этом в стадии согласования находится 12 новых стратегических инвестиционных проектов на общую сумму около 2 млрд долл. США. Наиболее важными из них являются строительство заводов по производству сульфатной беленой целлюлозы и древесно-стружечных плит, организация современного автоматизированного литья, производства двигателей, полипропилена, карбамида, хлората натрия, перекиси водорода, кальцинированной соды.

В рамках указанного визита китайской делегации подписан протокол о создании Рабочей группы по инвестиционному сотрудничеству в рамках Комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству Белорусско-Китайского межправительственного комитета по сотрудничеству¹. Рабочая группа будет оказывать содействие в части решения вопросов, связанных с наращиванием инвестиционного сотрудничества между двумя странами, реализацией совместных инвестиционных и кредитных проектов и проектов технико-экономической помощи.

Кроме того, подписан План сотрудничества по укреплению сопряжения инициативы «Пояс и путь» и Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь в целях развития сотрудничества в сфере инвестиций, инфраструктуры, торговли, финансов, промышленности, сельского хозяйства, цифровой экономики, научно-технических инноваций, искусственного интеллекта, «зеленого» развития, циркулярной экономики, медицины и здравоохранения. В частности, документ содержит около 60 мероприятий и проектов, включая инициативы по продвижению качественного развития Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень», поддержке создания новых высокотехнологичных предприятий, реализации совместных проектов производственной кооперации, сотрудничеству в области традиционной китайской медицины и др.

Таким образом, в ближайшие годы можно ожидать существенное расширение кредитно-инвестиционного, торгово-экономического, научно-технологического и иного сотрудничества Беларуси и Китая на благо народов двух стран.

Привлечение прямых иностранных инвестиций. В шестом пункте Совместной декларации об установлении отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства отмечается, что КНР и Беларусь определяют

¹ О создании Рабочей группы по инвестиционному сотрудничеству Комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству Белорусско-Китайского межправительственного комитета по сотрудничеству : протокол между Министерством экономики Республики Беларусь и Министерством коммерции Китайской Народной Республики от 22 августа 2024 г. / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=172400030> (дата обращения: 25.08.2025).

приоритетными направлениями сотрудничества расширение взаимных ПИИ, создание совместных высокотехнологичных инновационных производств, развитие совместного бизнеса между субъектами хозяйствования двух стран¹. В ходе визита в Беларусь Премьера Государственного совета КНР Ли Цяна в августе 2024 г. подписано историческое межправительственное *Соглашение о торговле услугами и осуществлении инвестиций*, предусматривающее создание зоны свободной торговли услугами между двумя странами вкуче с благоприятным, либеральным и транспарентным режимом для привлечения взаимных инвестиций. Реализация соглашения позволит еще больше раскрыть потенциал сотрудничества в области торговли услугами, инвестиций и обмена деловыми визитами между двумя странами, качественно продвинуть строительство «Пояса и пути» и углубить всепогодное и всеобъемлющее стратегическое партнерство между Беларусью и Китаем. Беларусь стала первой страной в Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС), заключившей подобное соглашение с Китаем. Белорусская сторона ожидает, что благодаря созданию прозрачных и предсказуемых правил в ближайшие пять лет экспорт белорусских услуг в Китай возрастет, как минимум, на 12–15 %, а китайские инвестиции в Беларусь увеличатся более чем на 30 %.

К слову, по данным Народного банка Китая, ПИИ резидентов континентального Китая, накопленные в Беларуси, увеличились в 2019–2022 гг. в 2,3 раза – до рекордных 747,6 млн долл. США на 1 января 2023 г. (табл. 2), что свидетельствует о заметном повышении инвестиционной привлекательности Беларуси в глазах китайских инвесторов. При этом, по данным Национального банка Республики Беларусь, ПИИ резидентов Гонконга, накопленные в Беларуси, возросли в 2019–2023 гг. в 4,3 раза – до 23,4 млн долл. США на 1 января 2024 г. (табл. 3). По нашему прогнозу, с учетом реализации подписанного соглашения об инвестициях и зоне свободной торговли услугами между Беларусью и КНР и реинвестирования доходов дочерних предприятий в Беларуси ПИИ резидентов континентального Китая и Гонконга, накопленные в Беларуси, в 2025 г. превысят отметку в 1 млрд долл. США.

Необходимо отметить, что предприятия с участием китайского капитала становятся все более значимым сегментом белорусской экономики. Например, совместное предприятие СЗАО «Белджи» в 2023 г. увеличило объем производства легковых автомобилей по сравнению с предыдущим годом в 2,7 раза – до 67,3 тыс. автомобилей. В целом в 2025–2027 гг. ожидается существенное увеличение экспорта товаров и услуг компаний с китайским капиталом с учетом положительной динамики развития Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень» и выхода на полную проектную мощность отдельных предприятий с китайским капиталом.

¹ URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202209/t20220916_10766853.shtml (дата обращения: 25.08.2025).

Таблица 2. Динамика накопленных прямых иностранных инвестиций континентального Китая в Беларуси (на начало года), млн долл. США

Год	ПИИ, всего	Участие в капитале	Долговые инструменты	Абсолютное изменение по сравнению с предыдущим годом		
				ПИИ, всего	Участие в капитале	Долговые инструменты
2019	327,2	327,2	0,0	–	–	–
2020	395,7	395,7	0,0	68,5	68,5	0,0
2021	607,3	410,8	196,5	211,6	15,1	196,5
2022	646,1	410,1	236,0	38,8	–0,7	39,5
2023	747,6	488,5	259,1	101,5	78,4	23,1

Примечание. Таблица составлена на основе данных Народного банка Китая в рамках Координированного обследования прямых инвестиций под эгидой МВФ¹.

Таблица 3. Динамика накопленных прямых иностранных инвестиций Гонконга в Беларуси (на начало года), млн долл. США

Год	ПИИ, всего	Участие в капитале	Долговые инструменты	Абсолютное изменение по сравнению с предыдущим годом		
				ПИИ, всего	Участие в капитале	Долговые инструменты
2019	5,4	2,9	2,6	1,6	0,6	1,0
2020	8,5	8,2	0,3	3,0	5,3	–2,3
2021	6,9	6,6	0,3	–1,5	–1,5	0,0
2022	8,2	7,8	0,3	1,3	1,2	0,0
2023	23,7	21,4	2,3	15,5	13,6	2,0
2024	23,4	21,1	2,3	–0,3	–0,3	0,0

Примечание. Таблица составлена на основе данных Национального банка Беларуси в рамках Координированного обследования прямых инвестиций под эгидой МВФ².

Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень». В седьмом пункте Совместной декларации об установлении отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства отмечается, что Беларусь и КНР сконцентрируют усилия на развитии Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень» как международного индустриального кластера и города-спутника г. Минска³. В качестве драйверов дальнейшего развития индустриального парка Беларусь и Китай рассматривают: а) увеличение инвестиций (в том числе за счет привлечения крупных производственных и высокотехнологических китайских предприятий в качестве резидентов парка); б) реализацию совместного проекта по строительству мультимодального

¹ World Economic Outlook Database: April 2024 edition. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April> (date of access: 05.09.2025).

² Ibidem.

³ URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202209/t20220916_10766853.shtml (дата обращения: 25.08.2025).

железнодорожного терминала; в) развитие традиционной и инновационной китайской медицины и фармацевтики.

Таким образом, в развитии взаимовыгодного экономического сотрудничества Беларуси и Китая значимую роль будет играть реализация инвестиционных проектов с участием резидентов Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень» как важнейшей узловой платформы Экономического пояса Шелкового пути в Евразийском регионе.

Необходимо подчеркнуть, что индустриальный парк наделен статусом особой экономической зоны с *режимом наибольшего благоприятствования для компаний-резидентов внутри парка, а также для аффилированных с ними компаний за его пределами*. В результате режим наибольшего благоприятствования для инвесторов в Китайско-Белорусском индустриальном парке «Великий камень» в случае регистрации аффилированных фирм распространяется на всю территорию Беларуси (207,6 тыс. км²).

Резиденты индустриального парка инвестируют капитал в развитие передовых технологий, включая такие технологии Индустрии 4.0, как хранение и аналитика больших данных, Интернет вещей, системы управления умным городом, человеко-машинные интерфейсы, системы автоматизации и роботизации производственных и иных процессов, аддитивное производство, 3D моделирование, искусственный интеллект, машинное обучение, компьютерное зрение, беспилотные авиационные комплексы, лидарные системы для беспилотных транспортных средств и промышленных дронов, системы навигации и др. В будущем индустриальный парк станет первой в Беларуси пилотной зоной мобильной связи 5G, а также будет внедрять беспилотное вождение.

В настоящее время в индустриальном парке зарегистрировано 137 резидентов из 13 стран с заявленным объемом инвестиций более 1,5 млрд долл. США. Более половины резидентов парка – это компании с китайским капиталом. В их числе ООО «Бел Хуавэй Технолоджис», ООО «Завод телекоммуникационного оборудования (ZTE)», ООО «Зумлион Бел-Рус», ООО «Чэнду Синьджу Шелковый Путь Развитие», ЗАО «Чайна Мерчантс СиЭйчЭн-БиЭлАр Коммерческая и Логистическая компания», ООО «Синомачбел», ООО «САС Индастриал», ООО «Сигикоп-Высокие технологии», СЗАО «Авиационные технологии и комплексы», ООО «Китайско-белорусский центр инновационных биоинженерных технологий», ООО «Научно-исследовательский институт наук о жизни Хунцзюбел», ООО «КитБай научно-исследовательский институт высокотехнологичных инноваций» и др.

Кроме того, в перечень учредителей и акционеров компаний – резидентов парка входят инвесторы из Беларуси, России, США, Германии, Швейцарии, Сингапура, Австрии, Израиля, Бельгии, Кипра, Чехии, Латвии и др. В настоящее время резиденты парка экспортируют товары и услуги в более чем 20 стран мира. По данным Национального статистического комитета Беларуси, экспорт товаров резидентов парка в 2023 г. возрос по сравнению с предыдущим годом на 5,6 % – до рекордных 135,8 млн долл. США (табл. 4)¹.

Таблица 4. Динамика основных показателей деятельности резидентов Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень»

Показатель	2017 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Количество зарегистрированных резидентов (на конец года)	23	60	68	85	100	120
Количество действующих резидентов (на конец года)	17	46	52	63	63	88
Среднесписочная численность работников, человек	59	617	1115	1826	2219	2719
Выручка от реализации товаров, работ и услуг, млн руб.	5,7	58,5	188,9	373,0	737,6	1135,1
Инвестиции в основной капитал, млн руб.	97,7	90,2	104,1	144,4	121,6	116,3
Иностранные источники инвестиций в основной капитал, млн руб.	88,7	66,0	73,4	114,5	82,8	64,5
ПИИ на чистой основе*, млн долл. США	–	114,9	44,3	50,2	14,4	28,7
Экспорт товаров, млн долл. США	12,8	33,0	75,8	93,2	128,6	135,8
Импорт товаров, млн долл. США	26,9	60,6	96,5	129,0	173,7	248,5

* Прямые иностранные инвестиции на чистой основе – без учета задолженности прямому инвестору за товары, работы, услуги.

Пр и м е ч а н и е. Таблица составлена на основе данных Белстата¹, которые приведены без учета деятельности резидентов за пределами территории индустриального парка (за исключением показателей по внешней торговле).

Необходимо отметить, что согласно генеральному плану, в Китайско-Белорусском индустриальном парке «Великий камень» также будут построены современные многоквартирные жилые дома, школы, дошкольные учреждения, торговый центр и другая инфраструктура, и это позволит обеспечить комфортное проживание 100 тыс. человек².

Взаимная торговля товарами. В шестом пункте Совместной декларации об установлении отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства отмечается, что Беларусь и Китай продолжают увеличивать двустороннюю торговлю, оптимизировать ее структуру, наращивать экспорт белорусских товаров и услуг в КНР, стимулировать увеличение в нем доли продукции с высокой добавленной стоимостью и высокотехнологической продукции³. По данным Национального бюро статистики Китая, экспорт китайских товаров в Беларусь в 2023 г. увеличился по сравнению с предыдущим годом

¹ The main indicators of the activity of the residents of China-Belarus Industrial Park Great Stone (annual data) / National Statistical Committee of the Republic of Belarus. URL: <https://www.belstat.gov.by/en/ofitsialnaya-statistika/macroeconomy-and-environment/small-area-statistics/special-economic-zones/annual-data/> (date of access: 23.08.2025).

² «Великий камень» представлен бизнес-кругам в сфере дeвeлoпмeнтa // Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень». URL: <https://industrialpark.by/novosti/2024/velikij-kamen-predstavlen-biznes-krugam-v-sfere-developmenta/> (дата обращения: 25.08.2025).

³ URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202209/t20220916_10766853.shtml (дата обращения: 25.08.2025).

на 78,3 % – до рекордных 5,839 млрд долл. США¹. Экспорт белорусских товаров в континентальный Китай в 2023 г. возрос по сравнению с 2022 г. на 44,3 % – до рекордных 2,604 млрд долл. США. При этом, по данным Департамента переписи населения и статистики Гонконга, экспорт гонконгских товаров в Беларусь в 2023 г. увеличился по сравнению с предыдущим годом на 53,1 % – до 35,246 млн долл. США². Экспорт белорусских товаров в Гонконг в 2023 г. уменьшился по сравнению с 2022 г. на 62,1 % – до 0,994 млн долл. США.

В качестве положительной тенденции следует отметить увеличение объемов взаимной торговли высокотехнологичными товарами (high-tech products) согласно методологии Евростата³. По нашим расчетам на основе данных Национального бюро статистики Китая, экспорт высокотехнологичных товаров из континентального Китая в Беларусь в 2023 г. увеличился по сравнению с предыдущим годом на 57,4 % – до 570,733 млн долл. США. Экспорт высокотехнологичных товаров из Беларуси в континентальный Китай в 2023 г. возрос по сравнению с 2022 г. на 21,5 % – до 6,038 млн долл. США. В табл. 5 и 6 представлены данные о взаимной торговле отдельными высокотехнологичными товарами между Беларусью и континентальным Китаем.

Таблица 5. Экспорт основных высокотехнологичных товаров из континентального Китая в Беларусь, тыс. долл. США

Наименования товаров	Код SITC Rev. 4	2022 г.	2023 г.	Темп роста, %
Машины для автоматической обработки данных и их узлы; магнитные или оптические считывающие устройства, машины для ввода данных в носители информации в кодированном виде и машины для обработки таких данных, не включенные в другие категории	752	49 502,3	155 553,9	314,2
Оборудование для электросвязи, не включенное в другие категории; не включенные в другие категории детали и принадлежности аппаратуры, включенной в отдел 76 (за исключением 764.93 и 764.99)	764 (без 764.93, 764.99)	76 912,3	86 243,6	112,1
Оптические приборы и аппараты, не включенные в другие категории	871	23 722,6	57 321,4	241,6
Горизонтальные токарные станки с цифровым управлением	731.31	3095,2	55 217,1	1783,9
Измерительные, контрольные, анализирующие и регулирующие инструменты и приборы, не включенные в другие категории (за исключением 874.11 и 874.2)	874 (без 874.11, 874.2)	18 896,0	26 496,7	140,2

¹ World Integrated Trade Solution (WITS) / World Bank. URL: <https://wits.worldbank.org/> (date of access: 25.08.2025).

² Ibidem.

³ High-tech aggregation by SITC Rev. 4 / Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/cache/metadata/Annexes/htec_esms_an_5.pdf (date of access: 20.08.2025).

Продолжение табл. 5

Наименования товаров	Код SITC Rev. 4	2022 г.	2023 г.	Темп роста, %
Антибиотики, не включенные в категорию медикаментов под заголовком 542	541.3	19 472,7	25 710,7	132,0
Электродиагностическая аппаратура для медицинских, хирургических, зубоврачебных или ветеринарных целей и рентгеновская аппаратура	774	15 932,2	23 637,5	148,4
Электрические машины и оборудование, выполняющие индивидуальные функции, не включенные в другие категории; их детали	778.7	21 217,3	22 342,6	105,3
Оптические волокна, пучки и кабели из оптических волокон; листы и пластины поляризующего материала; несмонтированные оптические элементы	884.19	10 229,8	19 263,3	188,3
Щиты, панели, пульта, столы, шкафы и другие монтажные основания, оборудованные двумя приборами или более, включенными в подгруппы 772.4 и 772.5, для управления электрическими цепями или распределения электроэнергии	772.61	15 259,8	13 251,0	86,8
Станки для обработки любых материалов посредством удаления материала с помощью лазерного или другого светового или фотонного луча, ультразвука, электрического разряда, электрохимическим методом, с помощью электронного луча, ионного луча или плазменной струи	731.1	4530,7	11 216,9	247,6
Полупроводниковые носители	898.46	8476,6	10 215,7	120,5
Детали и принадлежности, пригодные для использования исключительно или главным образом с машинами, включенными в группу 752	759.97	3915,9	7009,1	179,0
Полиэтилентерефталат	574.33	119,0	6062,5	5092,9
Медикаменты, содержащие антибиотики или их производные	542.1	5135,6	5999,1	116,8
Печатные схемы	772.2	7935,8	5959,7	75,1
Диоды, транзисторы и аналогичные полупроводниковые устройства; фоточувствительные полупроводниковые устройства; светоизлучающие диоды	776.3	4308,2	5512,1	127,9
Инсектициды, родентициды, фунгициды, гербициды; вещества, предотвращающие прорастание овощей; вещества, регулирующие рост растений, и др.	591	1756,6	4603,5	262,1
Гликозиды; железы и другие органы и их экстракты; сыворотки, вакцины и аналогичные продукты	541.6	52 485,6	4067,9	7,8

Окончание табл. 5

Наименования товаров	Код SITC Rev. 4	2022 г.	2023 г.	Темп роста, %
Электрическая аппаратура для подачи звуковых или визуальных сигналов	778.84	2935,3	3859,8	131,5
Видеозаписывающие и видеовоспроизводящие устройства	763.8	1857,3	2596,1	139,8
Гибочные, фальцовочные, рихтовочные или плющильные станки (включая прессы) с цифровым управлением	733.12	573,9	2275,1	396,4
Прочие устройства с возможностью подключения к устройствам автоматической обработки данных и к сети	751.95	2508,0	2115,3	84,3
Не включенные в другие категории детали и приспособления, пригодные для использования исключительно или главным образом со станками, включенными в группы 731 и 733	735.9	797,0	1833,1	230,0
Прочие токарные станки с цифровым управлением	731.35	–	1414,0	–
Синтетические органические красящие вещества и краплаки, а также основанные на них препараты	531	1655,8	1412,8	85,3
Машины, выполняющие две или более функций печати, копирования или факсимильной передачи, с возможностью подключения к устройствам автоматической обработки данных или к сети	751.94	2336,9	1076,8	46,1
Гормоны, простагландины, тромбоксаны и лейкотриены, натуральные или полученные путем синтеза; их производные или структурные аналоги, включая полипептиды с модифицированной цепочкой, используемые прежде всего в качестве гормонов	541.5	841,5	870,5	103,4

Примечания.

1. Таблица составлена на основе данных Национального бюро статистики Китая из базы данных Всемирного банка (World Integrated Trade Solution)¹.

2. Товары отсортированы в порядке убывания объемов экспорта в 2023 г.

3. В некоторых случаях приведены сокращенные наименования товаров. Полные наименования товаров представлены в четвертой редакции Международной стандартной торговой классификации ООН (Standard international trade classification Revision 4, SITC Rev. 4)².

¹ URL: <https://wits.worldbank.org/> (date of access: 25.08.2025).

² UN Standard international trade classification, Revision 4 (SITC Rev. 4). URL: <https://unstats.un.org/unsd/trade/sitcrev4.htm> (date of access: 20.08.2025).

Таблица 6. Экспорт высокотехнологичных товаров из Беларуси
в континентальный Китай, тыс. долл. США

Наименования товаров	Код SITC Rev. 4	2022 г.	2023 г.	Темп роста, %
Двигатели и моторы, неэлектрические (кроме включенных в группы 712, 713 и 718); детали этих двигателей и моторов, не включенные в другие категории (за исключением 714.89 и 714.99)	714 (без 714.89, 714.99)	423,4	2392,0	565,0
Оптические приборы и аппараты, не включенные в другие категории	871	1920,4	1571,3	81,8
Измерительные, контрольные, анализирующие и регулирующие инструменты и приборы, не включенные в другие категории (за исключением 874.11 и 874.2)	874 (без 874.11, 874.2)	1793,1	1355,0	75,6
Оптические носители	898.44	–	386,0	–
Радиоактивные и связанные с ними материалы	525	–	141,1	–
Щиты, панели, пульта, столы, шкафы и другие монтажные основания, оборудованные двумя приборами или более, включенными в подгруппы 772.4 и 772.5, для управления электрическими цепями или распределения электроэнергии	772.61	101,5	62,1	61,2
Полупроводниковые носители	898.46	83,7	57,9	69,2
Детали и принадлежности, пригодные для использования исключительно или главным образом с машинами, включенными в группу 752	759.97	–	32,5	–
Диоды, транзисторы и аналогичные полупроводниковые устройства; фоточувствительные полупроводниковые устройства; светоизлучающие диоды	776.3	83,9	18,4	21,9
Электронные интегральные микросхемы	776.4	73,3	9,0	12,3
Оптические волокна, пучки и кабели из оптических волокон; листы и пластины поляризующего материала; несмонтированные оптические элементы	884.19	88,8	3,4	3,9
Машины для автоматической обработки данных и их узлы; магнитные или оптические считывающие устройства, машины для ввода данных в носители информации в кодированном виде и машины для обработки таких данных, не включенные в другие категории	752	6,3	3,3	52,5
Медикаменты, содержащие антибиотики или их производные	542.1	8,4	2,2	26,6
Электрические машины и оборудование, выполняющие индивидуальные функции, не включенные в другие категории; их детали	778.7	319,5	2,2	0,7
Пьезоэлектрические кристаллы, смонтированные; не включенные в другие категории детали электронных компонентов, указанных в группе 776	776.8	31,8	0,7	2,2

Окончание табл. 6

Наименования товаров	Код SITC Rev. 4	2022 г.	2023 г.	Темп роста, %
Оборудование для электросвязи, не включенное в другие категории; не включенные в другие категории детали и принадлежности аппаратуры, включенной в отдел 76 (за исключением 764.93 и 764.99)	764 (без 764.93, 764.99)	4,1	0,5	12,2
Синтетические органические красящие вещества и краплаки, а также основанные на них препараты	531	–	0,1	–
Электрические конденсаторы, постоянные, переменные или регулируемые (подстроечные) (за исключением 778.61, 778.66 и 778.69)	778.6 (без 778.61, 778.66, 778.69)	21,9	–	–
Электродиагностическая аппаратура для медицинских, хирургических, зубоврачебных или ветеринарных целей и рентгеновская аппаратура	774	8,5	–	–
Фотокамеры (кроме кинокамер)	881.11	0,2	–	–

Примечания.

1. Таблица составлена на основе данных Национального бюро статистики Китая из базы данных Всемирного банка (World Integrated Trade Solution)¹.

2. Товары отсортированы в порядке убывания объемов экспорта в 2023 г.

3. В некоторых случаях приведены сокращенные наименования товаров. Полные наименования товаров представлены в четвертой редакции Международной стандартной торговой классификации ООН (Standard international trade classification Revision 4, SITC Rev. 4)².

По нашим оценкам, Беларусь и КНР обладают огромным потенциалом увеличения взаимной торговли высокотехнологичными товарами, товарами с высокой добавленной стоимостью и высокотехнологичными наукоемкими услугами (включая телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги, а также услуги по статье платежного баланса «Плата за использование интеллектуальной собственности»). В частности, резиденты Беларуси могут поставлять в Китай следующие высокотехнологичные товары: инсектициды, родентициды, фунгициды, гербициды; вещества, предотвращающие прорастание овощей; вещества, регулирующие рост растений; дезинфицирующие средства и аналогичные вещества, приготовленные или упакованные для розничной торговли либо в виде препаратов или отдельных изделий (код SITC Rev. 4 – 591); гликозиды; железы и другие органы и их экстракты; сыворотки, вакцины и аналогичные продукты (541.6); кабель из оптического волокна (773.18); микроволновые трубки (776.25); и др.

Сотрудничество в сфере науки, технологий и инноваций. В восьмом пункте Совместной декларации об установлении отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства в качестве главных приори-

¹ URL: <https://wits.worldbank.org/> (date of access: 25.08.2025).

² URL: <https://unstats.un.org/unsd/trade/sitcrev4.htm> (date of access: 20.08.2025).

тетов определены научно-технологическое сотрудничество и взаимодействие в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), включая сотрудничество в рамках «Цифрового Шелкового пути»¹. При этом в указанном документе Китай и Беларусь выразили готовность увеличивать финансирование совместных научно-технических проектов, расширять коммерциализацию инновационных разработок и их внедрение в производство.

Президент Беларуси Александр Лукашенко в ходе встречи с Премьером Государственного совета КНР Ли Цяном в августе 2024 г. предложил определить в качестве стержневой задачи правительств двух стран на среднесрочную перспективу до 2030 г. реализацию большого прихода китайских технологий в Беларусь². В рамках визита китайской делегации официально объявлены Годы сотрудничества Беларуси и КНР в области науки, технологий и инноваций (2024–2025 годы), что придаст дополнительный импульс развитию двустороннего сотрудничества в научно-технологической и инновационной сферах. План мероприятий по проведению Годов сотрудничества Беларуси и КНР в области науки, технологий и инноваций предусматривает реализацию совместных научных и научно-технологических проектов, создание и развитие белорусско-китайских платформ сотрудничества и др.

В выполнении мероприятий плана будут задействованы 140 организаций (59 – с белорусской стороны и 81 – с китайской), включая ведущие научные центры двух стран, крупные технологические корпорации, отраслевые ведомства и их подведомственные организации. Например, план предусматривает развитие сотрудничества в сфере ИКТ по вопросам разработки программного обеспечения и применения технологий 5G/6G с участием китайских корпораций ZTE, Huawei Technologies и PhotonSpeak, резидентов Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень» и Парка высоких технологий, белорусских предприятий «Белтелеком» и «Промсвязь».

Кроме того, в плане предусмотрено открытие в Минске проектного офиса Китайского центра трансфера технологий государств – членов ШОС, что будет способствовать привлечению в Беларусь передовых иностранных технологий и коммерциализации разработок белорусских организаций за рубежом.

В рамках официального визита в Беларусь Премьера Государственного совета КНР Ли Цяна Национальная академия наук Беларуси и Северо-Западный политехнический университет подписали Меморандум о создании филиала НАН Беларуси в КНР. Открытие филиала позволит расширить двустороннее сотрудничество в таких областях, как аэрокосмическая техника, космические науки, оптика, оптоэлектроника, микроэлектроника, производство высокотехнологичного оборудования, композитные материалы, цифровой интеллект, биотехнологии, фармакология и др. Предусматриваются следующие меха-

¹ URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202209/t20220916_10766853.shtml (дата обращения: 25.08.2025).

² 卢卡申科建议中国实现中国技术大量流入白俄罗斯 // Belarusian Telegraph Agency = Лукашенко предложил Китаю привлечь большой поток китайских технологий в Беларусь // Белорусское телеграфное агентство. URL: <https://chn.belta.by/president/view/-28714-2024/> (дата обращения: 21.08.2025).

низмы сотрудничества: обмен высококвалифицированными китайскими и белорусскими экспертами, организация обучения высококвалифицированных научных сотрудников, совместная подготовка магистров и докторантов, инициирование реализации совместных исследований и разработок, содействие взаимному внедрению передовых технологий и инноваций, создание совместных лабораторий в рамках инициативы «Пояс и путь».

К слову, на базе организаций НАН Беларуси в 2023 г. созданы совместные исследовательские центры: 1) Китайско-Белорусская международная совместная лаборатория плазменных технологий (учредители – ООО «Китайско-Белорусский Высокотехнологичный аэрокосмический центр исследований и разработок» и Институт тепло- и массообмена им. А. В. Лыкова); 2) Белорусский исследовательский центр Академии наук провинции Шаньдун (учредители – Академия наук провинции Шаньдун и НАН Беларуси).

При этом организации НАН Беларуси выполняют следующие экспортные контракты с китайскими партнерами: 1) разработку систем мониторинга и программного обеспечения (ГП «Центр радиотехники»); 2) разработку и изготовление высокотехнологичной оптической родукции и др. (ГНПО «Оптика, оптоэлектроника и лазерная техника», Институт физики им. Б. И. Степанова); 3) изучение биологической эффективности препаратов в защите сельскохозяйственных культур от вредных организмов (Институт защиты растений); 4) нанесение покрытий, монтаж и запуск оборудования и др. (Объединенный институт машиностроения); 5) разработку технологии получения синтетических углеводородов, мембран (Институт физико-органической химии); 6) услуги по проведению микробиологического анализа образцов, контролю болезней сельскохозяйственных культур (ГНПО «Химический синтез и биотехнологии»); 7) разработку технологии создания новых материалов (Научно-практический центр по материаловедению); 8) разработку и изготовление систем для нанесения покрытий (Физико-технический институт); 9) образовательные услуги (Университет НАН Беларуси, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Институт философии, Институт экономики); и др.

Заключение

Всепогодное и всестороннее стратегическое партнерство Беларуси и Китая создает широкие возможности в части дальнейшего развития взаимовыгодного экономического сотрудничества между странами в контексте реализации инициативы «Пояс и путь». За последние годы подписаны стратегически важные документы и соглашения, реализация которых придаст дополнительный импульс развитию двустороннего сотрудничества по всем направлениям, включая кредитно-инвестиционное сотрудничество, привлечение прямых инвестиций, взаимную торговлю товарами и услугами, сотрудничество в сфере науки, технологий и инноваций, гуманитарное сотрудничество и др.

При этом стимулирование взаимных инвестиций в научно-технологической и инновационной сфере может стать важнейшим драйвером развития

взаимовыгодного экономического сотрудничества Беларуси и КНР в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Среди возможных мер по стимулированию таких инвестиций можно выделить:

1) создание зон свободной торговли высокотехнологичными товарами в рамках инициативы «Пояс и путь», включая зону свободной торговли высокотехнологичными товарами между КНР и ЕАЭС;

2) создание международного агентства по содействию инвестициям и продвижению инвестиций «Евразийское агентство по торговле и инвестициям» с участием КНР, государств ЕАЭС и других стран (в перспективе агентство может стать мощным катализатором экономической интеграции в глобальном масштабе);

3) внедрение в деятельность национальных агентств по содействию инвестициям и продвижению инвестиций механизмов привлечения качественных ПИИ и приоритизации инвестиционных проектов с учетом ожидаемого вклада проектов в достижение Целей в области устойчивого развития стран с использованием следующих критериев: а) проект имеет сильную технологическую составляющую и способствует развитию инноваций; б) проект способствует созданию высококачественных рабочих мест; в) проект реализуется в приоритетных секторах экономики; г) проект заполняет пробелы в локальных цепочках добавленной стоимости¹;

4) введение вычетов расходов на выполнение совместных научных исследований и разработок, внедрение и распространение китайских технологий, сертификацию белорусских предприятий по китайским стандартам, получение и продление патентов в КНР, обучение белорусских работников в китайских организациях, оплату труда привлеченных высококвалифицированных китайских специалистов из подлежащего к уплате налога на прибыль белорусских предприятий без ограничения периода времени, в течение которого такие налоговые вычеты (tax credits) могут быть сделаны;

5) укрепление человеческого капитала, включая: а) содействие взаимным ПИИ в секторах, требующие высокой квалификации работников (skill-intensive sectors); б) разработку программ повышения квалификации и обучения навыкам использования новых технологий с учетом потребностей китайских инвесторов в рабочей силе; в) введение грантов на подготовку научных и инженерных кадров в КНР; г) распространение правового режима регистрации и найма иностранных работников и льгот по уплате подоходного налога и обязательных страховых взносов в Китайско-Белорусском индустриальном парке «Великий камень» на всех высококвалифицированных китайских специалистов, которых нанимают резиденты Беларуси; д) введение для белорусских граждан вычета расходов на обучение и образование в китайских организациях из подлежащего к уплате подоходного налога без ограничения периода времени, в течение которого такие налоговые вычеты могут быть сделаны;

¹ The new laws of FDI attraction: How to attract, measure and sustain quality FDI / OCO Global and WAIPA. URL: <https://waipa.org/waipa-content/uploads/OCO-Global-WAIPA-Innovation-Report-2023.pdf> (дата обращения: 15.08.2025).

б) расширение двустороннего сотрудничества в области венчурного капитала и частного акционерного капитала, включая: а) содействие белорусским компаниям в части выхода на китайские рынки венчурного капитала и частного акционерного капитала (запуск специальной программы подготовки стартапов к получению венчурных инвестиций с участием опытных наставников из разных стран и отраслей экономики; содействие налаживанию деловых связей между белорусскими предприятиями и китайскими венчурными инвесторами, сетями бизнес-ангелов, финансовыми институтами, краудфандинговыми платформами, акселераторами, бизнес-инкубаторами и научно-технологическими парками) [3]; б) содействие привлечению китайского венчурного капитала и частного акционерного капитала в Беларусь со стороны Национального агентства инвестиций и приватизации и иных государственных органов (включая полное освобождение от налогообложения прибыли китайских венчурных инвесторов в Беларуси).

Список использованных источников

1. Nedopil, C. China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report 2023 / C. Nedopil // Griffith Asia Institute, Griffith University (Brisbane) and Green Finance & Development Center, FISF Fudan University (Shanghai) : Report. – 2024. – 27 p. – DOI: 10.25904/1912/5140.
2. Wolf, M. The crisis of democratic capitalism / M. Wolf. – New York : Penguin Press, 2023. – 496 p.
3. Муха, Д. В. Система мер и инструментов инвестиционной политики по регулированию и стимулированию научно-технологического и инновационного развития: опыт Китая / Д. В. Муха // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / НАН Беларуси, Ин-т экономики. – 2024. – Вып. 8. – С. 53–67. – DOI: 10.47612/2789-5122-2024-8-53-67.

Поступила 09.09.2025

DEVELOPMENT OF MUTUALLY BENEFICIAL
ECONOMIC COOPERATION BETWEEN BELARUS AND CHINA
IN THE CONTEXT OF THE BELT AND ROAD INITIATIVE

D. Mukha

mukha@economics.basnet.by

Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor

The Institute of Economics of the NASB

Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article analyzes the development of mutually beneficial economic cooperation between Belarus and China in the context of the Belt and Road initiative. In particular, the two countries discussed credit and investment cooperation, mutual trade, attracting foreign direct investment, the development of the Chinese-Belarusian Industrial Park Great Stone, as well as cooperation between Belarus and China in the field of science, technology and innovation. Measures have been formulated to stimulate mutual investment in the scientific, technological and innovative fields, including the creation of the Eurasian Agency for Trade and Investment and a free trade zone for high-tech goods between the PRC and the Eurasian Economic Union.

Keywords: innovation, technology, Belt and Road initiative, credit and investment cooperation, foreign direct investment, mutual trade, export of high-tech goods, scientific and technological development, Chinese-Belarusian Industrial Park “Great Stone”.

<https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-25-40>

УДК 339.5

JEL E60, F02, F13

ПРИОРИТЕТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
ПОЛИТИКИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ
(С СЕРЕДИНЫ 1980-х ДО НАЧАЛА 2000-х ГОДОВ)

О Док Хи

paulminsk@mail.ru

кандидат экономических наук

Институт экономики НАН Беларуси

г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. Цель политики внешнеэкономического сотрудничества правительства Республики Корея заключается в снижении торговых барьеров и достижении роста экспорта путем расширения интересов в сферах двустороннего экономического интереса. Активное расширение внешнеэкономического сотрудничества способствует улучшению имиджа и повышению конкурентоспособности южнокорейской экспортной продукции. Кроме того, основными направлениями политики южнокорейского правительства по расширению внешнеэкономического сотрудничества являются, с одной стороны, расширение мер по привлечению в Корею иностранных компаний и иностранного капитала, а с другой – поощрение международной инвестиционной активности южнокорейских компаний.

Ключевые слова: расширение внешнеэкономического сотрудничества, расширение международной торговли, улучшение промышленной структуры, взаимная выгода между двумя сторонами.

Для цитирования: О Док Хи. Приоритеты становления и развития политики внешнеэкономического сотрудничества Республики Корея (с середины 1980-х до начала 2000-х годов) / О Док Хи // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / НАН Беларуси, Ин-т экономики. – 2025. – Вып. 11. – С. 25–40. – <https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-25-40>.

Введение

Начиная с 1980-х годов, политика внешнеэкономического сотрудничества Республики Корея претерпела значительные изменения. До 1980-х годов основная внешнеэкономическая политика правительства Республики Корея была сосредоточена на привлечении краткосрочных и долгосрочных кредитов, а также прямых иностранных инвестиций (далее – ПИИ) для создания промышленной базы с целью расширения экспортных рынков. Хотя Республика Корея за короткое время превратилась из аграрной страны в индустриальную и из закрытой экономики в открытую, до 1980-х годов ее правительство не придавало серьезного значения разработке стратегии по расширению внешнеэкономического сотрудничества.

Однако с середины 1980-х годов южнокорейское правительство активно проводило политику расширения внешнеэкономического сотрудничества с целью расширения объемов экономики, поддержания профицита платежного баланса,

и развития сотрудничества со странами с переходной экономикой¹. В частности, правительство Республики Корея расширило свою политику внешнеэкономического сотрудничества с целью занять более активную позицию в отношении внешнеторговых трений после вступления во Всемирную торговую организацию (далее – ВТО) в 1995 г. Тем более что оно разработало политику внешнеэкономического сотрудничества, направленную на расширение ПИИ, ориентированных на развивающиеся страны, и выход на новые рынки, сосредоточенные на странах Восточной Европы. Другими словами, по мере расширения международного влияния южнокорейской экономики стали возрастать требования к внешнеэкономическому сотрудничеству. В результате основная внешнеэкономическая политика южнокорейского правительства достигла активного перехода от политики приоритетного расширения экспортных рынков к политике расширения внешнеэкономического сотрудничества.

Результаты и их обсуждение

В рамках практической политики по расширению внешнеэкономического сотрудничества правительство Республики Корея в 1987 г. учредило Фонд внешнеэкономического сотрудничества для развития капитального сотрудничества с развивающимися странами. В то же время правительство Республики Корея способствовало расширению проектов официальной помощи развитию (далее – ОПР) для оказания прямой поддержки экономического состояния развивающихся стран. Кроме того, в целях диверсификации технологического сотрудничества с развивающимися странами в 1991 г. было создано Корейское агентство международного сотрудничества, которое активно продвигает политику внешнеэкономического сотрудничества, ориентированную на частные компании.

Благодаря реализации политики по расширению внешнеэкономического сотрудничества южнокорейское правительство добилось расширения этих связей не только на государственном уровне, но и на уровне частного предпринимательства. Примечательно то, что партнеры по внешнеэкономическому сотрудничеству Республики Корея начали расширяться от развитых стран, таких как США, Япония и Европейский Союз, до развивающихся стран Азии и северных социалистических стран, таких как Советский Союз, Китай и Восточная Европа.

Как упоминалось выше, основные направления политики южнокорейского правительства по расширению внешнеэкономического сотрудничества делятся на три категории.

¹ Группа бывших социалистических стран, начавшая переход от централизованной плановой к рыночной экономике в основном в последнем десятилетии XX века. К ним в первую очередь относятся бывшие советские республики и страны Центральной и Восточной Европы. В данной статье основное внимание уделено Восточной Европе, Советскому Союзу и Китаю, где южнокорейское правительство активно проводило политику внешнеэкономического сотрудничества.

Во-первых, основная политика внешнеэкономического сотрудничества южнокорейского правительства с США, Японией и Евросоюзом была сосредоточена на обеспечении постоянной конкурентоспособности на экспортных рынках развитых стран. В целом обеспечение постоянной конкурентоспособности экспортной продукции на развитых рынках напрямую связано с различной экономической политикой правительств развитых стран. Например, для обеспечения конкурентоспособности экспортной продукции на рынке США требовалось расширение прямых инвестиций. В целях защиты собственного рынка США проводили политику, предполагающую увеличение прямых инвестиций со стороны иностранных компаний, используя различные методы нетарифных барьеров. По этой причине основное направление внешнеэкономического сотрудничества южнокорейского правительства с США заключалось в содействии расширению торговли за счет увеличения прямых инвестиций в США.

Однако, чтобы обеспечить конкурентоспособность южнокорейской экспортной продукции на европейском рынке, необходимо было усилить интерес к вопросам труда и окружающей среды. Страны Евросоюза приняли законы, запрещающие трудовую эксплуатацию на основании плохих условий труда и минимальной заработной платы, а также применили эти законы к странам-экспортерам. Кроме того, была принята политика, законодательно запрещающая ценовую конкурентоспособность экспортной продукции, основанную на загрязнении окружающей среды. По этой причине южнокорейское правительство установило политику внешнеэкономического сотрудничества, соответствующую основной экономической политике, проводимой развитыми странами, с целью повышения конкурентоспособности экспортной продукции в развитых странах. Политика внешнеэкономического сотрудничества южнокорейского правительства с развитыми странами оказала положительное влияние на улучшение условий труда в Республике Корея и защиту окружающей среды.

Во-вторых, правительство Республики Корея проводило политику активного расширения внешнеэкономического сотрудничества с переходными экономическими странами (или с северными социалистическими странами), такими как Восточная Европа, Советский Союз и Китай, с целью обеспечения сырьевых и энергетических ресурсов, а также диверсификации торгового рынка. В частности, продвижение политики расширения внешнеэкономического сотрудничества с переходными экономическими странами послужило важнейшим фактором улучшения отношений с Северной Кореей и установления мира на Корейском полуострове в будущем.

В-третьих, по мере приобретения Республикой Корея статуса ведущей развивающейся страны в международном сообществе после 1980-х годов возросла необходимость расширения внешнеэкономического сотрудничества с развивающимися странами. В краткосрочной перспективе Республика Корея должна конкурировать с развивающимися странами за расширение торговли на мировом рынке и в то же время способствовать расширению внешнеэкономического сотрудничества в долгосрочной перспективе. Другими словами,

несмотря на наличие конкурентных отношений с развивающимися странами в сфере внешней торговли, Республика Корея также заинтересована в сотрудничестве с ними для продвижения взаимных национальных интересов. Значит, основная политика внешнеэкономического сотрудничества южнокорейского правительства с развивающимися странами заключалась в конкуренции за расширение экспортных рынков на мировом рынке и взаимном сотрудничестве в целях устойчивого экономического развития. По этой причине южнокорейское правительство проводило активную политику внешнеэкономического сотрудничества, направленную на передачу успешного опыта экономического развития Республики Корея развивающимся странам посредством сотрудничества с развивающимися странами.

В целом внешнеэкономическое сотрудничество Республики Корея с развитыми странами во многом определяется коммерческими интересами, поэтому основным агентом стал частный сектор. Однако экономическое сотрудничество с переходными экономическими и развивающимися странами стало формой сотрудничества под руководством государственного сектора, поскольку оно отражало политическую волю южнокорейского правительства. Более детальный взгляд на основные направления внешнеэкономического сотрудничества в трех регионах, продвигаемые южнокорейским правительством, заключается в следующем.

I. Политика внешнеэкономического сотрудничества с развитыми странами по поддержанию торговых рынков и внедрению высокоразвитых технологий в целях развития южнокорейской экономики.

Внешнеэкономическое сотрудничество с развитыми экономиками, такими как США, Япония и Евросоюз, было очень важно для развития южнокорейской экономики. Как показано в табл. 1 и 2, средняя тенденция торговли Республики Корея с развитыми странами за 6 лет (с 1985 по 1990 г.) была такой же, как и в общем южнокорейском экспорте, на долю США приходилось 34,7 %, на Японию – 18,8, а на Евросоюз – 12,8 %.

В результате на эти три региона в совокупности приходилось 66,3 % общего экспорта Республики Корея. Кроме того, среди общего импорта Республики Корея с 1985 по 1990 г. импорт из США составил 23,5 %, импорт из Японии – 29,3, а импорт из Евросоюза – 11,1 %. В результате на эти три региона пришлось 63,9 % корейского рынка импорта. Эти данные о торговле ясно показывают, что США, Япония и Евросоюз являются основными торговыми рынками Республики Корея.

В торговом секторе доля Республики Корея в экспорте и импорте с развитыми странами была подавляющей, в то время как прямые инвестиции Кореи в Японию и Евросоюз, за исключением США, были очень минимальными (табл. 3). ПИИ Республики Корея начались всерьез после середины 1980-х годов. Как показано в табл. 3, общий объем прямых инвестиций Республики Корея за границу с 1986 по 1990 г. составил 2294 млн долл. США, из которых

715 млн долл. США были инвестированы в США (26,7 % от общей суммы инвестиций Республики Корея). В то же время сумма инвестиций в Японию составила 30 млн долл. США (1,7 %), а в Евросоюз – 162 млн долл. США (примерно 5,7 % от общей суммы инвестиций Республики Корея). Если обратить внимание на инвестиции Республики Корея в основные страны перед интеграцией рынка Евросоюза в конце 1992 г., то Великобритания зафиксировала 69 млн долл. США, что эквивалентно 2,4 % от общей суммы инвестиций, а остальные инвестиции – в Германии, Франции и Италии – остались на очень незначительном уровне.

Таблица 1. Динамика объемов экспорта Республики Корея с развитыми странами, млн долл. США

Страна	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1985–1990 гг., %
США	10,754	13,880	18,310	21,404	20,639	19,360	34,7
Япония	4,543	5,426	8,437	12,004	13,457	12,638	18,8
Евросоюз	3,250	4,320	6,597	8,132	7,394	8,844	12,8
Великобритания	913	1,034	1,525	1,951	1,861	1,750	3,0
Западная Германия	979	1,242	2,002	2,368	2,368	2,849	3,9
Франция	316	543	880	1,070	894	1,119	1,6
Италия	184	319	552	733	681	750	1,1
Прочие	407	611	749	1,007	1,159	1,086	1,2
Общий экспорт	30,283	34,715	47,218	60,696	62,377	65,016	100,0

Примечание. Таблица составлена на основе ¹.

Таблица 2. Динамика объемов импорта Республики Корея с развитыми странами, млн долл. США

Страна	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1985–1990 гг., %
США	6,489	6,545	8,758	12,757	15,911	16,942	23,5
Япония	7,560	10,869	13,657	15,929	17,449	18,574	29,3
Евросоюз	2,970	3,320	4,610	6,042	6,492	8,410	11,1
Великобритания	566	454	722	915	923	1,226	1,7
Западная Германия	979	1,216	1,799	2,074	2,624	3,284	4,2
Франция	442	706	784	1,135	87	1,223	1,8
Италия	218	310	537	638	85	1,170	1,3
Прочие	1,239	1,201	1,437	2,009	2,563	3,040	4,0
Общий импорт	31,136	31,584	41,020	51,811	61,465	69,844	100,0

Примечание. Таблица составлена на основе ².

¹ Статистика экспорта/импорта Корейской ассоциации международной торговли. URL: <https://stat.kita.net/stat/cstat/peri/tot/TotTotalList.screen> (дата обращения: 12.02.2025).

² Там же.

Таблица 3. Объем прямых иностранных инвестиций Республики Корея в развитые страны, млн долл. США

Страна	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1985–1990 гг., %
США	92	58,5	167,7	92,9	153,8	242,1	27,6
Япония	20	2	1,3	6,5	10,2	10,8	1,7
Евросоюз	11	5,6	6,8	18,8	18,4	112,1	5,7
Великобритания	3,1	0,1	4	10,6	7,4	47,3	2,4
Западная Германия	5	3,3	2,4	2	0,9	3,8	0,6
Франция	2	0	0,1	1,2	1,5	2,8	0,3
Италия	0	0	0	0,2	0,2	0,4	0,03
Прочие	56,1	0,7	3,4	0,6	4,7	10,9	2,6
Общая сумма инвестиций	626,4	172	397,2	212,9	492,5	1019,7	100

Примечание. Таблица составлена на основе ¹.

Правительство Республики Корея выбрало две основные политические цели в реализации долгосрочной политики внешнеэкономического сотрудничества с развитыми странами.

1. Для выхода и расширения на рынки развитых стран южнокорейское правительство продвигало политику повышения качества экспортной продукции. Республика Корея столкнулась с проблемой принятия развитыми странами все более жестких ограничений на импорт для защиты своих собственных рынков. Для расширения экспорта в развитые страны повышение качества южнокорейской экспортной продукции стало неотложной задачей. В связи с этим фактическая внешнеэкономическая политика южнокорейского правительства заключалась в содействии переходу от трудоемкой экспортной продукции к капиталоемкой и высокотехнологичной продукции как способу повышения международной конкурентоспособности экспортной продукции на развитых рынках.

2. Южнокорейскому правительству требовалось расширить внешнеэкономическое сотрудничество с развитыми странами в целях развития своей промышленной структуры. В частности, правительство Республики Корея содействовало расширению внешнеэкономического сотрудничества с развитыми странами в целях развития тяжелой химической, электронной и полупроводниковой промышленности, которые составляют основу южнокорейской экономики. Результаты политики развития промышленной структуры Республики Корея привели к расширению экспортных рынков в развитые страны и повышению качества экспортной продукции. В итоге, с одной стороны, южнокорейское правительство должно было эффективно реагировать на протекционистскую тарифную политику развитых стран, чтобы расширить развитый

¹ Статистический ежегодник прямых иностранных инвестиций Банка Кореи. URL: <https://www.data.go.kr/data/3040164/fileData.do> (дата обращения: 12.02.2025).

рынок, а с другой – должно было способствовать тесному экономическому сотрудничеству с целью внедрения передовых технологий для развития высокотехнологичных отраслях Республики Корея.

Важность экспортных рынков развитых стран для южнокорейской экономики можно обобщить следующим образом:

1. Рынки развитых стран являются крупнейшими потребителями основной экспортной продукции Республики Корея. Даже если Республика Корея будет стремиться к расширению торговли с переходными экономическими странами и развивающимися странами для диверсификации своих экспортных рынков, она не сможет заменять развитые рынки, которые являются основными рынками экспортной продукции Республики Корея. В частности, продукция тяжелой и химической промышленности является основной статьёй экспорта Республики Корея. Экспорт тяжелой и химической промышленности Республики Корея увеличился со 120 млрд долл. США в 1996 г. до 170 млрд долл. США в 1999 г. Поскольку структура экспортной продукции Республики Корея была сосредоточена на продукции тяжелой химической промышленности, ее основными экспортными рынками не было иного выбора, кроме как развитые страны.

2. Для того чтобы Республика Корея стала передовой индустриальной структурой, южнокорейская экспортная продукция должна была обеспечить конкурентоспособность именно на развитых рынках. Чтобы южнокорейская промышленность вышла на уровень развитой страны, экспортная продукция должна была иметь прочную международную конкурентоспособность. Для достижения этой цели необходимо было протестировать южнокорейскую экспортную продукцию и получить признание ее качества на развитых рынках. Если основные экспортные товары Республики Корея не будут признаны по своему качеству на развитых рынках и не обеспечат международную конкурентоспособность, у них не будет иного выбора, кроме как оставаться экспортной продукцией средней и низкой цен. Если структура экспорта продукции средней и низкой ценовой категории сохранится, то Республика Корея отстанет от экспортного наступления развивающихся стран и в конечном итоге останется за пределами рынка развитых стран. В этом случае существовал риск того, что Республика Корея потеряет свою международную конкурентоспособность и останется на уровне экономики со средним уровнем дохода. Это экономическое явление называется «попаданием в ловушку среднего дохода».

3. Поскольку развитые рынки обладают большим покупательным потенциалом и разнообразными потребительскими предпочтениями, поэтому основные рынки для южнокорейской экспортной продукции должны были базироваться в развитых странах. В целом торговля промышленной продукцией более активна между странами с высоким уровнем дохода. По этой причине, чтобы экспортная продукция Республики Корея постепенно стремилась к высокому качеству и высоким ценам, у них не было другого выбора, кроме как основывать свою продукцию на развитых рынках с высоким уровнем доходов. В целях повышения конкурентоспособности на развитых рынках изучение

тонких изменений покупательной способности и потребительских предпочтений в развитых странах стало важной переменной в развитии южнокорейской экспортной продукции.

Правительство Республики Корея также установило политику расширения поддержки корпоративных инвестиций в НИОКР с целью расширения рынков развитых стран и поддержки развития креативной и специализированной экспортной продукции. Таким образом, развитые рынки сыграли важную роль не только как экспортный рынок Республики Корея, но и в поставке передовых технологий и средств производства для промышленного развития южнокорейской экономики.

II. Политика внешнеэкономического сотрудничества с переходными экономическими странами в целях обеспечения энергетических ресурсов и диверсификации торговых рынков. Политика внешнеэкономического сотрудничества Республики Корея с переходными экономическими странами представляла собой сотрудничество, ориентированное больше на политику и дипломатию, чем на экономические причины. В феврале 1988 г. южнокорейское правительство официально оформило установление дипломатических отношений и экономических обменов с переходными экономическими странами, но конечной целью было установление стабильности и мира на Корейском полуострове путем косвенного расширения обменов с Северной Кореей посредством сотрудничества с социалистическими странами. Страны, с которыми Республика Корея установила дипломатические отношения, были социалистическими странами Восточной Европы, такими как Венгрия, Чехословакия и Польша. После этого была установлена политика расширения дипломатического и экономического сотрудничества с Советским Союзом и Китаем, имевшим прямые отношения с Северной Кореей.

С экономической точки зрения политика Республики Корея по расширению внешнеэкономического сотрудничества с переходными экономическими странами может принести следующие выгоды:

1. Республика Корея является страной, испытывающей недостаток энергоресурсов и сырья для производства, которые являются основными факторами промышленного развития. В связи с этим важно было предоставить возможность стабильно обеспечивать необходимые энергетические ресурсы путем совместной разработки важнейших ресурсов на основе экономического сотрудничества с переходными экономическими странами.

2. Возможность улучшить торговую структуру Кореи, которая была ориентирована на США, Японию и Евросоюз, а также диверсифицировать ее экспортные рынки.

3. Расширению экономического сотрудничества с Советским Союзом способствовало внедрение фундаментальной науки и техники, а также передовых технологий военной промышленности, в которых нуждалась Республика Корея. Поэтому внешнеэкономическое сотрудничество Республики Корея

с Советским Союзом имело большое значение в ситуации, когда Корею было нелегко передать передовые технологии военной промышленности из развитых стран. В частности, фундаментальная наука и технологии, предоставленные Советским Союзом, внесли существенный вклад в производство новой продукции и увеличение экспорта южнокорейскими частными компаниями. Верно также и то, что технологическое сотрудничество в высокотехнологичной военной промышленности Советского Союза оказало значительное влияние на развитие тяжелой промышленности Республики Корея. В частности, внешнеэкономическое сотрудничество Республики Корея и Советского Союза во многом способствовало модернизации и глобализации южнокорейской оборонной промышленности.

4. Политика Республики Корея по расширению экономического сотрудничества с Советским Союзом основывалась прежде всего на обеспечении энергоресурсов путем совместной разработки природных ресурсов. В частности, большое значение для Республики Корея имело экономическое сотрудничество на Дальнем Востоке и в Приморье Советского Союза. Экономическое сотрудничество между Республикой Корея и Советским Союзом было сосредоточено на проектах освоения лесов, добычи угля и нефти, а также разработки газовых месторождений. Другими словами, это было внешнеэкономическое сотрудничество, ориентированное на разработку необходимых в Республике Корея сырьевых и энергетических ресурсов, таких как сырая нефть, газ и древесина [1, с. 11].

Можно проследить следующие тенденции экспорта и импорта Республики Корея с переходными экономическими странами. Как показано в табл. 4, в общем объеме экспорта Республики Корея среднее значение за 4 года (с 1987 по 1990 г.) составляло 2,4 % в Китай и по 0,4 % в Советский Союз и страны Восточной Европы, в общей сложности – около 3,5 %. Кроме того, согласно табл. 5, доля Китая в общем импорте Республики Корея составляла 2,8 %, Советского Союза – 0,5 %, стран Восточной Европы – 0,2 % (около 3,5 % от общего объема импорта).

Таблица 4. Динамика сравнения объемов экспорта Республики Корея с СССР, Китаем и странами Восточной Европы, млн долл. США

Страна	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1985–1990 гг., %
Советский Союз	0	0	67	112	208	519	0,4
Китай	683	668	813	1,700	1,438	1,580	2,4
Восточная Европа	0	0	102	126	271	541	0,4
Общая сумма экспорта	30,283	3,4715	47,281	60,696	62,377	65,016	100,0

Примечание. Таблица составлена на основе ¹.

¹ Статистика экспорта и импорта по странам и регионам. URL: <https://stat.kita.net/stat/world/trade/CtrlImpExpList.screen> (дата обращения: 18.02.2025).

Таблица 5. Динамика сравнения объемов импорта Республики Корея с СССР, Китаем и странами Восточной Европы, млн долл. США

Страна	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1985–1990 гг., %
Советский Союз	0	0	133	178	392	370	0,5
Китай	605	615	673	1,387	1,707	2,268	2,8
Восточная Европа	0	0	46	89	118	213	0,2
Общая сумма импорта	31,136	31,584	41,020	51,811	61,465	69,844	100,0

Примечание. Таблица составлена на основе ¹.

Однако новый поворотный момент произошел, когда южнокорейское правительство предоставило Советскому Союзу пакет экономического сотрудничества на сумму 3 млрд долл. США для нормализации дипломатических отношений между Республикой Корея и Советским Союзом, заключенный в 1990 г. Впоследствии, в 1990 г., экспорт Республики Корея в Советский Союз достиг 500 млн долл. США, а импорт из Советского Союза также достиг 400 млн долл. США. Поскольку объем торговли между Республикой Корея и Советским Союзом превысил 900 млн долл. США, объем торговли между двумя странами быстро увеличился и превысил 15 млн долл. США в 1996 г. А общий объем торговли Республики Корея с Китаем увеличился с 4 млрд долл. США в 1991 г. до 105 млрд долл. США в 1995 г. В результате доля торговли Республики Корея с переходными экономическими странами увеличилась с 3,5 % в 1990 г. до 12 % в 1995 г. [1, с. 13].

Как показано в табл. 6, прямые инвестиции Республики Корея в переходные экономические страны были минимальными. Основными факторами этого были отсутствие инвестиционной информации и политическая нестабильность в переходных экономических странах.

Таблица 6. Динамика сравнения объемов прямых иностранных инвестиций Республики Корея с СССР, Китаем и странами Восточной Европы, млн долл. США

Страна	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1985–1990 гг., %
Советский Союз	0	0	0	0	0,5	0,5	0,1
Китай	0,1	1,8	6	5,4	12	22,1	2,3
Восточная Европа	0	0	0	0	46,5	1,5	3,2
Общая сумма инвестиций	626,4	172,0	397,2	212,9	492,5	1019,7	100,0

Примечание. Таблица составлена на основе ².

¹ URL: <https://stat.kita.net/stat/world/trade/CtrProdImpExpList.screen> (дата обращения: 18.02.2025).

² Текущий статус прямых иностранных инвестиций Республики Корея. URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?sso=ok&returnurl=https%3A%2F%2Fkosis.kr%3A443%2FstatHtml%2FstatHtml.do%3FtblId%3DDDT_2KAA813%26orgId%3D101%26 (дата обращения: 18.02.2025).

В частности, Республика Корея не только расширила торговлю с переходными экономическими странами, но и сыграла важную роль в научно-техническом сотрудничестве. После 1985 г. Республика Корея развивала научно-техническое сотрудничество не только с Советским Союзом, но и постепенно в области фундаментальной науки и химической технологии с Венгрией, Чехословакией и Польшей. Фактически в декабре 1990 г. было достигнуто соглашение о передаче 281 передовой технологии из Советского Союза путем подписания соглашения о научно-техническом сотрудничестве между Республикой Корея и Советским Союзом. Кроме того, благодаря заключению соглашения между двумя странами было продвинуто научно-техническое сотрудничество в различных областях, таких как совместное научно-исследовательское сотрудничество при поддержке правительства и расширение сотрудничества с частными исследовательскими учреждениями. Видно, что внешнеэкономическая политика южнокорейского правительства по диверсификации экспорта и внедрению технологий добилась больших результатов и в политике расширения внешнеэкономического сотрудничества с переходными экономическими странами. В результате политика внешнеэкономического сотрудничества южнокорейского правительства с переходными экономическими странами внесла большой вклад в промышленное развитие Республики Корея. В итоге активное стремление правительства Республики Корея к внешнеэкономическому сотрудничеству с переходными экономическими странами стало важным фактором установления стабильности и мира на Корейском полуострове в долгосрочной перспективе.

III. Основная политика внешнеэкономического сотрудничества Республики Корея с развивающимися странами заключалась в улучшении структуры промышленности и диверсификации торговых рынков. С середины 1980-х годов в структуре промышленности Республики Корея произошли фундаментальные изменения. Основные отрасли промышленности Республики Корея сместились в сторону тяжелой химической, электронной и полупроводниковой промышленности. Промышленная структура Республики Корея начала трансформироваться из трудоемких отраслей, таких как текстильная, швейная и обувная промышленность, в отрасли, основанные на капитале и технологиях. В связи с этими изменениями в промышленной структуре Республики Корея трудоемкие отрасли были вынуждены переместиться в развивающиеся страны. Другими словами, текстильная, швейная и обувная промышленность Республики Корея стали рассматриваться как отрасли, находящиеся в упадке. Из-за высоких издержек производства и потери международной конкурентоспособности южнокорейское правительство активно содействовало перемещению трудоемких производств в Китай и Юго-Восточную Азию. Таким образом Республика Корея стремилась расширить внешнеэкономическое сотрудничество и улучшить структуру промышленности путем передачи трудоемких производств, теряющих свои сравнительные преимущества, в раз-

вивающиеся страны. В итоге внешнеэкономическое сотрудничество между Республикой Корея и развивающимися странами предоставило возможность содействовать индустриализации со стороны развивающихся стран. В частности, политика внешнеэкономического сотрудничества Республики Корея преследовала взаимную выгоду и общее процветание путем передачи опыта стандартизированного промышленного развития в трудоемкой обрабатывающей промышленности [2].

Республика Корея нуждалась в перемещении за границу трудоемких производств, а развивающиеся страны испытывали растущий спрос на развитие обрабатывающей промышленности. Другими словами, взаимная потребность во внешнеэкономическом сотрудничестве между Республикой Корея и развивающимися странами была удовлетворена. Главной движущей силой политики внешнеэкономического сотрудничества Республики Корея с развивающимися странами стала политика сотрудничества в области экономического развития, направленная на использование рабочей силы и ресурсов развивающихся стран посредством передачи южнокорейского капитала и промышленных технологий.

Внеэкономическое сотрудничество Республики Корея в области ПИИ с развивающимися странами, которое всерьез началось после середины 1980-х годов, можно разделить на Ближний Восток, Азию, Центральную и Южную Америку. Прямые инвестиции Республики Корея в регион Ближнего Востока были направлены в основном на разработку нефтяных ресурсов, а прямые инвестиции – в Азию, Центральную и Южную Америку – на перемещение трудоемких отраслей промышленности. Как показано в табл. 7, масштабы прямых инвестиций в азиатский регион увеличились, составив в среднем 23,3 % ПИИ Республики Корея за 5 лет (с 1985 по 1990 г.). На Ближний Восток приходилось 10,4 %, а на Латинскую Америку – 5,9 % ПИИ Республики Корея.

Таблица 7. Состояние прямых иностранных инвестиций Республики Корея в развивающиеся страны, млн долл. США

Страна	1985 г. (совокупно до 1985 г.)	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1985–1990 гг., %
Азия	98,5	5,2	129,8	35	114	298,6	23,3
Центральная и Южная Америка	59	2,4	4,5	9,9	58,9	36,3	5,9
Африка	12,1	0,05	0,6	1,5	8	26,8	1,7
Средний Восток	41,4	76,1	71,4	41,6	31,6	40,3	10,4
Прочие	24,8	0,9	2,2	2,8	17,8	21,7	2,4
Общая сумма инвестиций	626,4	172	397,2	212,9	492,5	1019,7	100,0

Примечание. Таблица составлена на основе [3, с. 25].

Среди стран Азии основными странами, куда Республика Корея осуществляла прямые инвестиции, были Индонезия, Таиланд, Малайзия и Гонконг, а среди стран Центральной и Южной Америки – Панама, Коста-Рика и Мексика. Поскольку прямые инвестиции Республики Корея за границу, начавшиеся в середине 1980-х годов, все еще находились на ранних стадиях, южнокорейские компании не осуществляли значительной экспансии за границу. Однако по мере того, как после 1990 г. усилилась зарубежная экспансия в трудоемкие отрасли, в том числе в текстильную и обувную, политика Республики Корея по расширению внешнеэкономического сотрудничества с развивающимися странами стала проводиться активнее.

В частности, текстильная и обувная промышленность Республики Корея были отнесены к категории отраслей, находящихся в упадке, с связи с чем возникла необходимость переноса производств в зарубежные страны. В результате перемещение за границу приходящих в упадок отраслей Республики Корея естественным образом привело к расширению внешнеэкономического сотрудничества и двусторонней торговли с развивающимися странами. К тому же расширение промышленного сотрудничества с развивающимися странами сыграло важную роль в промышленной реструктуризации Республики Корея от трудоемких отраслей к сфере высоких технологий и услуг.

Как показано в табл. 8, с 1985 по 1990 г. экспорт Республики Корея в развивающиеся страны составил 14,7 % от общего объема экспорта в Азии, 2,9 % в Латинской Америке, 1,4 % в Африке, 4,2 % на Ближнем Востоке и 0,2 % в других регионах. В целом доля экспорта Республики Корея в развивающиеся страны достигла 23,4 %. Как показано в табл. 9, импорт Республики Корея из развивающихся стран также составлял 21,6 % в целом; при этом на долю Азии приходилось 10,8 %, Центральной и Южной Америки – 3,1, Африки – 0,5, Ближнего Востока – 6,9 и других регионов – 0,3 % за тот же период.

Таблица 8. Динамика экспорта Республики Корея в развивающиеся страны, млн долл. США

Страна	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1985–1990 гг., %
Азия	4,140	4,300	5,710	8,641	9,944	11,299	14,7
Центральная и Южная Америка	1,079	907	1,226	1,601	1,740	2,104	2,9
Африка	647	442	503	754	921	915	1,4
Средний Восток	2,043	1,823	2,149	2,621	2,030	2,009	4,2
Прочие	31	49	74	114	134	128	0,2
Общий экспорт	30,283	34,715	47,281	60,696	62,377	65,015	100,0

Примечание. Таблица составлена на основе [3, с. 27].

Таблица 9. Динамика импорта Республики Корея в развивающиеся страны, млн долл. США

Страна	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1985–1990 гг., %
Азия	3,926	3,162	4,435	5,388	6,509	7,637	10,8
Центральная и Южная Америка	1,859	1,258	1,184	1,442	1,544	1,726	3,1
Африка	396	174	90	154	242	363	0,5
Средний Восток	2,986	1,941	2,670	2,890	3,933	5,295	6,9
Прочие	71	90	212	165	187	160	0,3
Общий импорт	31,136	31,584	41,020	51,811	61,465	69,844	100,0

Примечание. Таблица составлена на основе [3, с. 29].

В частности, обязательства Республики Корея по ОПР увеличились после того, как она в марте 1995 г. присоединилась в качестве члена к Организации экономического сотрудничества и развития. В результате экономическое сотрудничество Республики Корея, основанное на взаимном доверии с развивающимися странами, расширилось за счет программ ОПР. Таким образом, основная политика внешнеэкономического сотрудничества Республики Корея состояла из экономического сотрудничества, сосредоточенного на энергетических ресурсах, таких как нефть и сжиженный нефтяной газ, со странами Ближнего Востока, а также экономического сотрудничества, сосредоточенного на сырье, таком как дерево, полезные ископаемые и рыбные ресурсы, с азиатскими странами. Поскольку Республика Корея сталкивалась с проблемой абсолютной нехватки природных ресурсов, обеспечение диверсифицированных источников поставок ресурсов стало важной задачей ее политики внешнеэкономического сотрудничества. В связи с этим расширение экономического сотрудничества с развивающимися странами стало важным критерием политики внешнеэкономического сотрудничества для стабильного и непрерывного промышленного развития Республики Корея.

Заключение

Основные направления политики южнокорейского правительства по расширению внешнеэкономического сотрудничества делятся на три категории. Во-первых, основная политика южнокорейского правительства в области внешнеэкономического сотрудничества с США, Японией и Европейским Союзом была сосредоточена на обеспечении постоянной конкурентоспособности на экспортных рынках развитых стран и внедрении передовых промышленных технологий. Во-вторых, правительство Республики Корея проводило политику активного расширения внешнеэкономического сотрудничества

с переходными экономическими странами, такими как Восточная Европа, Советский Союз и Китай, с целью обеспечения сырьевых и энергетических ресурсов, а также диверсификации торгового рынка. Кроме того, ставилась цель установления мира на Корейском полуострове в долгосрочной перспективе путем расширения внешнеэкономического сотрудничества с этими странами. В-третьих, южнокорейское правительство содействовало тесному внешнеэкономическому сотрудничеству с развивающимися странами с целью улучшения промышленной структуры Кореи и формирования эффективных глобальных цепочек создания стоимости. В частности, для укрепления внешнеэкономического сотрудничества с развивающимися странами правительство Кореи расширило программу сотрудничества в области ОПР. Благодаря реализации политики по расширению внешнеэкономического сотрудничества южнокорейское правительство стало добиваться расширения внешнеэкономического сотрудничества не только на государственном уровне, но и на уровне частного предпринимательства.

Республика Корея добилась индустриализации и экономической либерализации, несмотря на отсутствие особых природных ресурсов и фактическое отсутствие промышленной базы из-за гражданской войны. Действительно, достижения Республики Корея в экономическом развитии считаются беспрецедентным успехом во всем мире. Именно поэтому опыт экономического развития Республики Корея привлекает пристальное внимание международного сообщества. Предполагается, что модель развития политики внешнеэкономического сотрудничества Республики Кореи будет полезна при формировании внешнеэкономической политики не только для развивающихся стран, но и для Беларуси.

Список использованных источников

1. Ли Чангю. Политика внешнеэкономического сотрудничества Республики Корея с Советским Союзом / Ли Чангю // Журнал Корейского института внешнеэкономической политики. – 2016. – № 10. – С. 11–15 (на корейском языке).
2. Чои Джунёнг. Политика внешнеэкономического сотрудничества Кореи с развивающимися странами / Чои Джунёнг // Журнал Корейского института промышленной экономики и торговли. – 2018. – № 11. – С. 31–35 (на корейском языке).
3. Ким Вонхо. Основные направления политики внешнеэкономического сотрудничества правительства Республики Корея с развивающимися странами / Ким Вонхо // Журнал Корейского института внешнеэкономической политики. – 2019. – № 06. – С. 25–29 (на корейском языке).

Поступила 11.09.2025

PRIORITIES FOR THE FORMATION AND DEVELOPMENT
OF FOREIGN ECONOMIC COOPERATION POLICY
OF THE REPUBLIC OF KOREA
(FROM THE MIDDLE OF 1980s TO THE EARLY 2000s)

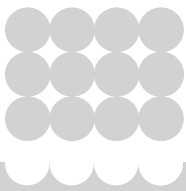
Oh Dok Hee

paulminsk@mail.ru

Candidate of Sciences in Economics
The Institute of Economics of the NASB
Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The objective of the foreign economic cooperation policy of the Government of the Republic of Korea is to reduce trade frictions and achieve the effect of increasing exports by expanding interests in areas of bilateral economic interest. Active expansion of foreign economic cooperation will improve the image and increase the competitiveness of South Korean export products. In addition, the main directions of the policy of the South Korean government to expand foreign economic cooperation were, on the one hand, to increase the attraction of foreign companies and foreign capital to Korea, and on the other hand, to encourage the expansion of international investment by South Korean companies.

Keywords: expansion of foreign economic cooperation, expansion of international trade, improvement of industrial structure, mutual benefit between the two sides.

ДЕМОГРАФИЯ. РЫНОК ТРУДА

<https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-41-54>

УДК 314

JEL J11, J13, J18

ДИНАМИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ АНАЛИЗ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОЛИТИКИ

А. Г. Боброва

bobrova@economics.basnet.by

кандидат экономических наук, доцент

Институт экономики НАН Беларуси

г. Минск, Республика Беларусь

О. Ю. Мурашко

olga-rebenok@mail.ru

Институт экономики НАН Беларуси

г. Минск, Республика Беларусь

У. В. Кот

ulyankot@gmail.ru

Институт экономики НАН Беларуси

г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В статье рассматривается проблема демографической устойчивости на региональном уровне в Беларуси. Предложена методика оценки демографической устойчивости, включающая количественные индикаторы и проведена ее апробация на областном и районном пространственных уровнях. Построены картограммы демографической устойчивости районов Беларуси за 2015 и 2024 г., а также картограмма изменений за рассматриваемый период. Выявлены районы с наиболее интенсивным снижением демографической устойчивости, что позволяет определить приоритетные направления социально-демографической политики.

Ключевые слова: демографическая устойчивость, региональная демография, картографический анализ, оценка демографического развития, социально-демографическая политика.

Для цитирования: Боброва, А. Г. Динамика демографической устойчивости регионов Республики Беларусь: пространственно-временной анализ и направления для совершенствования политики / А. Г. Боброва, О. Ю. Мурашко, У. В. Кот // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / НАН Беларуси, Ин-т экономики. – 2025. – Вып. 11. – С. 41–54. – <https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-41-54>.

Введение

В течение последнего десятилетия особое внимание научного и экспертного сообщества было сосредоточено на анализе демографической безопасности как важнейшего элемента национальной безопасности [1]. Демографическая безопасность включает в себя комплексную оценку угроз, связанных с ухудшением воспроизводственных показателей, старением населения, миграционным дисбалансом и депопуляцией территорий. Это обусловлено тем, что нарушение устойчивости демографических процессов способно дестабилизировать социально-экономическое развитие, усугубить неравенство, усилить нагрузку на системы здравоохранения и пенсионного обеспечения, а также повлиять на геополитическую устойчивость государства. В этих условиях демографическая безопасность рассматривается не только как предмет академического интереса, но и как стратегический приоритет государственной политики.

Однако демографические процессы по своей природе многомерны и подвержены воздействию множества взаимосвязанных факторов: от макроэкономической конъюнктуры и социальной политики до культурных норм, экологических условий и пространственной организации расселения. На каждое из ключевых направлений демографической динамики – рождаемость, смертность, миграцию, возрастную структуру – влияют разнородные детерминанты, действующие как изнутри общества, так и извне¹ [2]. Более того, сама демография, являясь отражением социальных практик и политических решений, оказывает обратное воздействие на экономическую и экологическую среду, трансформируя потребности, модели потребления и структуру спроса на ресурсы. В этом контексте все более востребованным становится расширение исследовательской и прикладной рамки анализа: от оценки демографической безопасности к разработке интегративных подходов.

На фоне превращения демографических процессов в глобальные мегатенденции, признанные в качестве таковых на уровне Организации Объединенных Наций (далее – ООН), становится очевидным, что игнорировать их влияние недопустимо. Генеральный секретарь ООН прямо отнес демографические изменения к числу определяющих факторов будущего человечества наряду с технологическими преобразованиями, урбанизацией и климатическими изменениями². В этой связи особенно актуальным становится использование концепта демографической устойчивости, охватывающего пересечение демо-

¹ Станиславский П. В. Демографическая безопасность общества как индикатор национальной безопасности России в условиях кризиса семьи : дис. ... канд. соц. наук : 22.00.05 / Станиславский Пётр Владимирович. Новочеркасск, 2017. 151 с.

² Ensuring Rights and Choices amid Demographic Change : [website]. URL: <https://eeca.unfpa.org/en/publications/ensuring-rights-and-choices-amid-demographic-change> (date of access: 29.07.2025) ; The real fertility crisis: The pursuit of reproductive agency in a changing world : [website]. URL: <https://eeca.unfpa.org/en/publications/real-fertility-crisis-pursuit-reproductive-agency-changing-world> (date of access: 29.07.2025).

графических закономерностей с вопросами социальной политики, экономического развития и устойчивости окружающей среды¹. Демографическая устойчивость представляет собой не просто состояние, а управляемую стратегию, направленную на поддержание равновесия между численностью и качеством населения, его воспроизводственным потенциалом и ресурсной обеспеченностью территорий в долгосрочной перспективе.

Понятие «устойчивость» используется во многих предметных областях и может рассматриваться как качество свойств динамической системы – постоянство, стабильность, равновесие, неизменность, регулируемость. Например, А. В. Гаврикова вводит понятие демографической устойчивости, под которой понимается состояние, обеспечивающее непрерывное возобновление и рост количественных и качественных демографических структур в соответствующих исторических и социально-экономических условиях [3]. Рудневой О. С. и Соколовым А. А. приводится понятие демографической устойчивости как обладания необходимым ресурсом для планирования направления динамики численности населения, оценки состояний и последующей реализации мер по предотвращению негативных последствий [4]. Н. П. Неклюдова выявляет сущность демографического развития с целью обеспечения устойчивого развития региона в долгосрочной перспективе [5].

В научной и прикладной дискуссии о направлениях демографической политики Республики Беларусь особое место занимает подход Е. А. Антиповой, предлагающей рассматривать демографическую устойчивость как многокомпонентную и динамичную категорию, непосредственно связанную с безопасностью и устойчивым развитием территорий. В ее работах последовательно развивается идея, согласно которой устойчивость демографических процессов не может оцениваться универсально на уровне страны в целом, поскольку внутригосударственные различия в темпах воспроизводства населения, миграционных потоках и возрастной структуре приобретают все более выраженный территориальный характер. Е. А. Антипова указывает на необходимость территориализации демографической политики и предлагает учитывать локальные социально-экономические и пространственные параметры при формировании механизмов воспроизводства населения.

Разрабатываемая ею типология регионов по уровню демографической устойчивости базируется на системе индикаторов, отражающих планерную нагрузку, – параметрах, характеризующих степень напряжения в демографической системе, включая естественное движение населения, миграционный баланс и возрастную трансформацию. Такое аналитическое решение позволяет выделить регионы с регрессивным, стабильно-нейтральным и прогрессивным демографическим профилем, что, в свою очередь, служит обоснованием

¹ Demographic Change and Sustainability : [website]. URL: <https://www.unfpa.org/publications/demographic-change-and-sustainability> (date of access: 29.07.2025) ; The UNFPA Demographic Resilience Programme Brochure : [website]. URL: <https://eeca.unfpa.org/en/publications/unfpa-demographic-resilience-programme-brochure> date of access: 29.07.2025).

для целевой пространственно-дифференцированной политики. Е. А. Антипова подчеркивает, что демографическая устойчивость – это не статическое состояние, а управляемый процесс, который требует ранней диагностики рисков, опережающих политик и системы оперативного реагирования, интегрирующей меры социальной, экономической и инфраструктурной поддержки [6].

Научная значимость предложенного подхода заключается в формировании методологического каркаса для оценки и управления демографическими процессами на мезоуровне, что особенно актуально в условиях депопуляционных трендов и региональной поляризации. Предложенная модель сочетает в себе элементы пространственного анализа, демографического мониторинга и сценарного регулирования, создавая основу для системного инструментария, ориентированного на адаптацию национальной демографической политики к реальным условиям функционирования регионов. В этом контексте демографическая устойчивость интерпретируется как результат институциональной способности государства поддерживать воспроизводственный потенциал на фоне социальной трансформации, экологических ограничений и меняющейся мотивационной структуры населения [7, 8].

Результаты и их обсуждение

В современных условиях, характеризующихся продолжающимся сокращением численности населения Республики Беларусь, анализ демографических процессов требует не только оценки текущего состояния, но и внимательного изучения динамики демографической устойчивости. Согласно данным за 2024 год, естественная убыль населения сохраняется на отрицательном уровне и не компенсируется миграционными притоками, несмотря на отдельные попытки стимулирования репатриации и трудовой миграции. Такая ситуация свидетельствует о необходимости перехода от статического понимания устойчивости к концепции, в которой ключевое значение приобретает способность улавливать, интерпретировать и управлять направлением изменений в базовых демографических показателях. В этом контексте демографическая устойчивость перестает быть лишь характеристикой текущего состояния, а начинает рассматриваться как динамическая и целевая категория, определяющая вектор будущего развития страны.

Предлагаемый подход исходит из признания того, что устойчивость должна измеряться не только как наличие или отсутствие демографических рисков, но и как совокупность позитивных сдвигов в составляющих показателях, таких как рождаемость, смертность, миграционный баланс и возрастная структура населения. Другими словами, важно фиксировать не просто уровень показателей, но и траекторию их изменения, а также институциональную способность государства направлять эту траекторию в сторону стабилизации и роста демографического потенциала. Такая модель позволяет перейти от реактивного реагирования на демографические проблемы к проактивному управлению,

ориентированному на предупреждение негативных трендов и формирование благоприятных условий для воспроизводства населения.

Для проведения количественной оценки демографической устойчивости регионов Республики Беларусь был применен индикативный метод, обеспечивающий сопоставимость и обоснованность межрегиональных сравнений. Исходным эмпирическим материалом послужили официальные статистические данные по всем регионам страны за 2015 и 2024 г.

В систему показателей вошли:

- 1) среднегодовая численность населения, человек;
- 2) демографическая нагрузка на 1000 человек трудоспособного населения;
- 3) суммарный коэффициент рождаемости;
- 4) общий коэффициент смертности, промилле;
- 5) ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет.

Данный перечень показателей охватывает как количественные аспекты воспроизводства населения, так и качественные характеристики его демографического состояния, включая социальные условия, влияющие на демографическое поведение.

В целях обеспечения корректной агрегации данных и возможности их межрегионального сопоставления все исходные значения приведены к сопоставимому виду посредством линейной нормализации. Этот метод позволяет нивелировать размерные различия и перевести показатели в безразмерную шкалу, в которой крайние значения представляют собой наилучшие (эталонные) и наихудшие (критические) сценарии. При этом учтены различия в типах зависимости между уровнем показателя и степенью демографической устойчивости: для одних параметров определена возрастающая зависимость (например, рождаемость или ожидаемая продолжительность жизни, где более высокие значения свидетельствуют о благоприятных тенденциях), для других – убывающая зависимость (в частности, коэффициент смертности или демографическая нагрузка, где рост значений указывает на увеличение демографических рисков).

Таким образом, при возрастающей зависимости использовали формулу (1), а при убывающей – (2):

$$I_i = \frac{x_i}{x_{\max}}, \quad (1)$$

$$I_i = \frac{x_{\min}}{x_i}, \quad (2)$$

где I_i – нормализованное значение показателя для региона i ; x_i – фактическое значение показателя; x_{\max} и x_{\min} – максимальное и минимальное значения по всем регионам соответственно.

Такой дифференцированный подход к нормализации обеспечил адекватность дальнейшей интеграции показателей в обобщенный индекс демографи-

ческой устойчивости регионов и заложил основу для проведения пространственного анализа и сценарного прогнозирования [9].

Для количественного измерения уровня демографической устойчивости регионов применили обобщенный интегральный показатель, обозначаемый как индекс демографической устойчивости S . Методологическая основа его расчета базируется на принципах индикативного анализа с использованием процедуры линейной нормализации и последующей агрегации нормированных значений. Формально индекс определяется как среднее арифметическое нормированных показателей, отражающих ключевые аспекты демографического развития региона. Вычислительная формула следующая:

$$S = \frac{\sum_{i=1}^n I_i}{n}, \quad (3)$$

где n – количество показателей; $i = 1$ – сумма оценок уровня развития региона по каждому показателю.

Такой способ агрегирования обеспечивает равнозначный вклад каждого показателя в итоговый индекс, минимизируя риск доминирования отдельных компонентов и позволяя корректно отразить многомерную природу демографических процессов. Индекс выполняет роль синтетического критерия, на основе которого может быть осуществлена типологизация регионов по степени приближенности их демографической траектории к устойчивой.

В дополнение к расчету фактических значений индекса для регионов в рамках исследования определен пороговый (эталонный) уровень демографической устойчивости (рис. 1), значение которого сформировано на базе граничных нормативов, отражающих целевые параметры демографического развития, способные обеспечить устойчивое воспроизводство населения. В качестве таких эталонных величин были выбраны:

- 1) среднегодовая численность населения – 1 500 000 человек;
- 2) демографическая нагрузка 500 человек на 1000 человек трудоспособного населения;
- 3) суммарный коэффициент рождаемости – 2,14;
- 4) общий коэффициент смертности – 8 промилле;
- 5) ожидаемая продолжительность жизни при рождении – 80 лет.

Сопоставление фактического индекса демографической устойчивости с пороговым значением позволяет не только оценить текущее состояние региональной демографической системы, но и диагностировать степень ее отклонения от стратегически желаемой модели. Такая процедура открывает возможность для пространственно-дифференцированной настройки управленческих решений, направленных на снижение демографических рисков и формирование благоприятной среды для воспроизводства населения.

Несмотря на то что в 2015 г. демографическая ситуация в Республике Беларусь в целом демонстрировала более благоприятные параметры, отражающие

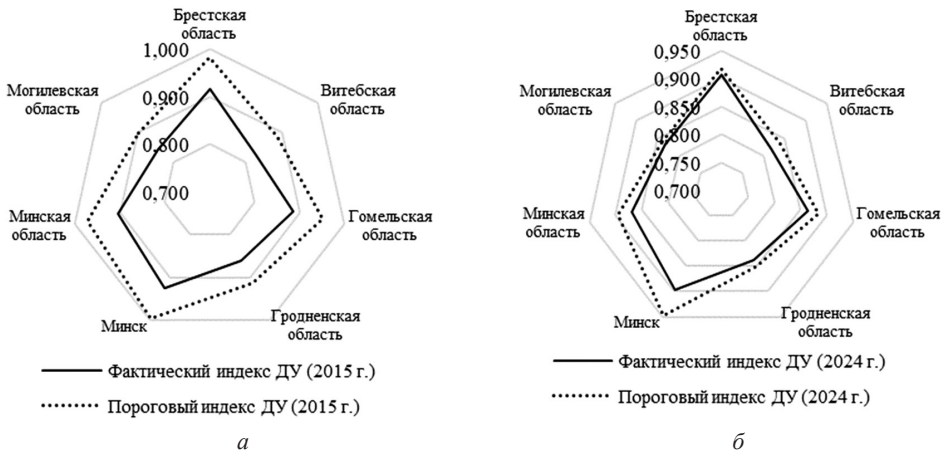

Рис. 1. Фактический и пороговый индексы демографической устойчивости регионов Беларуси (а – 2015 г.; б – 2024 г.), ед.

позитивные тренды в ряде базовых показателей воспроизводства населения, к 2024 г. наблюдается значительное сокращение разрыва между фактическими значениями индекса демографической устойчивости и установленным пороговым (эталонным) уровнем. Этот факт указывает на относительное выравнивание демографического пространства страны и может интерпретироваться как результат либо стабилизации демографических дисбалансов, либо адаптации региональных систем к новым демографическим условиям, в том числе в части миграционной динамики и возрастной структуры населения.

На протяжении последних лет Брестский регион стабильно демонстрирует наивысшие значения индекса демографической устойчивости среди всех административных единиц Беларуси, подтверждая статус устойчивого демографического лидера. Такая позиция региона обеспечивается относительно сбалансированной возрастной структурой, умеренной миграционной привлекательностью, а также сохранением более высокого уровня рождаемости по сравнению с остальными регионами. Город Минск, несмотря на более высокую степень урбанизации, характеризуется молодежной структурой населения и положительным миграционным сальдо, что в совокупности создает потенциал для демографической устойчивости, но требует более детального анализа с учетом интенсивной социальной и пространственной мобильности населения мегаполиса.

Сравнительный анализ фактических индексов демографической устойчивости по данным за 2015 и 2024 г. (рис. 2) позволяет провести предварительную классификацию регионов по степени изменения интегрального показателя.

Относительно стабильные значения наблюдаются в Брестской, Витебской и Могилёвской областях, что может свидетельствовать как о закреплённом демографическом профиле, так и о недостаточности структурных изменений в демографической политике на этих территориях. В то же время более выра-

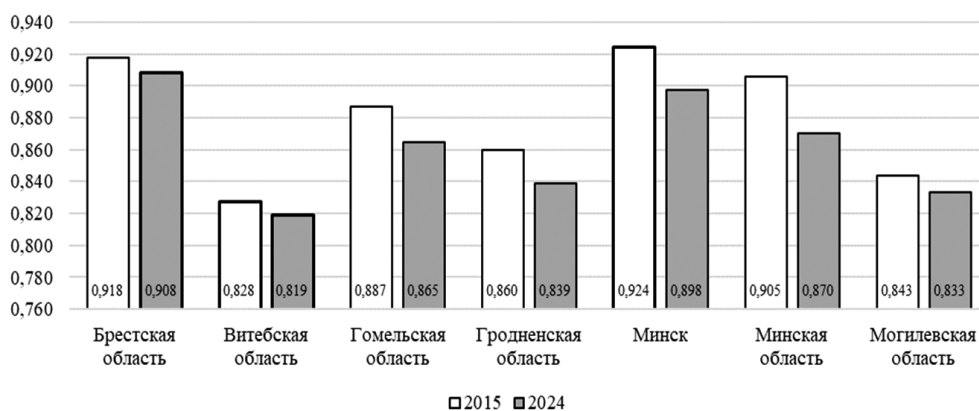

Рис. 2. Фактические индексы демографической устойчивости регионов Беларуси, 2015 и 2024 г., ед.

женная динамика индекса зафиксирована в Гомельской, Гродненской, Минской областях и в г. Минске, что указывает на более высокую чувствительность этих регионов к изменяющимся демографическим и социально-экономическим условиям, а также на потенциальную эффективность локальных управленческих интервенций, направленных на поддержку воспроизводственного потенциала населения.

Анализ демографической устойчивости на уровне районов может послужить значимым инструментом и индикатором социально-экономического развития территорий. Проведенное исследование охватывает 118 административных районов Беларуси и демонстрирует важность масштаба анализа: на областном уровне показатели достаточно схожи из-за агрегирования данных, тогда как на районном уровне проявляется значительная дифференциация, позволяющая выделить типы районов по уровню демографической устойчивости.

Расчет индексов демографической устойчивости районов скорректирован в условиях недостатка данных (например, суммарный коэффициент рождаемости заменен на общий, а показатели ожидаемой продолжительности жизни не использовали). Подобные адаптации позволили провести сравнительный анализ (рис. 3).

Из картограммы видно, что в 2015 г. Брестская область четко выделяется более высокими показателями индекса в сравнении с другими регионами. Из других регионов в первую десятку по индексу входят Минский (0,922), Мозырский (0,822), Борисовский (0,779), Жлобинский, Солигорский, Оршанский, Лидский и Молодечненский районы. На картограмме также представлены города областного подчинения, индекс для которых рассчитан в пределах одного пространственного уровня. Рассматривая минимальные показатели, стоит отметить по четыре района Гродненской и Витебской областей (Свислочский, Дятловский, Зельвенский, Ивьевский, Докшицкий, Бешенковичский, Россонский,

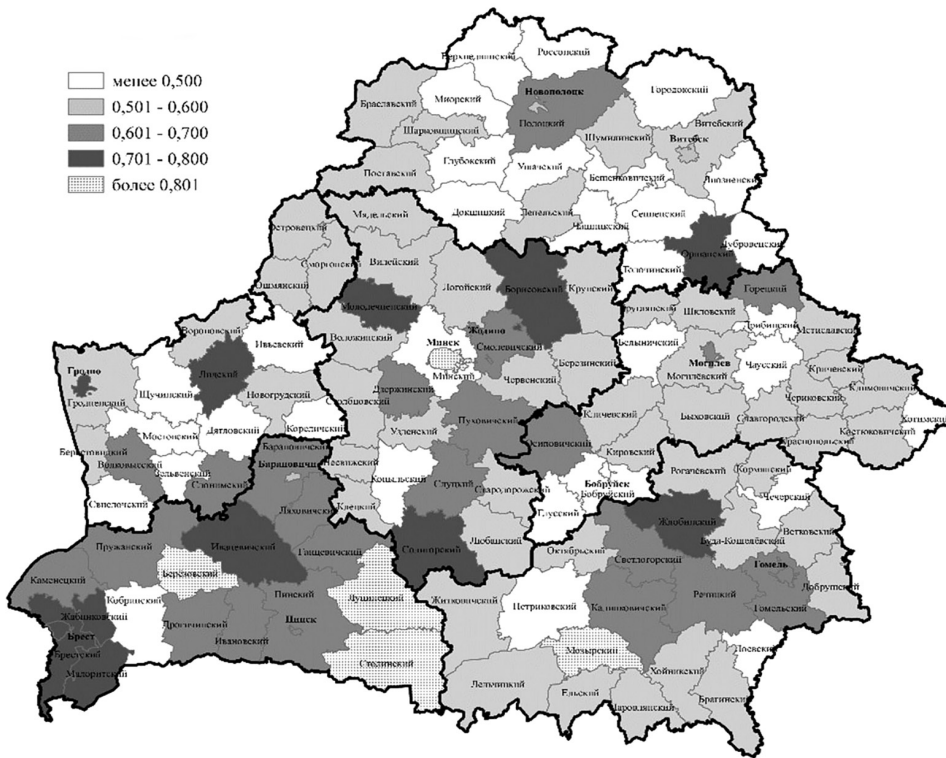

Рис. 3. Индекс демографической устойчивости районов и городов областного подчинения Беларуси, 2015 г., ед.

Ушачский) и два Могилёвской – Бобруйский и Глусский. Показатели индекса в данных районах ниже 0,465.

В 2024 г. наблюдается иная ситуация, представленная на рис. 4. Данная картограмма характеризуется большей однородностью показателей, относительно высокие демонстрируются в пределах Минской и Гомельской областей (Минский, Наровлянский, Мозырский, Борисовский, Жлобинский и Солигорский районы). Снижение индекса при усилении однородности нельзя рассматривать как положительное явление. Напротив, это указывает на ухудшение демографических процессов и распространение негативных тенденций на ранее относительно благополучные территории (Брестская область), что привело к нивелированию различий между районами. Парадоксальным образом районы, подвергшиеся наиболее сильному радиоактивному загрязнению вследствие аварии на Чернобыльской АЭС, демонстрируют более благоприятную демографическую динамику по сравнению с незагрязненными территориями данного пространственного уровня. В первую очередь это вызвано влиянием целенаправленной социальной политики и пособий на детей семьям, проживающим на территориях, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС. Рассматривая минимальные показатели индекса, стоит отметить,

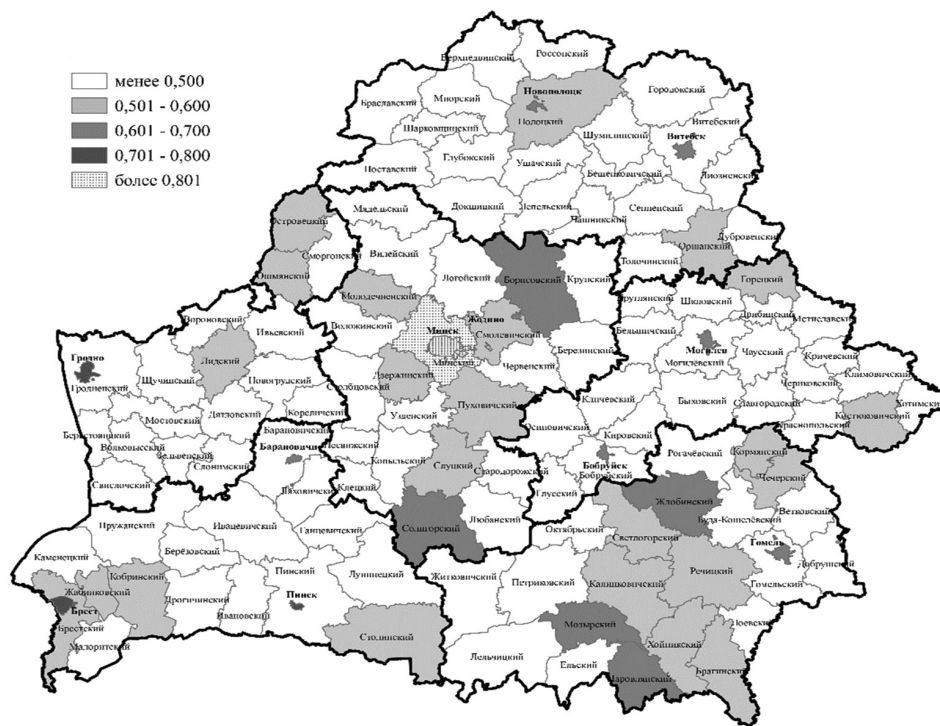

Рис. 4. Индекс демографической устойчивости районов и городов областного подчинения Беларуси, 2024 г., ед.

что в данную группу попали те же районы, что и в 2015 г., а также Щучинский, Поставский и Кореличский.

Учитывая нарастание демографических рисков и обострение дисбалансов в пространственном развитии населения, в сравнении с 2015 г. построена картограмма изменений темпов прироста (убыли) индекса демографической устойчивости, отражающего комплексную динамику рождаемости, смертности и возрастной структуры населения (рис. 5).

Полученные результаты подтверждают нарастание асимметрии в демографическом развитии отдельных территорий. Несмотря на то что Брестская область традиционно воспринимается как «флагман» демографического роста страны благодаря сравнительно высоким показателям рождаемости, именно в ее районах зафиксированы наиболее высокие темпы снижения индекса демографической устойчивости – более чем на 30 %. Это свидетельствует о возможном исчерпании внутренних факторов устойчивости (в том числе миграционного притока) и требует переоценки приоритетов в региональной демографической политике. Для других регионов столь выраженного снижения индекса не наблюдается, что может указывать как на более стабильную ситуацию, так и на инерционность негативных процессов, еще не достигших критической фазы.

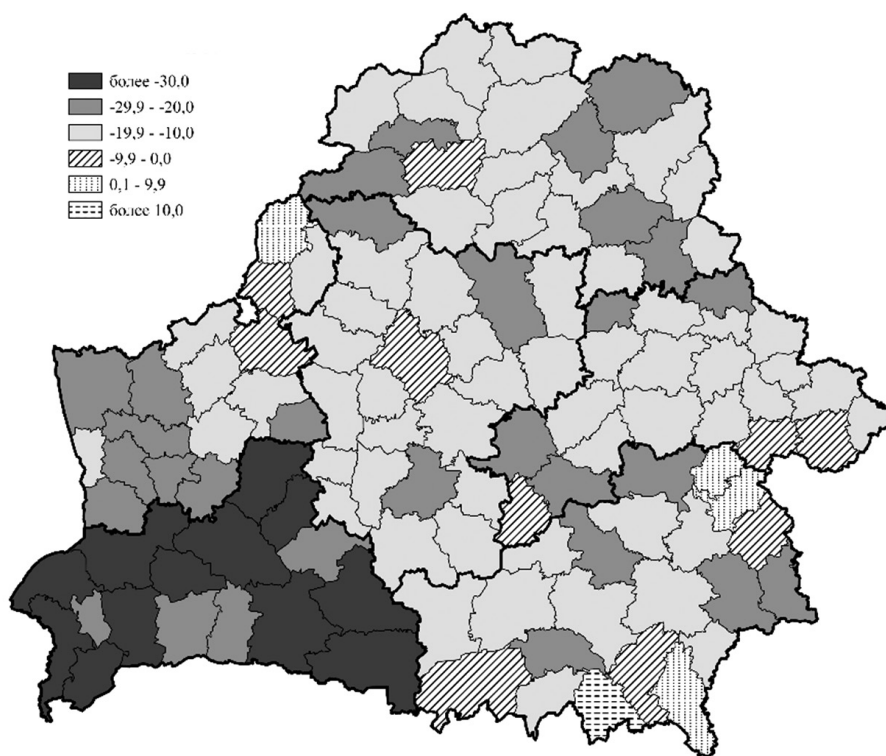

Рис. 5. Картограмма изменений индекса демографической устойчивости районов Беларуси, 2015–2024 гг., %

Вместе с тем позитивная динамика индекса в ряде административных районов (Наровлянский, Брагинский, Чечерский, Островецкий и Кормянский) подчеркивает наличие локальных факторов роста, что позволяет говорить о «точках демографического сопротивления» и возможностях тиражирования успешных практик, а также актуализирует вопрос о необходимости дифференцированного, адаптивного подхода к разработке и реализации демографических мер.

В сложившихся условиях гибкость демографической политики становится ее ключевым свойством. Она предполагает не только учет территориальной специфики, но и институциональную возможность оперативного реагирования на вызовы, что, в свою очередь, требует перераспределения полномочий и усиления роли местных органов власти в принятии стратегически значимых решений.

Регионализация демографической политики должна опираться на регулярный анализ локальной демографической статистики, с акцентом на возрастную структуру населения, миграционные потоки, уровень социального обслуживания и доступ к базовым благам. Например, в Витебской области, характеризующейся одной из самых высоких долей лиц старше трудоспособного

возраста, следует усиливать меры, направленные на продление трудовой активности, профилактику возрастных заболеваний и развитие системы долговременного ухода. Брестская и Гродненская области, напротив, нуждаются в целенаправленных программах привлечения и удержания молодежи, в том числе через создание рабочих мест, доступное жилье и современную образовательную инфраструктуру. Могилёвская и Гомельская области, в силу сложившейся пространственной депопуляции и социальной уязвимости населения, требуют приоритетного внимания к развитию социальной инфраструктуры и повышению качества жизненной среды.

На основе проведенного картографического анализа можно также предложить новый подход к территориальному проектированию демографической политики – кластеризацию административных районов по типу демографической устойчивости, вне рамок областного деления. Картограмма наглядно демонстрирует, что уровень и динамика индекса демографической устойчивости во многих случаях схожи не у соседствующих районов одной области, а у территорий, географически удаленных, но структурно и демографически сходных. Это позволяет говорить о возможности формирования надрегиональных кластеров – групп районов с близкими демографическими характеристиками, проблемами и потенциалом. Такой подход может существенно повысить точность и релевантность принимаемых управленческих решений, обеспечивая более адресное применение инструментов демографической политики.

Кластерный подход также открывает новые перспективы для масштабирования и трансфера пилотных практик. Вместо апробации локальных инициатив в пределах одного района предлагается внедрение пилотных проектов на уровне целого кластера, объединяющего несколько структурно однородных районов вне зависимости от их административной принадлежности [10, 11]. Это позволит повысить валидность результатов и точность оценки эффективности реализуемых мер, а также будет способствовать формированию горизонтальных связей между районами, обмену опытом и формированию кооперационных механизмов. Кластеры могут стать новой организационно-пространственной единицей демографического управления, способной аккумулировать ресурсы, усиливать межтерриториальную солидарность и обеспечивать более устойчивое развитие в условиях демографических рисков.

Заключение

В условиях демографического трансформационного давления устойчивость становится не только задачей управления, но и стратегической целью национального развития. Она включает в себя способность предсказывать демографические сдвиги на основе мониторинга и прогностического анализа, оценивать их социально-экономические последствия с учетом пространственной и возрастной дифференциации, а также формировать политику, основанную на фактических данных и международных стандартах. Такая стратегическая

рамка позволяет адаптировать демографическую политику к быстро меняющимся условиям и интегрировать ее в более широкий контекст устойчивого развития, что особенно важно для стран с ограниченными ресурсами и высокой чувствительностью к демографическим колебаниям.

Эффективность государственной демографической политики в будущем во многом будет зависеть от ее способности учитывать региональные особенности, стимулировать местные инициативы и внедрять механизмы адаптивного управления в рамках единой стратегии устойчивого развития населения. Приоритетным направлением становится переход от универсального подхода к управлению демографическими процессами – модели, основанной на пространственной дифференциации и межтерриториальной кооперации. Это требует институционального укрепления горизонтальных связей между регионами, расширения компетенций местных органов власти и создания условий для системного обмена лучшими практиками.

Важным ориентиром на перспективу выступает формирование устойчивых кластеров демографического развития, в которых объединение районов по типу демографической устойчивости позволит не только повысить результативность территориальной политики, но и создать условия для равномерного развития человеческого потенциала на всей территории страны. Республика Беларусь в этом контексте обладает высоким потенциалом для выстраивания современной, научно обоснованной и гибкой модели демографической политики, способной не только смягчать последствия текущих демографических вызовов, но и формировать устойчивые институциональные механизмы для их опережающего предотвращения. Это создает основу для долгосрочного воспроизводства населения, повышения качества жизни и устойчивого социально-экономического развития в национальных интересах.

Список использованных источников

1. Станиславский, П. В. Демографическая безопасность общества в системе обеспечения национальной безопасности России / П. В. Станиславский // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2013. – № 7 (1). – С. 146–150.
2. Сильченкова, С. В. Демографическая безопасность региона в контексте экономической безопасности / С. В. Сильченкова // Экономический журнал. – 2018. – № 4 (52). – С. 22–38.
3. Гаврикова, А. В. Демографические процессы Республики Башкортостан в контексте проблемы устойчивости территориальных образований / А. В. Гаврикова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1–2. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19833> (дата обращения: 05.05.2025).
4. Руднева, О. С. Демографическая устойчивость в регионах степной зоны России / О. С. Руднева, А. А. Соколов // Народонаселение. – 2025. – № 1. – С. 17–26.
5. Неклюдова, Н. П. Концептуальные основы разработки модели управления демографическим развитием региона / Н. П. Неклюдова // AlterEconomics. – 2025. – № 2. – С. 259–281.
6. Антипова, Е. А. К вопросу о типологии регионов Республики Беларусь в контексте демографической устойчивости / Е. А. Антипова // Журнал Белорусского государственного университета. География. Геология. – 2025. – № 2.

7. Антипова, Е. А. Региональные особенности демографического развития Республики Беларусь / Е. А. Антипова // Состояние и перспективы демографического развития Республики Беларусь / под общ. ред. Т. Н. Мироновой, С. В. Рязанцева. – 2017. – С. 100–122.

8. Антипова, Е. А. Демографическая безопасность и демографическая устойчивость: новый взгляд на проблему в условиях роста планерных нагрузок / Е. А. Антипова // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы : сб. науч. ст. : в 2 т. / НАН Беларуси, Институт экономики ; редкол.: В. Л. Гурский [и др.]. – Минск, 2021. – Т. 2. – С. 167–172.

9. Бабалян, Э. Б. Оценка устойчивости социально-экономического развития Республики Адыгея / Э. Б. Бабалян, С. А. Хатукай // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5, Экономика. – 2018. – № 2 (220). – С. 15–22.

10. Жуков, Д. С. Кластерный анализ как средство выявления типов демографического поведения (русское сельское население, европейская часть России, начало XX – XXI в.) / Д. С. Жуков, В. В. Канищев // Новейшая история России. – 2022. – Т. 12, № 2. – С. 454–476.

11. Коновалова, М. Е. Кластерный подход и его роль в структурной сбалансированности общественного воспроизводства / М. Е. Коновалова // Успехи современного естествознания. – 2011. – № 12. – С. 93–96.

Поступила 01.08.2025

DYNAMICS OF DEMOGRAPHIC SUSTAINABILITY
IN THE REGIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS:
A SPATIO-TEMPORAL ANALYSIS
AND POLICY IMPROVEMENT DIRECTIONS

A. Bobrova

bobrova@economics.basnet.by
Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor
The Institute of Economics of the NASB
Minsk, Republic of Belarus

O. Murashko

olga-rebenok@mail.ru
The Institute of Economics of the NASB
Minsk, Republic of Belarus

U. Kot

ulyankot@gmail.ru
The Institute of Economics of the NASB
Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article examines the problem of demographic sustainability at the regional level in Belarus. A methodology for assessing demographic sustainability, including quantitative indicators, has been proposed and tested at the regional and district spatial levels. Cartograms of the demographic stability of the regions of Belarus for 2015 and 2024, as well as a cartogram of changes for the period under review, have been constructed. The regions with the most intensive decline in demographic stability have been identified, which makes it possible to identify priority areas of socio-demographic policy.

Keywords: demographic sustainability, regional demography, cartographic analysis, assessment of demographic development, socio-demographic policy.

<https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-55-66>

УДК 338.24, 331.556.4

JEL J68, E61

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К РЕГУЛИРОВАНИЮ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Е. В. Масленкова

maslenkoff@mail.ru

кандидат экономических наук

Белорусский государственный университет

г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. Рассмотрены теоретические подходы к понятию трудовой миграции, проведен анализ процессов внешней трудовой миграции в Республике Беларусь, систематизированы прямые и косвенные методы регулирования внешней трудовой миграции в разрезе отдельных форм и инструментов, рассмотрены стимулирующие, ограничивающие и селективные методы государственного регулирования внешней трудовой миграции для отдающих и принимающих стран, определены цели и задачи государственного регулирования внешней трудовой миграции в Республике Беларусь на среднесрочную перспективу.

Ключевые слова: внешняя трудовая миграция, государственное регулирование, методы регулирования, иностранная рабочая сила, трудящийся-эмигрант, трудящийся-иммигрант, миграционная политика.

Для цитирования: Масленкова, Е. В. Современные подходы к регулированию внешней трудовой миграции / Е. В. Масленкова // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / НАН Беларуси, Ин-т экономики. – 2025. – Вып. 11. – С. 55–66. – <https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-55-66>.

Введение

Внешняя трудовая миграция выступает социально-экономическим инструментом регулирования процессов занятости населения и рынка труда и одновременно представляет собой сложную политическую задачу для правительств, поскольку необходимо сбалансировать множество различных вопросов и интересов – государства, работодателей, наемных работников, отдающего и принимающего общества. При правильном управлении трудовая миграция может способствовать устойчивому развитию стран происхождения, транзита и назначения, а также предоставлять преимущества и возможности трудящимся-мигрантам и их семьям. С одной стороны, она может сбалансировать спрос и предложение рабочей силы, способствовать развитию и передаче навыков на всех уровнях, способствовать развитию систем социальной защиты, стимулировать инновации и обогащать сообщества как в культурном, так и в социальном плане. С другой стороны, плохо управляемая трудовая миграция может создавать риски и проблемы, в том числе для устойчивого развития и достойного труда.

В научной литературе государственное регулирование внешней трудовой миграции исследуется через призму правовых механизмов (труды П. О. Дутова [1], В. В. Комаровского [2], А. И. Федорако [3], О. Н. Толочко [4]), а также социально-экономических эффектов (работы А. В. Топилина [5], А. А. Гребенюка [6], Л. Е. Тихоновой [7], М. В. Тимошенко [8]). Международные практики регулирования широко освещаются в аналитических докладах МОМ и МОТ. Ключевые нерешенные проблемы лежат в плоскости обсуждения оптимальных объемов привлечения иностранной рабочей силы в соответствии с потребностями экономики, обеспечения возвратности потока трудовых мигрантов, снижения системных барьеров интеграции, повышении межведомственной координации.

В этой связи цель настоящего исследования заключается в развитии теории и методологии регулирования процессов внешней трудовой миграции и разработке научно-практического инструментария для формирования эффективной системы регулирования экспорта и импорта рабочей силы.

Результаты и их обсуждение

Теоретические подходы к понятию трудовой миграции. Под *трудовой миграцией* следует понимать перемещение в пространстве, которое осуществляется индивидами с целью повышения уровня жизни на основе выгодного использования собственной рабочей силы без смены постоянного места проживания. Международная трудовая миграция связана с пересечением государственных границ.

В законодательстве Республики Беларусь используется следующее определение: «внешняя трудовая миграция – выезд из Республики Беларусь для трудоустройства и осуществления трудовой деятельности по трудовым или гражданско-правовым договорам в государстве трудоустройства граждан Республики Беларусь, иностранных граждан или лиц без гражданства, постоянно проживающих в Республике Беларусь, а также въезд в Республику Беларусь для трудоустройства и осуществления трудовой деятельности по трудовым договорам в Республике Беларусь иностранных граждан или лиц без гражданства, не имеющих разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь»¹.

Внешней трудовой миграции присущи следующие черты:

1. Добровольность. Трудовая миграция происходит по желанию самого работника, а не под принуждением (как, например, в случаях рабства или принудительного труда). Мигранты самостоятельно принимают решение о переезде в другую страну в поисках лучших условий труда и жизни.

2. Временность. Большинство трудовых мигрантов не планируют оставаться в принимающей стране навсегда. Они работают по контрактам, сезонным

¹ Об изменении Закона Республики Беларусь «О внешней трудовой миграции»: Закон Респ. Беларусь от 30 дек. 2022 г. № 233-3. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200233> (дата обращения: 01.08.2025).

программам или временным визам, а после завершения трудовой деятельности возвращаются на родину.

3. Экономическая мотивация. Ключевая причина трудовой миграции – поиск более высоких заработков, улучшение уровня жизни или трудоустройство в условиях безработицы на родине. Мигранты едут туда, где есть спрос на их труд и где оплата выше.

На процессы трудовой миграции оказывают влияние такие современные тенденции, как глобализация и рост мобильности населения, влияние цифровизации и удаленной работы, увеличение роли женщин-мигрантов. В целом данные миграционные процессы становятся более сложными, разнонаправленными и зависимыми от глобальных экономических трендов. Сегодня миграция рассматривается в более широком контексте двух взаимосвязанных факторов – мобильности рабочей силы и развития.

Анализ процессов внешней трудовой миграции в Республике Беларусь. В период 2020–2025 гг. внешние трудовые миграционные процессы в Республике Беларусь развивались под влиянием:

- сложной эпидемиологической обстановки, сложившейся практически во всех странах мира;
- санкционного давления недружественных стран;
- турбулентности международных политических, торгово-экономических и валютно-финансовых отношений в мире и ЕАЭС;
- наращивания дезинтеграционных процессов и регионализации.
- увеличения потребности в трудовых ресурсах внутри страны.

По данным Департамента по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь, численность въехавших в республику трудящихся-мигрантов для работы на основе подписанных договоров и контрактов в 2024 г. в сравнении с 2020 г. увеличилась более чем в 2 раза и составила 33,8 тыс. человек (рис. 1).

Рост численности трудящихся-иммигрантов в 2023–2025 гг. в значительной степени обусловлен либерализацией законодательства, направленной на привлечение иностранных работников. Постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 1 июня 2023 г. № 17 «Об определении перечня» определен перечень профессий рабочих и должностей служащих, на которые привлекаются иностранные граждане или лица без гражданства, не имеющие разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь, без учета ограничений по защите национального рынка труда. В последующий период данный перечень неоднократно расширялся. В 2025 г. он включает 41 профессию рабочих и 18 наименований должностей служащих.

Расширение перечня профессий рабочих и должностей служащих, на которые наниматели могут привлекать иностранных работников в упрощенном порядке, привело к значительному увеличению их притока в страну. Численность

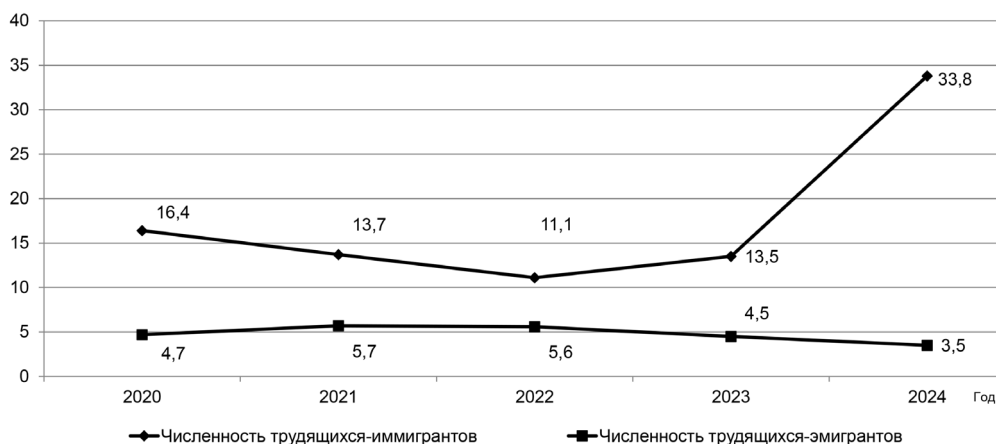

Рис. 1. Динамика численности трудящихся-мигрантов, въехавших в Республику Беларусь и выехавших из Республики Беларусь для работы на основе подписанных договоров и контрактов, 2020–2024 гг.

Примечание. Рисунок создан на основе данных¹

привлеченных иностранных работников возросла практически в 5 раз, составив 17 572 человека в первом полугодии 2025 г.²

Среди трудящихся-иммигрантов, въехавших в Республику Беларусь для работы, преобладают квалифицированные работники и специалисты, доля которых в 2024 г. составила 40 %. По рабочим профессиям трудоустроены 33 % трудящихся-иммигрантов (рис. 2).

Наиболее привлекательными регионами для трудящихся-иммигрантов неизменно остаются г. Минск и Минская область, на которые приходится практически 75 % от общей их численности. Трудовые мигранты, въехавшие в Республику Беларусь, не представляют значительной конкуренции для населения за имеющиеся рабочие места. Для сравнения: удельный вес трудящихся-мигрантов, въехавших в Республику Беларусь в 2024 г., составил всего 0,02 % от численности трудовых ресурсов, тогда как в Российской Федерации – 1,1 %.

Что касается экспорта рабочей силы, то численность трудящихся-мигрантов, выехавших для работы на основе подписанных договоров и контрактов в 2024 г. в сравнении с аналогичным периодом предыдущего года, напротив, сократилась на 23 % и составила всего 3,5 тыс. человек. Следует отметить, что большинство трудовых мигрантов устраиваются за рубежом через личные связи, неофициальных посредников или цифровые платформы, минуя государственные агентства занятости. Это позволяет избежать бюрократии и оплаты услуг фирм-посредников, но исключает их из официальной статистики. По данным

¹ Учет трудящихся мигрантов / Департамент по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь. URL: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/uchet-trudyashihsya-emigrantov-i-trudyashihsya-migrantov> (дата обращения: 05.06.2025).

² Там же.

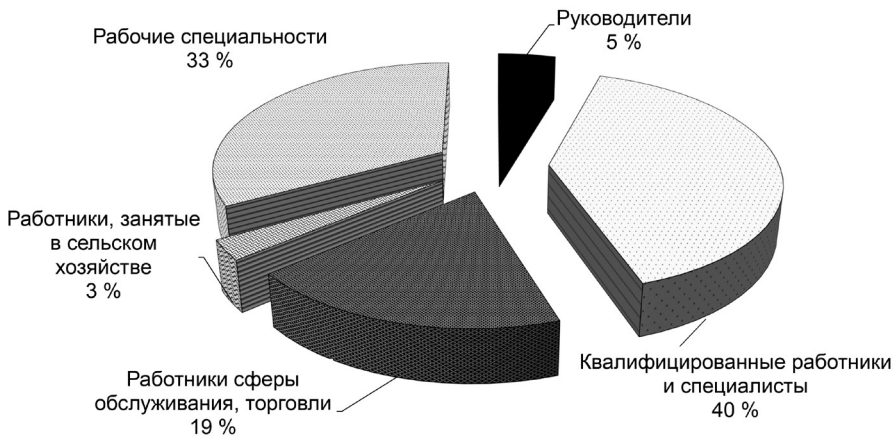

Рис. 2. Структура трудящихся-иммигрантов по роду деятельности, 2024 г., %

Примечание. Рисунок создан на основе данных ¹

выборочного обследования домашних хозяйств в целях изучения проблем занятости населения, проводимого Белстатом, численность работавших за пределами страны граждан в I квартале 2025 г. составила 120,6 тыс. человек против 102,2 тыс. человек в аналогичном периоде предыдущего года.

Сложившиеся на сегодня потоки экспорта рабочей силы – результат сочетания внешних ограничений (визовые барьеры Евросоюза), внутренних улучшений (рост зарплат, занятости) и структурных сдвигов (переход к постоянной эмиграции). Однако эта тенденция не отменяет общего кризиса кадров: отток высококвалифицированных специалистов сохраняется, а дефицит работников (особенно в информационных технологиях, медицине, инженерии) покрывается преимущественно трудовыми иммигрантами из Азии.

Систематизация методов регулирования внешней трудовой миграции.

В широком смысле политика в области трудовой миграции представляет собой совокупность институциональных структур (законодательство, утвержденные стратегические документы, планы действий, бюджет) и практик (правила реализации и фактические процедуры), регулирующих мобильность рабочей силы².

Ключевыми факторами, определяющими подход страны к политике в области трудовой миграции на национальном уровне, выступает история миграции, прошлый опыт регулирования, соответствующие политические приоритеты и общественное отношение. Все эти факторы формируют доминирующие парадигмы в отношении миграции населения, понимание трудовой миграции,

¹ URL: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/uchet-trudyashihsya-emigrantov-i-trudyashihsya-migrantov> (дата обращения: 05.06.2025).

² Practical Guide on Developing Labour Migration Policies / International Labour Organization 2022. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_protect/@protrav/@migrant/documents/publication/wcms_832194.pdf (дата обращения 01.08.2025).

уже существующие институциональные структуры и позиционирование страны на двустороннем и многостороннем уровнях. Приоритеты и подходы политики также зависят от того, является ли страна страной происхождения, транзита или назначения, учитывая, что она может быть всеми тремя одновременно. Данные факторы влияют на подходы на государственном уровне, а также определяют различные приоритеты партнеров и заинтересованных сторон внутри государств.

Государственное регулирование внешней трудовой миграции – это целенаправленная деятельность органов государственной власти по установлению правил, норм, механизмов и процедур, направленных на управление процессами выезда граждан страны за рубеж с целью трудоустройства (экспорт рабочей силы) и въезда иностранных граждан в страну для работы (импорт рабочей силы).

Методы государственного регулирования внешней трудовой миграции играют ключевую роль в формировании поведения и действий как реальных, так и потенциальных трудовых мигрантов.

Прямые методы государственного регулирования внешней трудовой миграции – это меры и механизмы, которые непосредственно влияют на миграционные процессы и регулируют въезд, пребывание и трудовую деятельность мигрантов. Прямые методы, такие как иммиграционные правила и квоты, определяют условия, при которых мигранты могут легально въезжать и работать в стране, что непосредственно влияет на их решения о миграции. Например, упрощение визовых процедур или введение программ найма может увеличить приток мигрантов, стремящихся воспользоваться новыми возможностями.

Косвенные методы государственного регулирования внешней трудовой миграции – это меры, которые не направлены непосредственно на регулирование миграционных потоков, но оказывают влияние на миграционные процессы через экономические, социальные и образовательные механизмы. Косвенные методы формируют более широкий социально-экономический и общественный контекст, в котором мигранты принимают решения о своей мобильности. Высокий уровень жизни и стабильные экономические условия в стране назначения могут стать значительными мотивами для миграции, тогда как социальные и культурные факторы могут оказывать влияние на желание или нежелание мигрантов адаптироваться в новом обществе (табл. 1).

Государственное регулирование внешней трудовой миграции в принимающих странах включает три группы методов: стимулирующие, направленные на привлечение нужных трудовых ресурсов; ограничивающие, призванные защищать внутренний рынок труда и социальную стабильность; и селективные, позволяющие отбирать мигрантов по критериям экономической целесообразности. В совокупности эти методы формируют гибкую политику, балансирующую между открытостью к иностранной рабочей силе и защитой национальных интересов (табл. 2).

Таблица 1. Систематизация прямых и косвенных методов регулирования внешней трудовой миграции

Тип метода	Прямые (административные) методы	Косвенные (экономические) методы
1. Ограничения и разрешения	Квотирование на въезд трудовых мигрантов Визовые режимы (рабочие визы) Запреты на занятие определенных профессий иностранцами Требования к уровню квалификации (нострификация дипломов)	Гибкие квоты в зависимости от потребностей рынка труда Специальные визовые программы для высококвалифицированных специалистов
2. Финансовое регулирование	Обязательные платежи за оформление разрешений на работу Штрафы за нелегальную занятость мигрантов	Налоговые льготы для работодателей, нанимающих мигрантов Снижение налогов для высококвалифицированных мигрантов
3. Трудовые и социальные меры	Ограничения на социальные выплаты мигрантам Обязательное медицинское страхование для трудовых мигрантов	Субсидии на переобучение местных кадров Программы интеграции мигрантов (языковые курсы)
4. Контроль и мониторинг	Депортация нелегальных мигрантов Обязательная регистрация в миграционных службах	Электронные системы учета мигрантов
5. Международные соглашения	Двусторонние договоры о трудовой миграции Репатриационные соглашения	Программы временной трудовой миграции (сезонные работники) Создание миграционных коридоров для определенных отраслей

Таблица 2. Стимулирующие, ограничивающие и селективные методы государственного регулирования внешней трудовой миграции для принимающих стран

Стимулирующие методы	Ограничивающие методы	Селективные методы
Упрощение визовых процедур Программы по привлечению различных категорий мигрантов Льготы для работодателей Программы признания квалификаций Программы медицинского страхования трудовых мигрантов Контроль за соблюдением трудовых прав трудящихся-иммигрантов Участие в международных трудовых ярмарках, реклама возможностей трудоустройства в стране	Ужесточение режимов пребывания в стране Повышение сборов за подачу визовых заявлений Квоты на трудовую миграцию Контроль за соблюдением трудовых прав местного населения Депортация нелегальных мигрантов Ограничение на получение разрешения на работу Запрет на работу в определенных отраслях Запрет на работу для определенных категорий мигрантов Ужесточение контроля за работодателями, нанимающими мигрантов	Балльная оценка квалификации и опыта работы Региональные программы миграции Программы для высококвалифицированных специалистов Программы обмена рабочей силой Программы для студентов и выпускников вузов Программы для молодых ученых и исследователей Специальные программы для сезонных работников Приоритет для мигрантов с опытом работы в критически важных отраслях Специальные визы для инвесторов и предпринимателей

Окончание табл. 2

Стимулирующие методы	Ограничивающие методы	Селективные методы
Создание информационных центров для мигрантов Программы профессиональной переподготовки для трудящихся-иммигрантов Адаптационные курсы для мигрантов Программы интеграции мигрантов	Установление минимальных требований к языковым навыкам Ужесточение требований к медицинским справкам Чрезвычайные ограничения на миграцию в условиях кризиса Повышение требований к страхованию для мигрантов Ограничение на работу для мигрантов-студентов Установление сроков, по истечении которых мигранты должны покинуть страну	Программы по привлечению мигрантов с уникальными навыками Программы для мигрантов в сфере технологий и информационных технологий Специальные визы для преподавателей Программы для мигрантов, работающих в сфере здравоохранения

В свою очередь, государственное регулирование внешней трудовой миграции в отдающих странах включает стимулирующие методы, направленные на повышение конкурентоспособности граждан за рубежом и защиту их прав; ограничивающие методы, призванные предотвратить утечку критически важных кадров и злоупотребления; селективные методы, позволяющие направлять миграционные потоки в нужные сферы (табл. 3). В целом политика отдающих стран направлена на максимизацию выгод от трудовой миграции при минимизации негативных последствий для экономики и общества.

Таблица 3. Стимулирующие, ограничивающие и селективные методы государственного регулирования внешней трудовой миграции для отдающих стран

Стимулирующие методы	Ограничивающие методы	Селективные методы
Программы подготовки и обучения мигрантов Информационные кампании о возможностях трудоустройства за границей Соглашения с принимающими странами о трудоустройстве Создание служб по трудоустройству за границей Поддержка возвращения мигрантов (реинтеграция) Участие в международных ярмарках труда Поддержка миграционных агентств Программы подготовки к международной сертификации Программы информирования о правах мигрантов Создание платформ для обмена опытом среди мигрантов	Запрет на выезд для определенных категорий граждан Ограничение на выезд для определенных профессий Ужесточение контроля за отправкой мигрантов (лицензирование агентств)	Программы для выезда определенных категорий работников Программы обмена для студентов и молодых специалистов Программы для женщин

В отличие от принимающих стран, отдающие страны используют значительно меньше ограничивающих мер в регулировании внешней трудовой миграции. Ограничительные меры в отдающих странах представлены слабо, поскольку удержать людей в стране запретами практически невозможно: миграция вызвана экономическими, социальными и политическими факторами, которые не устраняются простым административным давлением. Жесткие ограничения лишь провоцируют нелегальную миграцию и потерю доверия граждан к государству. Вместо этого эффективнее создавать условия для жизни и работы на родине: развивать экономику, повышать зарплаты, улучшать социальные гарантии и профессиональные перспективы. Параллельно следует укреплять программы легальной трудовой миграции, защищать права мигрантов и поощрять их возвращение с новыми навыками и капиталами. Только баланс между возможностями внутри страны и цивилизованными каналами работы за рубежом позволит минимизировать негативные последствия оттока населения.

Основными подходами к оценке эффективности государственного регулирования внешней трудовой миграции являются:

1. Ресурсный подход – оценка соотношения экономических и социальных результатов миграции (налоговые поступления, восполнение дефицита рабочей силы, рост ВВП) и объема привлеченного миграционного ресурса (количества трудящихся-мигрантов, их квалификационного уровня, человеческого капитала).

2. Затратный подход – оценка соотношения результатов миграционной политики (достижение целей по заполнению кадровых ниш, экономический рост, социальная стабильность) и затрат государства на ее реализацию (финансирование миграционных служб, программы адаптации и интеграции, контрольные меры, социальная инфраструктура).

3. Структурный подход – оценка эффективности как составляющей общей результативности миграционной политики, определяющей экономичность использования миграционных потоков. Фокусируется на оптимальном распределении мигрантов по отраслям, регионам, профессиям и балансе инструментов регулирования (квоты, разрешения, требования к квалификации, программы целевого привлечения).

4. Целевой подход – оценка эффективности регулирования через вероятность и степень достижения государством собственных стратегических и тактических целей миграционной политики. Это включает как глобальные цели (демографическое развитие, национальная безопасность, экономическая конкурентоспособность), так и локальные (заполнение конкретных дефицитов на региональных рынках труда, выполнение проектов).

5. Институциональный подход – оценка эффективности регулирования с точки зрения удовлетворения интересов и учета влияния различных групп стейкхолдеров (институтов). Включает интересы национальных работников, работодателей, самих мигрантов, местных сообществ, профсоюзов, междуна-

родных организаций и институтов гражданского общества. Здесь эффективность – это способность политики находить баланс между этими часто конфликтующими интересами.

Цели и задачи государственного регулирования внешней трудовой миграции в Республике Беларусь на среднесрочную перспективу. Республика Беларусь функционирует, как страна-донор (масштабная трудовая эмиграция, особенно в Российскую Федерацию и страны Евросоюза), страна-реципиент (целевой импорт рабочей силы из стран Евразийского экономического союза, Азии и Африки для дефицитных отраслей) и транзитный хаб (для мигрантов, не рассматривающих Республику Беларусь как страну для постоянного проживания), что формирует комплексную и многозадачную миграционную политику, сочетающую стимулирование легального притока специалистов, защиту граждан за рубежом и жесткий контроль транзитных потоков.

Основные цели государственного регулирования внешней трудовой миграции в Республике Беларусь на среднесрочную перспективу сформированы с учетом демографических вызовов, экономической трансформации и региональной интеграции. Они направлены на баланс между развитием национального рынка труда и компенсацией дефицита трудовых ресурсов путем привлечения необходимых компетенций и обеспечения социальной стабильности.

Ключевые задачи государственного регулирования:

- 1) в сфере экспорта рабочей силы:
 - а) защита прав и интересов граждан Республики Беларусь за рубежом: обеспечение правовой и консульской поддержки, предотвращение недобросовестных практик трудоустройства и эксплуатации, контроль за деятельностью агентств по трудоустройству;
 - б) содействие легальной и цивилизованной трудовой миграции: развитие системы легального трудоустройства за границей через двусторонние соглашения, организационные наборы, информационные кампании о возможностях и рисках трудоустройства;
 - в) максимизация позитивных эффектов для национальной экономики: создание условий и стимулов для финансовых переводов мигрантов, реализация программ реинтеграции возвращающихся мигрантов (использование опыта, знаний, капиталов);
 - г) снижение негативных последствий «утечки умов»: селективные программы поддержки выезда по приоритетным направлениям (обмен, целевые категории);
- 2) в сфере импорта рабочей силы:
 - а) восполнение дефицита трудовых ресурсов: привлечение иностранной рабочей силы (высококвалифицированных специалистов и работников дефицитных профессий) для удовлетворения потребностей экономики, особенно в приоритетных отраслях и регионах, с использованием селективных методов (целевые программы);

б) обеспечение законности пребывания и труда: повышение гибкости системы выдачи разрешений на трудоустройство (основанное на потребностях рынка труда), борьба с нелегальной занятостью (контроль, штрафы, депортация);

в) защита прав иностранных работников и обеспечение достойных условий труда: контроль за соблюдением трудового законодательства Республики Беларусь работодателями, медицинское страхование, предотвращение дискриминации, обеспечение доступа к коллективным переговорам и членству в профсоюзах.

Выводы

1. Современные процессы трудовой миграции усложняются под влиянием глобализации, цифровизации, роста мобильности и изменений на рынке труда. Их следует рассматривать в контексте взаимосвязи мобильности рабочей силы и развития.

2. Государственные методы регулирования внешней трудовой миграции являются определяющим фактором, напрямую влияющим на стратегии и решения как действующих, так и потенциальных трудовых мигрантов. Эти меры, охватывающие правовые, экономические и организационные инструменты, демонстрируют гибкость и адаптивность к динамике рынка труда, а их эффективность обеспечивается вариативностью в зависимости от выбранной государством политики (стимулирующей, ограничительной или селективной).

3. Основными целями государственного регулирования экспорта рабочей силы являются защита прав граждан за рубежом, обеспечение легальности миграционных процессов, максимизация экономических выгод (включая финансовые переводы и реинтеграцию) и минимизация негативных последствий «утечки умов».

4. Развитие целевых программ привлечения трудовых мигрантов, совершенствование системы организованного набора и создание прозрачной инфраструктуры для контроля и интеграции – все это станет основой для устойчивой и безопасной миграционной экосистемы, отвечающей потребностям государства и общества в долгосрочной перспективе.

Список использованных источников

1. Дутов, П. О. Конституционно-правовое регулирование внешней трудовой миграции / П. О. Дутов ; под общ. ред. А. С. Прудникова. – М. : Юнити-Дана, 2022. – 176 с.
2. Комаровский, В. В. Проблемы регулирования трудовой миграции в современной России / В. В. Комаровский // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 3. – С. 105–110. – DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-3-105-110.
3. Федорако, А. И. Миграционное право : учеб. пособие / А. И. Федорако. – Минск : РИВШ, 2025. – 340 с.
4. Толочко, О. Н. Развитие законодательства Республики Беларусь о внешней трудовой миграции / О. Н. Толочко // Сацыяльна-эканамічныя і правыя даследаванні. – 2023. – № 2. – С. 48–53.

5. Топилин, А. В. Миграция населения и демографическое старение в некоторых странах мира и России за период 1960–2021 гг. / А. В. Топилин, Г. В. Ниорадзе, Т. С. Хроленко // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2022. – № 20. – С. 302–319. – DOI: 10.47711/2076-318-2022-302-319.

6. Гребенюк, А. А. Трудовая миграция и экономическое развитие: последствия и система показателей / А. А. Гребенюк. – М. : Креативная экономика, 2017. – 252 с.

7. Тихонова, Л. Е. О вызовах и угрозах миграционной безопасности Беларуси / Л. Е. Тихонова, В. П. Пугачев, А. С. Хлебовец // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2025. – № 2. – С. 41–50.

8. Тимошенко, М. В. Система регулирования миграции трудовых ресурсов в Беларуси: методологические основы и прикладные инструменты / М. В. Тимошенко // Потребительская кооперация. – № 4. – 2013. – С. 46–55.

Поступила 01.08.2025

MODERN APPROACHES
TO REGULATION OF EXTERNAL LABOR MIGRATION

E. Maslenkova

maslenkoff@mail.ru

Candidate of Sciences in Economics

Belarusian State University

Minsk, Republic of Belarus

Abstract. Theoretical approaches to the concept of labor migration are considered, the processes of external labor migration in the Republic of Belarus are analyzed, direct and indirect methods of regulating external labor migration are systematized in terms of individual forms and instruments, stimulating, restrictive and selective methods of state regulation of external labor migration for sending and receiving countries are considered, the goals and objectives of state regulation of external labor migration in the Republic of Belarus for the medium term are defined.

Keywords: external labor migration, state regulation, regulation methods, foreign labor force, emigrant worker, immigrant worker, migration policy.

<https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-67-76>

УДК 331.5.024.5

JEL J68

НЕОБХОДИМОСТЬ СКООРДИНИРОВАННОЙ РЕАЛИЗАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ТРУДА¹

А. В. Маркидонова

alesya.markidonova@gmail.com

Белорусский государственный экономический университет

г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В статье доказана необходимость совместного применения органами государственного управления комплекса мер различных видов экономической политики к регулированию рынка труда на основании факторов, обуславливающих специфику рынков труда в каждом отдельном регионе страны. В исследовании представлен механизм координации различных видов экономической политики с учетом выявленных факторов, а также алгоритм реализации данного механизма, что будет способствовать решению общих и конкретных задач на рынке труда в каждом отдельном регионе страны.

Ключевые слова: региональные рынки труда, государственное регулирование, механизм координации, виды политик, факторы, специфика региональных рынков труда, занятость, рабочая сила.

Для цитирования: Маркидонова, А. В. Необходимость скоординированной реализации различных видов экономической политики для эффективного регулирования региональных рынков труда / А. В. Маркидонова // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / НАН Беларуси, Ин-т экономики. – 2025. – Вып. 11. – С. 67–76. – <https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-67-76>.

Введение

В современных условиях постоянного воздействия многочисленных внутренних и внешних факторов, изменяющих условия функционирования национального и региональных рынков труда, возрастает актуальность повышения уровня согласованности принимаемых мер различными органами государственного управления. Несогласованная же деятельность может привести к большему расходу бюджетных средств, выполнению разными органами одних и тех же задач, увеличению срока принятия управленческих решений, что в конечном итоге затруднит достижение необходимого результата государственного регулирования и значительно снизит эффективность реализуемых мер.

Многие отечественные и зарубежные авторы исследуют проблемы занятости в меняющихся условиях экономической среды и возникающие в связи с этим риски.

¹ Научное исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований на тему «Перспективы перехода регионов Республики Беларусь к Индустрии 4.0 как к инструменту адаптации к глобальным вызовам» (№ государственной регистрации 20241382).

Так, в своей работе Е. В. Ванкевич и О. В. Зайцева рассматривают развитие рынка труда в условиях цифровизации, которая привела к определенным изменениям функционирования данного рынка и повлекла за собой сопутствующие риски, что особенно остро ощущается со стороны предложения рабочей силы (повышение мобильности рабочей силы, увеличение несоответствия между имеющимися у занятого населения навыками и квалификацией с требованиями нанимателей и т. д.). В связи с этим авторами обоснована необходимость изменения политики занятости в Республике Беларусь [1].

Н. В. Маковская в своей статье представила новые теоретико-методологические подходы к организации труда работников в новых цифровых условиях. В работе продемонстрировано методологическое описание данных подходов, выделены особенности технологической организации труда с позиции инновационных возможностей. Объяснены изменения потребностей в персонале и требований к ним в ходе внедрения цифровых технологий [2].

Устойчивое и эффективное развитие страны, и в частности ее регионов, невозможно без квалифицированных трудовых ресурсов, обеспечиваемых его демографическим потенциалом. Состояние и перспективы развития демографического потенциала белорусского села в своей работе рассматривают С. Д. Лин и Л. Е. Тихонова. На основе проведенного анализа выявлены основные проблемы формирования демографического потенциала в селе, в основном вызванные усиливающимся миграционным оттоком населения из данной местности. На основе проведенного анализа авторами предложены мероприятия различных видов экономической политики для улучшения текущей ситуации в сельской местности [3].

Все сказанное подчеркивает важность рассмотрения и правильной постановки конкретных целей и задач, стоящих перед органами государственного регулирования, уникальных для каждого региона страны, что влечет за собой необходимость скоординированного сочетания инструментов различных видов экономической политики.

Результаты и их обсуждение

Одной из главных целей, стоящей перед органами местного управления и самоуправления Республики Беларусь, является создание привлекательных условий для жизни в любом населенном пункте, которые будут заключаться в наличии рабочих мест с достойной оплатой труда, развитой инфраструктуры, возможностей для роста и развития, что в итоге позволит сохранить или привлечь граждан в данную местность.

Однако на данный момент наблюдаются как диспропорции в распределении экономически активного населения (рабочей силы) между г. Минском и остальными областями, так и одновременное уменьшение их численности практически на всей территории страны, особенно молодежи в возрасте 25–29 лет (рис. 1, 2).

Неравномерность распределения населения между регионами страны во многом связана с проблемой внутренней миграции, причиной которой может являться необходимость получения гражданами достойного образования. Однако многие молодые специалисты не возвращаются в свои города после завер-

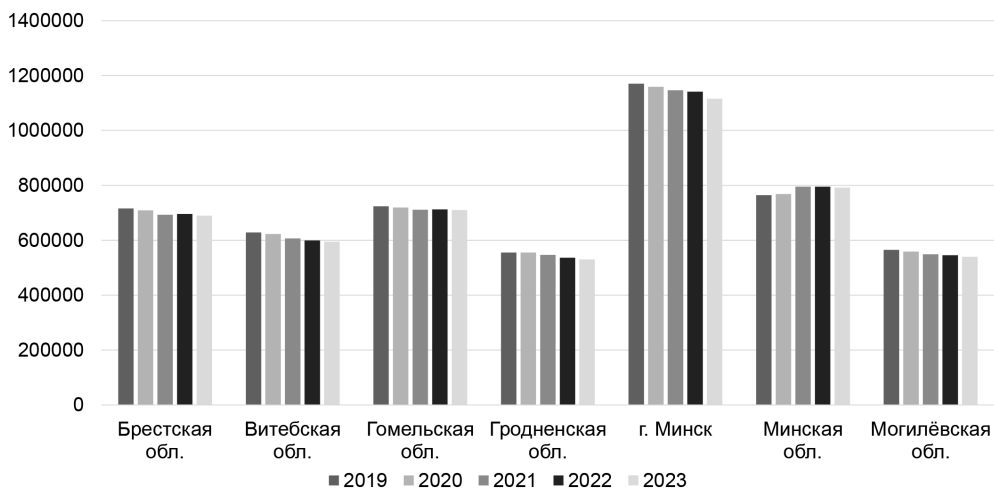

Рис. 1. Численность рабочей силы (по данным выборочного обследования домашних хозяйств) по территории Республики Беларусь.

Примечание. Рисунок создан на основе данных Белстата¹

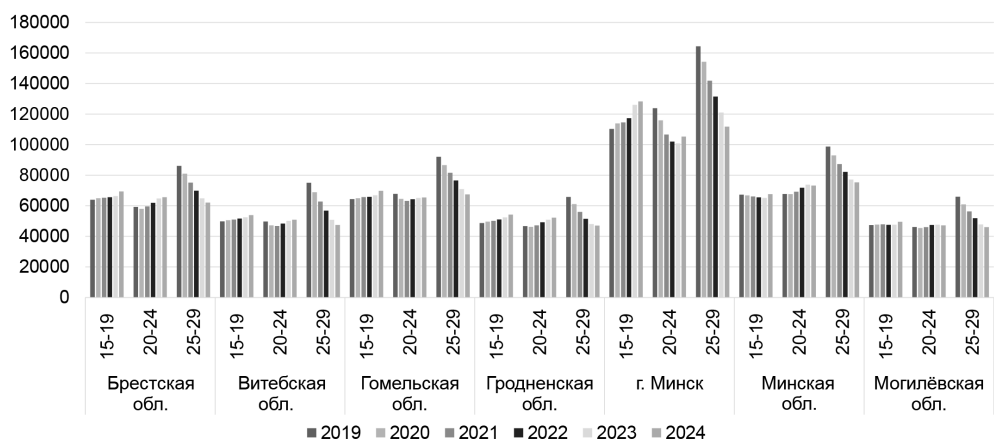

Рис. 2. Динамика численности населения по возрастным группам по областям и г. Минску.

Примечание. Рисунок создан на основе данных Белстата²

¹ Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации Национального статистического комитета Республики Беларусь. URL: <http://dataportal.belstat.gov.by/> (дата обращения: 10.08.2025).

² Там же.

шения обучения в учреждениях высшего и среднего специального образования из-за отсутствия в регионе рабочих мест, удовлетворяющих полученным знаниям и квалификации, а также недостаточного развития социальной инфраструктуры, особенно в сферах образования, здравоохранения, культуры и искусства, бытового обслуживания населения и т. д. (рис. 3).

Решение обозначенных проблем региональных рынков труда требует скоординированного и согласованного применения инструментов различных видов экономической политики, подобранных в соответствии со спецификой того или иного региона страны.

Рынок труда состоит из множества составных частей или элементов, формирующих его структуру (рис. 4). Для эффективного регулирования столь сложной системы необходим четко определенный и структурированный механизм, который будет не одинаков в каждом отдельном регионе в силу действия различного рода факторов [4, 5], требующих применения мер различных видов экономической политики (рис. 5). Как показало проведенное исследование,

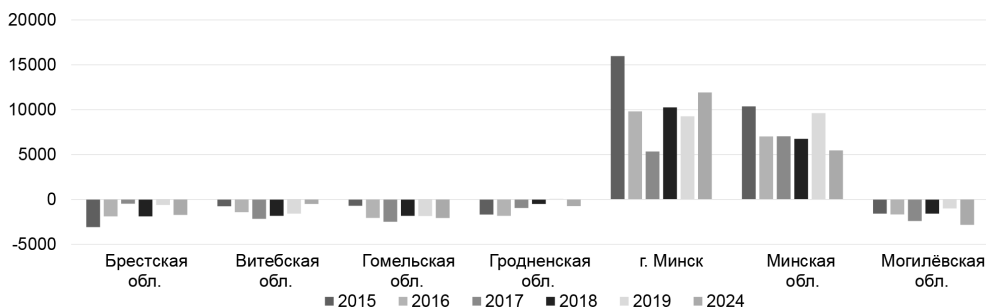

Рис. 3. Миграционный прирост, убыль (–) по территории Республики Беларусь.

Примечание. Рисунок создан на основе данных Белстата¹

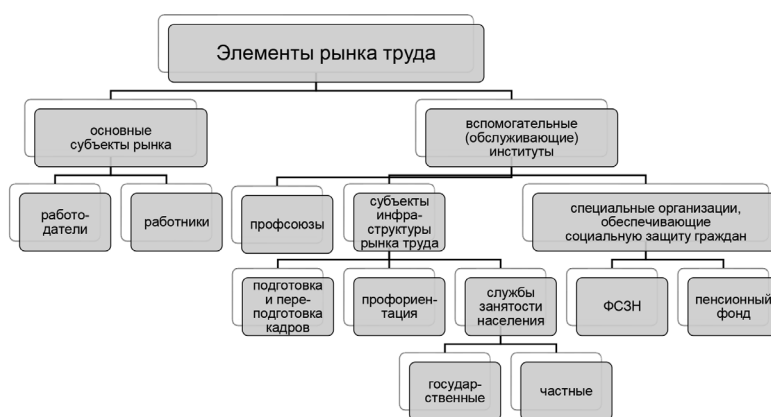

Рис. 4. Элементы рынка труда

¹ URL: <http://dataportal.belstat.gov.by/> (дата обращения: 10.08.2025).

в случае с региональными рынками труда, мер политики в области занятости или оплаты труда будет недостаточно, необходима более комплексная и системная координация мер различных видов экономической политики, включая бюджетно-финансовую, налоговую, денежно-кредитную, инвестиционную, инновационную, социальную, структурную и др.

Проблема диспропорций остро прослеживается на региональных рынках труда Республики Беларусь [6]. При этом каждый регион страны имеет свои отличительные черты и особенности, которые определяют его уникальную специфику и обуславливают необходимость решения конкретных задач для урегулирования ситуации на рынке труда в данном конкретном регионе.

Выраженность тех или иных факторов и постановка конкретных задач влияют на выбор мер различных видов экономической политики, которые должны применяться в комплексе и согласованно. Иными словами, ключевая идея заключается в применении органами государственного управления индивидуального, ситуационного, но в то же время комплексного подхода к регулированию. Для каждой отдельно взятой ситуации (отдельного региона) необходима реализация совместного комплекса мер различных видов экономической политики (см. таблицу).

При этом в зависимости от различных факторов, преобладающих в регионе, будут различаться приоритетность и очередность реализации мер различных видов экономической политики, которая в таблице определена цифрами. Значит, в первую очередь реализуются меры политики, где проставлена цифра 1, и далее по очереди подключаются остальные виды политик.

Например, в случае *наличия на территории административно-территориальной единицы земельных, водных, лесных ресурсов, требующих освоения*, в первую очередь акцент должен быть сделан на привлечение субъекта предпринимательства и инвестиций в данную деятельность с целью введения указанных ресурсов в хозяйственный оборот, либо повышение эффективности их использования, что будет способствовать развитию малого и среднего предпринимательства, созданию новых рабочих мест. Мерами стимулирования в данном случае будут налоговые льготы, субвенции и субсидии, а также иные условия, позволяющие усилить привлекательность объекта для вложения средств инвестором.

Следующими будут задействованы инструменты денежно-кредитной, бюджетно-финансовой и налоговой политик, которые помогут предпринимателю на начальном этапе работы: снижение налоговых выплат на определенный срок, выдача кредитов на льготных условиях.

Невозможно обойтись без финансовых инструментов инновационной и научно-технической политики, которые будут заключаться в льготном кредитовании, налоговых льготах на введение, использование и создание инновационных процессов. Именно благодаря новым способам управления и организации, современному оборудованию объект может стать эффективным, не требующим в дальнейшем дополнительных субсидий.

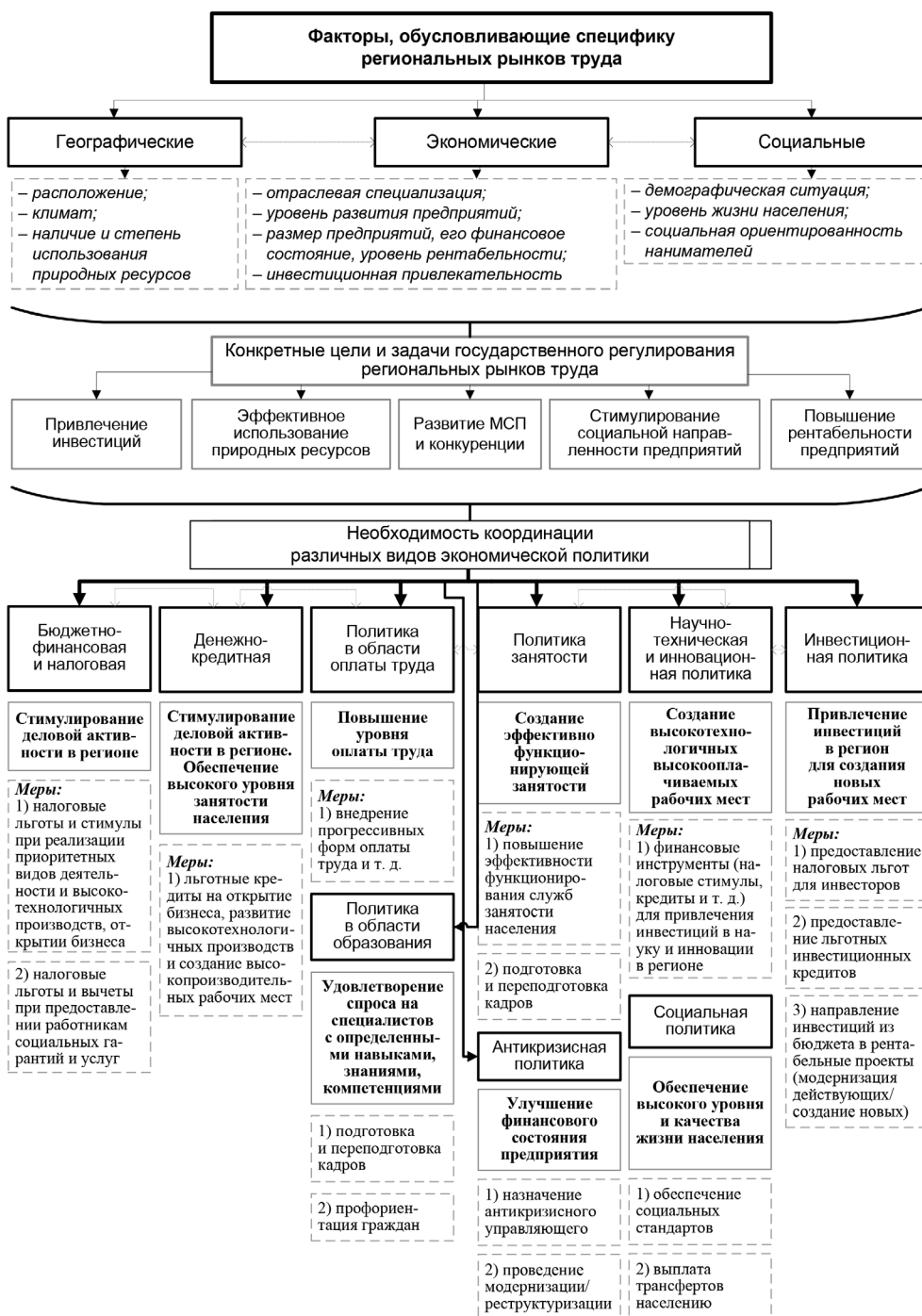

Рис. 5. Координация различных видов экономической политики с учетом факторов, определяющих специфику региональных рынков труда

**Алгоритм реализации механизма координации
различных видов экономической политики с учетом факторов,
определяющих специфику региональных рынков**

Вид политики / Вид фактора	Бюджетно-финансовая и налоговая	Денежно-кредитная	Политика в области оплаты труда	Политика занятости	Научно-техническая и инновационная политика	Инвестиционная политика	Политика в области образования	Антикризисная политика	Социальная политика
<i>Географические факторы</i>									
Наличие земельных, водных, лесных, минерально-сырьевых ресурсов	2	2	4	4	3	1	–	–	–
Расположение (близость населенных пунктов других районов с более привлекательными условиями труда)	3	3	7	5	4	2	6	–	1
<i>Экономические факторы</i>									
Наличие градообразующего предприятия	4	4	5	3	2	1	2	–	6
Уровень развития предприятий (финансовое состояние, рентабельность) (в случае убыточного)	3	3	5	6	4	2	4	1	7
Инвестиционная привлекательность	2	2	–	4	3	1	4	–	–
Отраслевая специализация	1	1	5	4	3	2	3	–	–
<i>Социальные факторы</i>									
Демографическая ситуация	3	3	2	2	–	–	4	–	1
Уровень жизни населения	2	2	5	4	–	3	4	–	1
Социальная ориентированность нанимателей	2	2	3	3	–	–	4	–	1

Примечание. Цифрами 1–7 отмечена очередность реализации мер определенного вида экономической политики.

Далее будут применены инструменты политики занятости. В первую очередь, к работе должно быть привлечено население, проживающее в данном регионе, что следует оговорить и документально зафиксировать при подписании соглашений как с предпринимателем, так и с инвестором. Будущим сотрудникам должны быть предоставлены достойные условия и оплата труда.

Схожая совокупность экономических политик и их инструментов также может быть использована в случае наличия на территории региона неиспользуемых объектов строительства. На начальных этапах привлечение инвестора и готовность в содействии в процессе приватизации будут являться основополагающими.

Важным экономическим фактором является *наличие на территории области градообразующего предприятия*. Данные предприятия определяют уровень и качество жизни в регионе, предоставляя гражданам рабочие места, выплачивая заработные платы, которые служат основным источником дохода населения и показателем уровня жизни в нем, создают инфраструктуру и т. д.

Так, стоит отметить одно из важнейших градообразующих предприятий в Республике Беларусь – ОАО «Беларуськалий», на котором работает порядка 17 тыс. сотрудников, что составляет более 17 % от всех граждан, проживающих в г. Солигорске. В данном случае необходима реализация различных видов политик, как для обеспечения его непрерывной и эффективной работы, так и для стимулирования деловой активности в регионе с целью создания новых предприятий и развития предпринимательства, что позволит усилить экономическую безопасность, уменьшит зависимость населения от одного объекта функционирования.

Для эффективной, высокопроизводительной работы предприятия, производящего конкурентоспособную высокотехнологичную продукцию, необходимо в первую очередь применение мер инвестиционной политики, способной предоставить средства на развитие научно-технической и инновационной деятельности (инструменты инновационной и научно-технической политики), что является ключевым моментом его качественной работы. Одновременно с этим возникает необходимость в политике образования, вызванная необходимостью высококвалифицированного персонала, для чего будут необходимы курсы переподготовки и повышения квалификации.

Для стимулирования деловой активности в регионе, а именно появления новых объектов предпринимательства, способных создать высокотехнологичное производство, дифференцировать направленность региона либо улучшить его инфраструктуру, будут применены инструменты бюджетно-финансовой, налоговой и денежно-кредитной политик (выдача льготных кредитов, снижение налогов).

В случае *убыточной работы предприятия* будут внесены некоторые изменения в очередность применяемых мер. Так, на первое место выйдет антикризисная политика, которая будет заключаться в улучшении финансового состояния предприятия. Сделать это можно будет благодаря найму антикризисного менеджера, способного изменить вектор развития предприятия, разработать новую стратегию работы с последующим проведением модернизации или реструктуризации.

Следующими будут меры инвестиционной политики для привлечения средств в запланированные проекты.

Далее необходимо будет осуществить меры бюджетно-финансовой, налоговой и денежно-кредитной политики с льготным кредитованием, налоговыми льготами и иными инструментами.

Для производства конкурентоспособной, высокотехнологичной продукции, пользующейся спросом не только внутри страны, но и за ее пределами,

необходима реализация мер инновационной и научно-технической политики. Одновременно должна производиться политика образования, заключающаяся в переподготовке и повышении квалификации кадров.

На последнем месте будет проведение политики занятости и оплаты труда.

Говоря про *социальные факторы*, стоит отметить их взаимосвязь и взаимообусловленность. Так, социальная ориентированность нанимателей будет непосредственно влиять на демографическую ситуацию в регионе, а также на уровень жизни населения и наоборот, демографическое состояние и уровень жизни в регионе – на заинтересованность нанимателей в размещении на его территории предприятий и производств.

Именно совместная деятельность местных органов управления и работодателей позволит достичь максимального эффекта в социальном развитии региона. Так, инструменты социальной политики в виде социальной адресной помощи, выделение ряда средств для помощи в постройке жилья молодым специалистам со стороны как местных органов управления, так и нанимателей, создание комплексной инфраструктуры в регионе, включая качественное развитие сфер образования и здравоохранения, культуры и искусства и других с помощью совместных социальных проектов, будут способствовать сохранению и привлечению молодых специалистов.

Для создания в регионе новых высокотехнологичных рабочих мест могут быть использованы совокупность инструментов инвестиционной, научно-технической и инновационной политик, а также бюджетно-финансовой и денежно-кредитной.

Заключение

Таким образом, суть механизма координации различных видов экономической политики для эффективного регулирования региональных рынков труда заключается в предложении индивидуального, ситуационного алгоритма государственного управления, зависящего от конкретных целей и задач, стоящих перед органами государственного регулирования в том или ином регионе. Научная новизна заключается в предложении структурированного механизма применения мер различных видов экономической политики, который будет не одинаков в каждом отдельном регионе в силу действия различного рода факторов.

Следовательно, только согласованная скоординированная реализация мер и инструментов различных видов экономической политики будет способствовать решению общих и конкретных задач на рынке труда в каждом отдельном регионе, вызывая при этом синергетический эффект и усиливая действия друг друга. Так, привлечение инвестиций в регион будет способствовать развитию малого и среднего бизнеса, созданию высокотехнологичных рабочих мест и развитию эффективной занятости, повышению возможностей предприятий

по социальному обеспечению своих работников и т. д. Все это в итоге повысит привлекательность рабочих мест в регионах для молодых специалистов и сдержит отток населения трудоспособного возраста в более развитые районы и города.

Список использованных источников

1. Ванкевич, Е. В. Развитие рынка труда Республики Беларусь на современном этапе: тенденции и приоритеты / Е. В. Ванкевич, О. В. Зайцева // Общество и экономика. – 2023. – № 5. – С. 75–100.

2. Маковская, Н. В. Подходы к организации труда для инновационных и цифровых условий развития / Н. В. Маковская // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2023. – № 3. – С. 117–122.

3. Лин, С. Д. Демографический потенциал белорусского села: современное состояние и перспективы развития / С. Д. Лин, Л. Е. Тихонова // Журнал Белорусского государственного университета. – 2022. – № 1. – С. 38–47.

4. Маркидонова, А. В. Влияние специфики региональных рынков труда на механизм их регулирования / Т. В. Буховец, А. В. Маркидонова // Экономический бюллетень. – 2022. – № 10. – С. 35–49.

5. Маркидонова, А. В. Совершенствование механизма государственного регулирования региональных рынков труда / А. В. Маркидонова // Белорусский экономический журнал. – 2023. – № 3. – С. 97–115.

6. Маркидонова, А. В. Оценка региональных диспропорций на рынке труда с построением коэффициента различия / А. В. Маркидонова // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2023. – № 1. – С. 46–55.

Поступила 15.08.2025

THE NEED FOR COORDINATED IMPLEMENTATION OF VARIOUS TYPES
OF ECONOMIC POLICIES FOR THE EFFECTIVE REGULATION
OF REGIONAL LABOR MARKETS

A. Markidonava

alesya.markidonova@gmail.com
Belarus State Economic University
Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article proves the necessity of joint application by government bodies of a set of measures of various types of economic policy to regulate the labor market based on factors that determine the specifics of labor markets in each individual region of the country. The study presents a mechanism for coordinating various types of economic policy, taking into account the determined factors, as well as an algorithm for implementing this mechanism, which will help solve general and specific problems in the labor market in each individual region of the country.

Keywords: regional labor markets, government regulation, coordination mechanism, types of policies, factors, specifics of regional labor markets, employment, labor force.

<https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-77-86>

УДК 331.5

JEL J01

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ТРУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В. А. Рачкевич

zvopovavika5592@mail.ru

Институт экономики НАН Беларуси

г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. Представлены результаты анализа эффективности функционирования рынка труда Республики Беларусь в целом и регионов в частности за 2014–2023 гг. по таким параметрам, как использование трудового потенциала; материальное благосостояние и социальная защищенность; безопасность труда; демографическая и миграционная устойчивость; готовность к инновационному развитию; сбалансированность; качество работы служб занятости. Рынок труда Республики Беларусь характеризуется преимущественно средней эффективностью функционирования за рассматриваемый период. Согласно результатам кластерного анализа были выделены две группы регионов Беларуси, различающиеся по эффективности функционирования рынка труда, что свидетельствует о неравномерности развития регионов страны.

Ключевые слова: рынок труда, занятость, безработица, эффективность, трудовой потенциал, безопасность труда.

Для цитирования: Рачкевич, В. А. Анализ эффективности функционирования региональных рынков труда Республики Беларусь / В. А. Рачкевич // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / НАН Беларуси, Ин-т экономики. – 2025. – Вып. 11. – С. 77–86. – <https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-77-86>.

Введение

Актуальность исследования эффективности функционирования рынка труда обусловлена необходимостью обеспечения устойчивого развития страны, что является приоритетом государственной политики¹. Вместе с тем существующие особенности развития современного рынка труда могут препятствовать достижению данной цели. Так, Л. С. Боровик и Н. Н. Привалова отмечают сокращение численности занятого населения и увеличение его среднего возраста, что обусловлено влиянием демографических факторов [1, с. 21–23]. Т. Н. Миронова и А. А. Закревская также отмечают, что снижение трудовых ресурсов обусловлено и увеличением доли населения, имеющего ограничения к трудовой деятельности по состоянию здоровья [2, с. 5]. А. В. Маркидонова описывает проблему несоответствия между структурой подготовки кадров и реальной потребностью экономики в кадрах, а также значительные

¹ Проект Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года. URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/proekt-Natsionalnoj-strategii-ustojchivogo-razvitiija-na-period-do-2040-goda.pdf> (дата обращения: 13.09.2025).

диспропорции по показателям рынка труда между областями и столицей страны в пользу последней [3, с. 27, 31]. А. Г. Боброва указывает на проблему несоответствия между спросом и предложением на рынке труда, что является одним из препятствий социально-экономического развития регионов [4, с. 93]. К. В. Пилецкий отмечает неразвитость институтов рынка труда, что выражается в увеличении масштабов неформальной занятости [5, с. 24]. Таким образом, необходим комплексный мониторинг состояния рынка труда, который позволит выявить проблемные зоны его функционирования.

Цель работы – оценить эффективность функционирования рынка труда Республики Беларусь в региональном разрезе.

Результаты и их обсуждение

Существуют различные подходы к проведению оценки эффективности рынка труда, которые фокусируются на изучении разных предметных областей. В результате анализа научной литературы нами выделены пять основных подходов: экономический, социальный, институциональный, адаптационно-образовательный и инновационный (табл. 1).

Таблица 1. Основные подходы к оценке эффективности функционирования рынка труда

Подход	Предметная область	Представители
Экономический	Состояние занятости и безработицы, соотношение спроса и предложения рабочей силы, производительность труда	О. Е. Петрунина, Т. А. Игнашева и др.
Социальный	Качество трудовой жизни (безопасность труда, социальная защищенность, материальное благосостояние и др.)	А. В. Боговиз, С. В. Лобова, А. Н. Алексеев и др.
Институциональный	Баланс интересов между различными субъектами рынка труда (государство, профсоюзы, работодатели, работники)	J. Woodcock, C. Cant и др.
Адаптационно-образовательный	Соответствие квалификации работников требованиям работодателей	L. Benhayoun, D. Lang и др.
Инновационный	Внедрение новых технологий и инноваций через развитие человеческого капитала	Е. С. Дашкова, Н. В. Дорохова и др.

Примечание. Таблица составлена на основе анализа научных работ зарубежных исследователей [6–11].

Представленные подходы отражают отдельные аспекты функционирования рынка труда, что затрудняет его целостное восприятие. В связи с этим для достижения поставленной цели использована авторская методика оценки эффективности функционирования рынка труда Республики Беларусь, позволяющая провести комплексный анализ состояния рынка труда страны в целом и регионов в частности (рис. 1).

1. Подготовительный этап	
Формирование набора индикаторов	
2. Расчетный этап	
Нормирование значений отобранных индикаторов по формулам: 1) при прямой связи с эффективностью функционирования рынка труда: $x_{\text{норм}} = \frac{x - x_{\text{min}}}{x_{\text{max}} - x_{\text{min}}}, \quad (1)$ где $x_{\text{норм}}$ – нормированное значение индикатора; x – фактическое значение индикатора для определенного региона; x_{min} – минимальное фактическое значение индикатора по всем регионам; x_{max} – максимальное фактическое значение индикатора по всем регионам;	
2) при обратной связи с эффективностью функционирования рынка труда: $x_{\text{норм}} = \frac{x_{\text{max}} - x}{x_{\text{max}} - x_{\text{min}}}; \quad (2)$	
3) для нормирования коэффициента напряженности на рынке труда, при котором значение, равное единице, означает баланс спроса и предложения, а значение менее или более единицы – наличие проблемы дефицита кадров или избытка рабочей силы: $x_{\text{норм}} = e^{- x-1 }, \quad (3)$ где e – основание натурального логарифма.	
Вычисление значения субиндексов и индекса оценки эффективности функционирования рынка труда по формулам:	
1) для вычисления субиндекса: $I_i = \sum_{i=1}^n w_i x_i, \quad (4)$ где I_i – субиндекс; n – количество индикаторов; w_i – весовой коэффициент значимости i -го индикатора (сумма равна 1); x_i – значение i -го индикатора;	
2) для вычисления индекса: $I_{\text{эффект}} = \sum_{i=1}^n w_i I_i, \quad (5)$ где $I_{\text{эффект}}$ – индекс эффективности функционирования рынка труда; n – количество субиндексов; w_i – весовой коэффициент значимости i -го субиндекса (сумма равна 1); I_i – значение i -го субиндекса	
3. Заключительный этап	
Интерпретация значений в соответствии со шкалой оценки:	
Значение	Эффективность функционирования рынка труда
0,00–0,20	Крайне низкая
0,21–0,40	Низкая
0,41–0,60	Средняя
0,61–0,80	Высокая
0,81–1,00	Очень высокая

Рис. 1. Этапы оценки эффективности функционирования рынка труда Республики Беларусь

В ходе исследования нами была оценена эффективность функционирования рынка труда Республики Беларусь по следующим компонентам: использование трудового потенциала; материальное благосостояние и социальная защищенность; безопасность труда; демографическая и миграционная устойчивость; готовность к инновационному развитию; сбалансированность; качество работы служб занятости (табл. 2).

Таблица 2. Индикаторы оценки эффективности функционирования рынка труда

Индикатор, единица измерения	Весовой коэффициент значимости
<i>1. Субиндекс «Использование трудового потенциала» ($w_1 = 0,25$)</i>	
Уровень занятости населения, %	0,25
Уровень безработицы, %	0,25
Уровень длительной безработицы, %	0,25
Ежегодный темп роста реального ВРП на одного занятого, %	0,25
<i>2. Субиндекс «Материальное благосостояние и социальная защищенность» ($w_2 = 0,25$)</i>	
Уровень неформальной занятости, %	0,2
Уровень малообеспеченности населения, %	0,2
Индекс реальной заработной платы, %	0,2
Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата, руб.	0,2
Квинтильный коэффициент фондов	0,2
<i>3. Субиндекс «Безопасность труда» ($w_3 = 0,1$)</i>	
Уровень производственного травматизма со смертельным исходом на 100 тыс. человек, человек	0,34
Уровень производственного травматизма с несмертельным исходом на 100 тыс. человек, человек	0,34
Уровень профессиональной заболеваемости на 100 тысяч человек, человек	0,32
<i>4. Субиндекс «Демографическая и миграционная устойчивость» ($w_4 = 0,1$)</i>	
Уровень внешней трудовой миграции, % (отношение численности граждан, работающих за пределами страны до 1 года, к общей численности занятого населения)	0,2 (0,25)
Уровень виртуальной трудовой миграции, % (отношение численности населения, проживающего в Беларуси и работающего удаленно на зарубежного работодателя, к общей численности занятого населения – предлагаемый показатель для статистического наблюдения)	0,2 (–)
Сальдо официальной внешней трудовой миграции, человек (разница между численностью трудящихся-мигрантов, въехавших для работы на основе подписанных договоров и контрактов, и численностью трудящихся-мигрантов, выехавших для работы на основе подписанных договоров и контрактов)	0,2 (0,25)
Коэффициент общей демографической нагрузки, человек	0,2 (0,25)
Доля NEET-молодежи, %	0,2 (0,25)
<i>5. Субиндекс «Готовность к инновационному развитию» ($w_5 = 0,1$)</i>	
Удельный вес занятого населения с высшим образованием, %	0,25 (0,34)
Доля занятого населения в R&D, %	0,25 (0,33)
Удельный вес работников, прошедших профессиональное обучение по образовательным программам дополнительного образования, %	0,25 (–)
Удельный вес интернет-пользователей, использующий Интернет в образовательных целях, %	0,25 (0,33)

Окончание табл. 2

Индикатор, единица измерения	Весовой коэффициент значимости
<i>6. Субиндекс «Сбалансированность» ($w_6 = 0,1$)</i>	
Коэффициент напряженности (отношение численности безработных по данным выборочного обследования домашних хозяйств к числу свободных рабочих мест (вакансий), заявленных организациями в органы по труду, занятости и социальной защите)	0,34 (0,5)
Коэффициент общего оборота кадров, %	0,33 (0,5)
Удельный вес молодежи, имеющей квалификацию, соответствующую выполняемой работе, %	0,33 (-)
<i>7. Субиндекс «Качество работы служб занятости» ($w_7 = 0,1$)</i>	
Удельный вес трудоустроенных граждан, обратившихся по вопросу трудоустройства в органы по труду, занятости и социальной защите, %	1,0

Примечания.

1. В скобках указаны весовые коэффициенты значимости, которые использовали при отсутствии статистических данных по некоторым показателям в определенные годы, для того чтобы сумма всех весовых коэффициентов значимости для вычисления субиндекса равнялась 1.

2. Таблица составлена на основе данных ¹.

На протяжении 2014–2023 гг. индекс эффективности рынка труда Республики Беларусь варьировался от 0,41 до 0,61. Несмотря на общую тенденцию роста эффективности, наблюдались и периоды спада в целом по стране: в 2016, 2020 и 2022 г. (рис. 2).

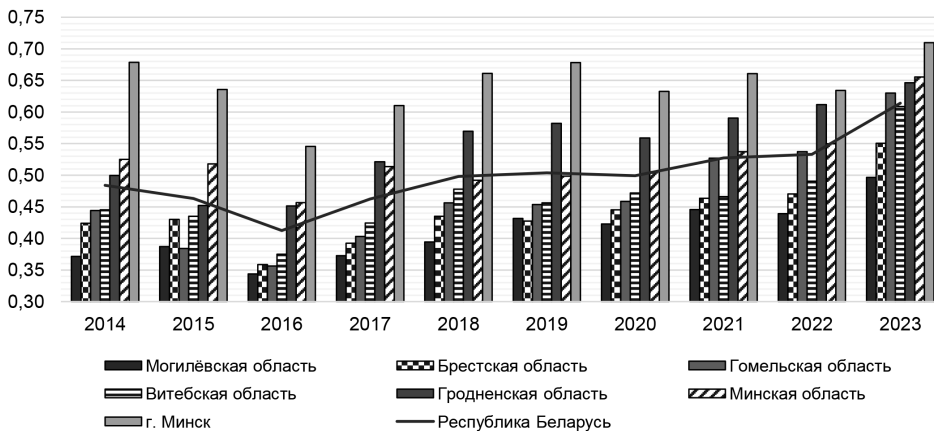

Рис. 2. Индекс эффективности функционирования рынка труда Республики Беларусь

¹ Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации. URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/home-page> (дата обращения: 23.06.2025); Платформа региональных данных по устойчивому развитию. URL: <https://sdgregions.belstat.gov.by/?regionId=all> (дата обращения: 23.06.2025).

Полученные нами результаты могут быть объяснены экономическими кризисами, которые наблюдались в данные периоды и были вызваны как санкционным давлением, так и пандемией COVID-19 [12, с. 9–10]. Рейтинг регионов Беларуси по эффективности рынка труда, исходя из среднего значения за 2014–2023 гг., представлен следующим образом: г. Минск (от 0,55 до 0,71), Гродненская область (от 0,45 до 0,65), Минская область (от 0,46 до 0,66), Витебская область (от 0,37 до 0,61), Гомельская область (от 0,36 до 0,63), Брестская область (от 0,36 до 0,55) и Могилёвская область (от 0,34 до 0,50).

Среди компонентов индекса эффективности функционирования рынка труда в Беларуси наиболее высокие результаты были достигнуты в области качества работы служб занятости и безопасности труда (в среднем значение субиндексов за рассматриваемый период составило 0,64). Также в первую половину рейтинга входят использование трудового потенциала и материальное благосостояние (по 0,51). К «отстающим» компонентам относятся демографическая и миграционная устойчивость (0,42), сбалансированность (0,42) и готовность к инновационному развитию (0,31). Из представленного перечня только для первого компонента характерна тенденция к снижению (с 0,53 в 2014 г. до 0,44 в 2023 г.).

Исходя из средних значений по каждому компоненту за 2014–2023 гг., г. Минск занимает лидирующие позиции по пяти компонентам индекса эффективности функционирования рынка труда (табл. 3). Несмотря на это, столицей не была достигнута очень высокая степень эффективности рынка труда за рассматриваемый период. При этом регион занимает последнее место по сбалансированности рынка труда, что объясняется прежде всего высокой текучестью кадров в условиях динамичного столичного рынка, и по качеству работы служб занятости, однако с 2021 г. наблюдается значительное улучшение данного показателя. До этого периода причины низкой позиции объяснялись сокращением спроса на неквалифицированных сотрудников, нежеланием безработных трудиться и более высокой конкуренцией среди не только жителей столицы, но и трудящихся других регионов, работающих в г. Минске¹.

Гродненская область, напротив, достигла наибольших успехов в сбалансированности и качестве работы служб занятости в сравнении с другими регионами страны. Наиболее проблемными областями являются демографическая и миграционная устойчивость, а также готовность к инновационному развитию, что характерно и для других регионов (за исключением столицы). Это указывает на необходимость дифференцированного подхода к формированию государственной политики в области занятости населения, учитывающего специфику развития региональных рынков труда.

¹ Почему уровень трудоустройства безработных в Минске ниже, чем в некоторых регионах страны. URL: <https://minsknews.by/pochemu-uroven-trudoustroystva-bezrabotnyih-v-minske-nizhe-chem-v-nekotoryih-regionah-stranyi/> (дата обращения: 14.09.2025).

Таблица 3. Компоненты оценки эффективности функционирования рынка труда

Субиндекс	Регион	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Город Минск	Минская область	Могилёвская область
Использование трудового потенциала		0,45	0,45	0,40	0,64	0,71	0,64	0,32
Материальное благосостояние и социальная защищенность		0,42	0,50	0,48	0,54	0,63	0,56	0,45
Безопасность труда		0,63	0,73	0,68	0,61	0,77	0,48	0,58
Демографическая и миграционная устойчивость		0,32	0,28	0,36	0,37	0,78	0,52	0,31
Готовность к инновационному развитию		0,19	0,20	0,35	0,28	0,69	0,25	0,22
Сбалансированность		0,45	0,40	0,43	0,56	0,36	0,40	0,37
Качество работы служб занятости		0,64	0,67	0,63	0,71	0,50	0,62	0,71

Минская область занимает второе место по использованию трудового потенциала, материальному благосостоянию и социальной защищенности, а также по демографической и миграционной устойчивости, что может быть обусловлено близостью к столице. Вместе с тем регион занимает последнее место по безопасности труда, на что оказывает влияние высокая концентрация организаций обрабатывающей промышленности, труд в которых является одним из наиболее травмоопасных.

В Витебской области наибольшие успехи были достигнуты в сфере безопасности труда. Самой проблемной сферой относительно других регионов страны является демографическая и миграционная устойчивость, что объясняется оттоком человеческого капитала. Низкий уровень готовности к инновационному развитию усугубляет риски дальнейшего отставания и сужает потенциал для создания высокопроизводительных рабочих мест.

Гомельская область демонстрирует высокие результаты в таких сферах, как безопасность труда и качество работы служб занятости. Вместе с тем регион занимает предпоследнее место по использованию трудового потенциала, что обусловлено высоким уровнем безработицы относительно других регионов на протяжении 2014–2020 гг. Данная ситуация также характерна для Брестской и Могилёвской областей.

Сильными сторонами Брестской области являются безопасность труда и качество работы служб занятости. Вместе с тем регион занимает последнее место по материальному благосостоянию и готовности к инновационному развитию, что создает угрозу его конкурентоспособности.

Могилёвская область показывает одни из самых низких результатов по рассматриваемым показателям, за исключением качества работы служб занятости (первое место наравне с Гродненской областью). Данная картина характеризует

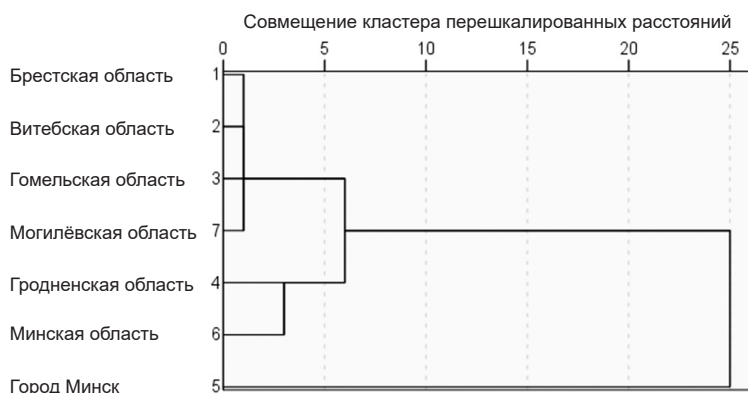

Рис. 3. Дендрограмма с использованием метода межгрупповой связи

рынок труда как наименее эффективный, что в большей степени требует реализации активных мер государственной политики.

Согласно результатам иерархического кластерного анализа, проведенного с использованием различных методов измерения расстояния (меж- и внутригрупповой связи, ближайшего и дальнего соседа, центроидной и медианной кластеризации), нами были получены схожие результаты: регионы Беларуси могут быть распределены по двум кластерам, различающимся по эффективности функционирования рынка труда, что свидетельствует о неравномерности развития. Первая группа («Центр») представлена только столицей страны, во вторую группу («Периферия») вошли все остальные регионы, для которых характерна схожесть показателей рынка труда на фоне отставания от г. Минска (рис. 3).

Обособленное положение г. Минска обусловлено его статусом столицы, который обеспечивает концентрацию человеческого капитала, экономических и технологических ресурсов, что оказывает влияние на показатели рынка труда (например, уровень заработной платы, производительность труда и др.). Представленные нами данные согласовываются с выводами других исследователей: так, А. В. Маркидонова отметила значительные диспропорции между г. Минском и другими регионами по некоторым показателям рынка труда и пришла к выводу о наличии проблемы «поляризации пространственного развития и перехода к модели взаимоотношений “центр – периферия”», что и послужило основой для наименования двух кластеров [3, с. 31].

Эффективно функционирующий рынок труда является одним из факторов экономического роста. Согласно результатам проведенного нами корреляционно-регрессионного анализа, была установлена статистически значимая (на уровне значимости 0,01) связь между индексом эффективности функционирования рынка труда страны и ВВП на душу населения по ППС¹. Коэффици-

¹ Панель макроэкономических показателей. URL: <https://sdgplatform.belstat.gov.by/datasets/17.13.1> (дата обращения: 23.06.2025).

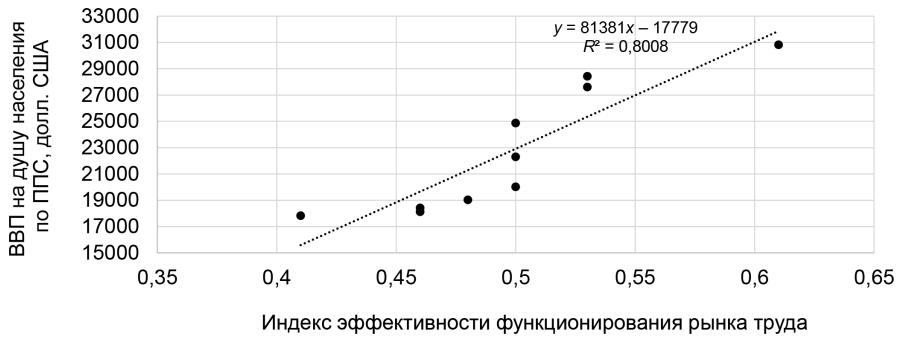

Рис. 4. Диаграмма рассеяния

коэффициент линейной корреляции Пирсона составил 0,895, что свидетельствует о наличии прямой и высокой связи по шкале Чеддока. Соответственно, с вероятностью 99 % при увеличении индекса эффективности функционирования рынка труда на 0,1 может наблюдаться увеличение ВВП на душу населения по ППС на 8138,1 долл. США. Полученная модель объясняет 80,08 % наблюдаемой дисперсии (рис. 4).

Заключение

Используемая методика позволила оценить эффективность функционирования рынка труда Беларуси, а также выявить проблемные зоны функционирования для страны в целом и регионов в частности. Так, рынок труда Беларуси характеризуется преимущественно средней эффективностью функционирования на протяжении 2014–2023 гг. При этом наиболее проблемными областями являются сбалансированность, демографическая и миграционная устойчивость и готовность к инновационному развитию. Согласно результатам кластерного анализа, нами были выделены две группы регионов Беларуси, различающиеся по эффективности функционирования рынка труда – «Центр» (г. Минск) и «Периферия» (остальные регионы) – что свидетельствует о неравномерности развития. В связи с этим необходимо применение дифференцированного подхода при разработке государственной политики, учитывающего региональную специфику.

Данная методика может рассматриваться как один из инструментов оценки состояния рынка труда ввиду нескольких ограничений, обусловленных спецификой источника данных (так, не учитываются данные онлайн-сервисов по поиску работы и сотрудников) и их доступностью. Вместе с тем полученные нами результаты позволяют комплексно оценить ситуацию на рынке труда, что может быть использовано при разработке государственных программ в области занятости населения, а также планов регионального развития. Перспективным направлением дальнейших исследований является анализ факторов, лежащих в основе сложившихся региональных различий на рынке труда.

Список использованных источников

1. Боровик, Л. С. Современные тренды рынка труда Беларуси: проблемы и пути решения / Л. С. Боровик, Н. Н. Привалова // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2024. – № 1 (319). – С. 21–35.
2. Миронова, Т. Н. Проблемы и тенденции развития рынка труда в Республике Беларусь / Т. Н. Миронова, А. А. Закревская // Профессиональное образование. – 2016. – № 4 (26). – С. 3–12.
3. Маркидонова, А. В. Текущее состояние и тенденции развития региональных рынков труда в Республике Беларусь / А. В. Маркидонова // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2022. – № 5 (154). – С. 24–32.
4. Боброва, А. Г. Социально-экономическое развитие территорий с напряженной ситуацией на рынке труда в Республике Беларусь (на примере Минской области) / А. Г. Боброва // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2021. – № 1 (64). – С. 89–95.
5. Пилецкий, К. В. Состояние и перспективы развития рынка труда Беларуси и России / К. В. Пилецкий // Экономика. Бизнес. Финансы. – 2022. – № 5. – С. 22–27.
6. Петрунина, О. Е. Методика оценки эффективности функционирования регионального рынка труда / О. Е. Петрунина // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. – 2010. – № 2 (21). – С. 46–50.
7. Игнашева, Т. А. Оценка эффективности функционирования рынка труда региона / Т. А. Игнашева // Актуальные проблемы экономики современной России : сб. материалов Всерос. (нац.) науч.-практ. конф., Йошкар-Ола, 17 мая 2022 г. – Йошкар-Ола : Марийский гос. ун-т, 2022. – Т. 9. – С. 13–16.
8. Bogoviz, A. V. Quality of working life: scientific concept and measurement methodology / A. V. Bogoviz, S. V. Lobova, A. N. Alekseev // International Journal for Quality Research. – 2022. – № 16 (4). – P. 1097–1106.
9. Woodcock, J. Platform Worker Organising at Deliveroo in the UK: From Wildcat Strikes to Building Power / J. Woodcock, C. Cant // Journal of Labor and Society. – 2022. – Vol. 25, № 2. – P. 220–236.
10. Benhayoun, L. Does higher education properly prepare graduates for the growing artificial intelligence market? Gaps' identification using text mining / L. Benhayounand, D. Lang // Human Systems Management. – 2022. – Vol. 40, № 5. – P. 639–651.
11. Дашкова, Е. С. Региональный рынок труда: методика исследования / Е. С. Дашкова, Н. В. Дорохова // Journal of New Economy. – 2023. – Т. 24, № 3. – С. 119–135.
12. Зенькова, Л. П. Экономические циклы: теоретическое наследие и современные кризисы в Беларуси / Л. П. Зенькова // Белорусский экономический журнал. – 2023. – № 2 (103). – С. 4–17.

Поступила 17.09.2025

ANALYSIS OF THE EFFICIENCY OF FUNCTIONING
OF REGIONAL LABOR MARKETS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

V. Rachkevich

zvonovavika5592@mail.ru
The Institute of Economics of the NASB
Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The paper presents the results of the analysis of the efficiency of the labour market functioning in the Republic of Belarus as a whole and in the regions in particular for 2014–2023 on the following parameters: the use of labour potential; material well-being and social security; labour safety; demographic and migration sustainability; readiness for innovative development; balance; quality of employment services. The labour market of the Republic of Belarus is characterized by predominantly average efficiency of functioning over the period under consideration. According to the results of the cluster analysis, two groups of regions of Belarus were identified that differ in the efficiency of the labor market, which indicates the uneven development of the country's regions.

Keywords: labour market, employment, unemployment, efficiency, labour potential, labour safety.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

<https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-87-95>

УДК 334.012:364

JEL G32, L26, C53, O16, M13

НОВЫЙ МЕТОД ОЦЕНКИ КРЕДИТОСПОСОБНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ НА КРАУДЛЕНДИНГОВОЙ ПЛАТФОРМЕ

А. С. Попкова

LevsAnn@tut.by

кандидат экономических наук, доцент
Институт экономики НАН Беларуси
г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В статье предложен новый подход коллективного инвестирования в проекты социального предпринимательства посредством краудлендинговой цифровой платформы. Для оценки предпринимателей как потенциальных заемщиков рекомендовано использовать метод социального андеррайтинга. Для его реализации была разработана авторская методика расчета количества приглашенных заимодавцев с использованием дифференцированных уровней параметров в зависимости от разных степеней риска. Данная методика может быть использована на этапе частного сбора средств при функционировании платформ долгового краудфандинга. Такой нестандартный метод оценки позволит социальным предпринимателям привлекать займы на выгодных условиях при отсутствии залога, поручительства и кредитной истории.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, социальный андеррайтинг, краудлендинг.

Для цитирования: Попкова, А. С. Новый метод оценки кредитоспособности социальных предпринимателей на краудлендинговой платформе / А. С. Попкова // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / НАН Беларуси, Ин-т экономики. – 2025. – Вып. 11. – С. 87–95. – <https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-87-95>.

Введение

В качестве причин роста востребованности социального предпринимательства в мире можно отметить тенденции нарастания таких глобальных проблем, как усиление геополитической напряженности, углубление социальной дифференциации между разными группами населения, демографический кризис, экологические катастрофы и др. Согласно подготовленному специалистами ООН «Докладу о состоянии мировой социальной ситуации за 2025 год» в мире наблюдается экономическая нестабильность. Вооруженные конфликты стали более распространенными, чем когда-либо за последние 30 лет, затрагивая каждого седьмого человека. Каждый пятый человек в мире подвержен

рisku значительного сокращения благосостояния из-за экстремальных погодных условий. Несмотря на значительные успехи в сокращении бедности, многие люди сегодня существуют на грани нищеты. Более 2,8 млрд человек – более трети населения мира – живут на 2,15–6,85 долл. США в день¹. Социальные предприниматели первыми активно подключаются к оказанию помощи малообеспеченным группам населения и создают новые возможности для реинтеграции социально уязвимых работников на рынок труда. Многие страны создают благоприятную среду для развития общественно полезных предпринимательских инициатив.

Как и любой бизнес, социальные предприятия нуждаются в источниках финансирования, особенно на первоначальном этапе своего становления. Помимо традиционных предпринимательских издержек они вынуждены нести дополнительные расходы на поддержку своей социальной миссии. Это могут быть траты на обучение социально-уязвимых категорий работников, оборудование специализированных рабочих мест для сотрудников с инвалидностью, разработку клиентоориентированного программного обеспечения, строительство пандусов, приобретение специальных автомобилей, привлечение сурдопереводчиков и др. При этом сроки окупаемости проектов могут быть выше ожидаемых ввиду особенностей функционирования субъектов социально ответственного предпринимательства.

В странах, где сформирована благоприятная среда для социального предпринимательства, социальные предприятия получают мощную финансовую поддержку со стороны государства. Это могут быть гранты, субсидии, льготные кредиты. И такие бюджетные расходы окупаются в будущем за счет соответствующего сокращения государственных трансфертов социально-уязвимым категориям населения, увеличения налоговых поступлений от социального бизнеса. Социальный и экономический эффект проявляется также в уменьшении количества безработных, интеграции лиц с инвалидностью на рынок труда, сокращении количества малообеспеченного населения, росте числа предприятий малого и среднего бизнеса и др.

Активно развиваются и внебюджетные источники финансирования социального предпринимательства. Социальным предприятиям оказывают поддержку банки, однако ставки по кредитам для них могут быть слишком высокими, особенно при отсутствии в банковских портфелях специализированных финансовых продуктов. Средства им выделяют и фонды различных типов. Однако такие реципиенты ресурсов фондов должны дорасти до определенной стадии инвестиционной привлекательности и соответствовать жестким критериям отбора. Поэтому социальным предприятиям для реализации своих бизнес-проектов часто приходится рассчитывать на заемные ресурсы заинтересованных сторон. Это могут быть члены семьи, родственники, друзья,

¹ World Social Report 2025 sounds alarm on global social crisis. URL: <https://www.wider.unu.edu/news/world-social-report-2025-sounds-alarm-global-social-crisis> (date of access: 04.07.2025).

знакомые, будущие потребители товаров и услуг, поставщики и др. Широкие возможности для коллективного инвестирования в проекты социально ориентированного бизнеса предоставляют краудфандинговые платформы.

Результаты и их обсуждение

Краудфандинг представляет собой сбор средств от большого числа инвесторов через цифровые платформы. Социальные предприниматели могут привлекать ресурсы посредством краудфандинга на основе пожертвований и вознаграждений (см. предыдущие статьи автора: [1, 2]). Большие перспективы для внедрения имеют краудлендинговые платформы, где социальные предприятия могут привлекать ресурсы на условиях срочности, платности и возвратности. Как правило, им предоставляются льготные варианты финансирования, которые позволяют социальному бизнесу эффективно развиваться.

В последние годы появилось достаточное количество научных работ, посвященных краудлендингу как новой альтернативной форме кредитования предпринимательской деятельности [3–6]. Отмечено даже, что «инвестиционные платформы начинают создавать реальную конкуренцию кредитным организациям» [7, с. 129]. Некоторые исследователи считают, что основная цель краудлендинга «не поддержка проекта, а увеличение собственного капитала инвесторов» [8, с. 7]. В отношении социального краудлендинга это не совсем верно, так как в проектах такого рода достижение социальной ценности превалирует над получением экономического дохода. Заимодавцы на таких платформах финансируют общественно полезные инициативы и не рассчитывают на высокий уровень дохода.

Платформы такого рода могут быть некоммерческими, так как выдают соискателям беспроцентные займы. Один из вариантов функционирования такого сервиса онлайн-заимствований был ранее представлен автором [9]. Процесс привлечения ресурсов на такой платформе состоит из двух этапов. На первоначальном этапе частного сбора средств предприниматель обязан привлечь деньги как можно большего количества заинтересованных сторон. На втором этапе подключается вся общественность с целью финансирования проекта.

Однако при принятии решения об инвестировании заимодавцы должны получить подтверждение кредитоспособности заемщиков. Классические скоринговые модели, применяемые в системе банковского кредитования, опираются преимущественно на экономические показатели и практически не учитывают факторы социального капитала. В данной статье предложен нестандартный метод социального андеррайтинга.

Социальный андеррайтинг представляет собой новый инновационный подход к оценке социальных предприятий как потенциальных заемщиков на краудлендинговых платформах. Его суть заключается в самостоятельном привлечении предпринимателем определенного количества заимодавцев, в качестве

Рис. 1. Алгоритм применения метода социального андеррайтинга

которых обычно выступают родственники, друзья, сотрудники компании, соседи, потенциальные поставщики, клиенты и иные заинтересованные лица. Чем большее количество стейкхолдеров сможет привлечь социальный предприниматель, тем выше вероятность активного общественного сбора средств (рис. 1). Во многом это зависит от харизмы предпринимателя, умения увлечь людей своей идеей.

Метод социального андеррайтинга был успешно апробирован в деятельности некоммерческой международной краудлендинговой платформы Kiva, основанной в 2005 г. с миссией по расширению доступа социально уязвимых категорий населения к финансовому капиталу. Эмпирические данные показали, что такой подход к оценке кредитоспособности заемщиков оказался эффективным и процент невозвращенных займов ничтожно мал. Заемщики, которые привлекли более 20 приглашенных заимодавцев, имели показатель погашения займа 98 %¹. Сегодня площадка уже насчитывает аудиторию в 2,2 млн инвесторов из 81 страны и профинансировала проекты 5 млн заемщиков во всему миру на сумму более 2 млрд долл. США (рис. 2).

Успешный этап частного сбора средств определяется социальным капиталом предпринимателя, накопленным благодаря устойчивым социальным связям, хорошей деловой репутации, участию в сообществах. Эта нематериальная сеть отношений и норм помогает ему достичь поставленных бизнес-целей

¹ The Power of Social Underwriting: Kiva Zip, on why it pays for lenders to tap the wisdom of the crowd. URL: <https://nextbillion.net/the-power-of-social-underwriting> (date of access: 01.08.2025).

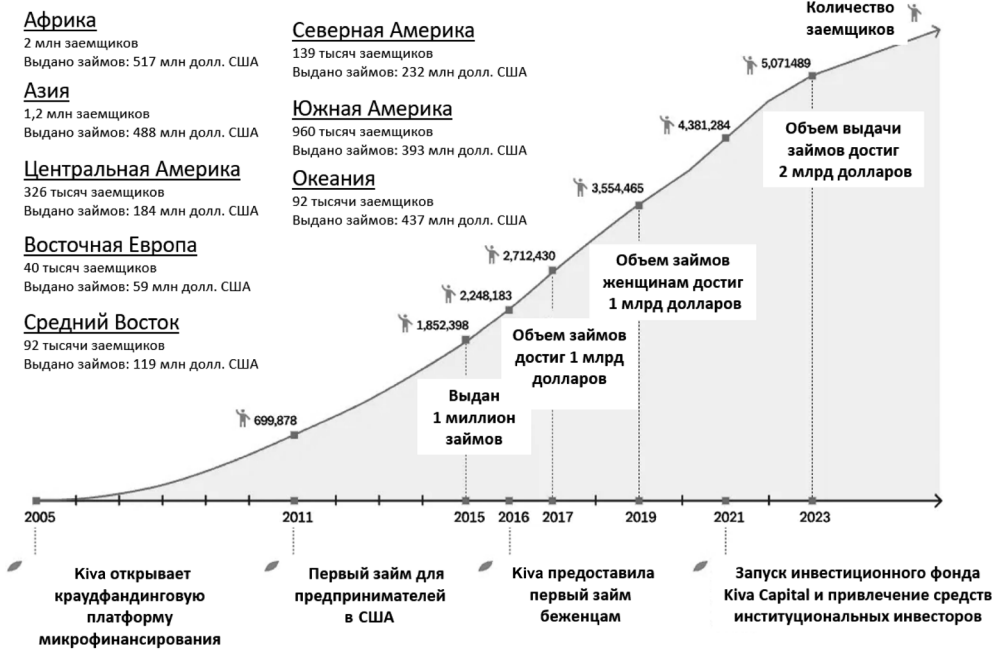

Рис. 2. Данные о деятельности международной краудлендинговой платформы Kiva.

Примечание. Рисунок создан на основе ¹

и привлечь финансовый капитал. Ключевым аспектом для перехода ко второй части общественного сбора средств является достаточность приглашенных заимодавцев. Знаковым показателем выступает не столько объем привлеченного капитала, сколько число вовлеченных инвесторов.

Для реализации данного метода в условиях Республики Беларусь была разработана авторская методика расчета количества приглашенных заимодавцев, необходимых для подтверждения жизнеспособности проекта и запуска массового финансирования. Теоретической базой метода является положение о целесообразности замещения финансовых метрик оценки кредитоспособности социальных предпринимателей на социальный капитал. Готовность заинтересованных сторон к вложению денег в общественно полезную инициативу становится индикатором будущего успеха проекта. Такой подход позволяет решить проблему отсутствия залога, поручительства или кредитной истории у потенциальных заемщиков.

Для расчета количества приглашенных заимодавцев предлагается применять понижающие и повышающие коэффициенты в зависимости от степени дифференциации различных параметров (табл. 1). Рекомендуются использовать следующие коэффициенты: для первого уровня (0,5–0,9), для второго уровня (1,0–1,1), для третьего уровня (1,2–3,0).

¹ Kiva : [website]. URL: <https://www.kiva.org/impact> (date of access: 04.08.2025).

Таблица 1. Дифференцированные уровни параметров для расчета количества заимодавцев

Параметр(ы)	Первый уровень	Второй уровень	Третий уровень
Факторы риска (выборочно)	Низкий (R_1): <ul style="list-style-type: none"> ● получает стабильный доход; ● активное присутствие в Интернете; ● функционирует на рынке более 3 лет; ● имеет значимое количество сторонников в социальных сетях; ● высокое качество оформления заявки с продуманной личной историей и описанием бизнеса; ● имеет положительную кредитную историю и др. 	Средний (R_2): <ul style="list-style-type: none"> ● получает периодический доход; ● имеет сайт в Интернете; ● работает на рынке 1–3 года; ● имеет сформированную клиентскую базу и положительные отзывы; ● качественный кредитный профиль; ● наличие внешних рекомендаций и др. 	Высокий (R_3): <ul style="list-style-type: none"> ● стартап до 1 года; ● ограниченное количество сторонников в социальных сетях; или их отсутствие; ● не имеет дохода или работает на условиях самокупаемости; ● небольшое количество отзывов о работе компании или их отсутствие; ● нет опыта получения займов и др.
Период погашения займа	Более 2 лет (P_1)	Более 1 года до 2 лет (P_2)	От 6 месяцев до 1 года (P_3)
Сумма займа, бел. руб.	До 10 000 (S_1)	От 10 001 до 20 000 (S_2)	Свыше 20 001 (S_3)
Региональное местонахождение проекта	Остальные населенные пункты (L_1)	Крупные города (L_2)	Город Минск (L_3)
Размер предпринимательской деятельности	Индивидуальная предпринимательская деятельность (F_1)	Малые предприятия (F_2)	Средние предприятия (F_3)
Спрос на заемные ресурсы*	Низкий (D_1)	Средний (D_2)	Высокий (D_3)

* Дополнительный параметр, который выполняет регулирующую функцию по мере развития платформы.

Требуемое количество заимодавцев

$$K_3 = B_k R_i P_i L_i S_i F_i D_i,$$

где B_k – базовая ставка¹; R_i – коэффициент уровня риска; P_i – коэффициент периода погашения займа; L_i – коэффициент местонахождения проекта; S_i – коэффициент суммы займа; F_i – коэффициент размера предпринимательской деятельности; D_i – коэффициент спроса на заемные ресурсы.

Поскольку в качестве социальных предприятий часто выступают небольшие фирмы, обычно для поддержки проекта в период частного сбора средств привлекается до 30 заимодавцев.

¹ Базовое количество заимодавцев, которое устанавливается экспертами для группы однотипных социальных проектов. Зависит от вида предпринимательской деятельности. Варьируется в диапазоне от 5 до 30 человек.

Применение метода социального андеррайтинга для краудлендинговой платформы абсолютно логично. В отличие от краудфандинга на основе пожертвований и на основе вознаграждений средства на таких онлайн-сервисах выдаются на условиях возвратности, а на коммерческих платформах – и платности. Для выполнения данных условий важно оценить потенциальный спрос (а значит, и возможный последующий объем продаж) на заявленные товары и услуги, который зависит от количества заинтересованных лиц, готовых поддержать проект.

Например, социальному предприятию «Вкусная и здоровая выпечка», которое привлекает для работы людей с инвалидностью, понадобились средства для приобретения оборудования и инвентаря с целью увеличения объема продаж мини-пекарни (табл. 2). Предполагалось расширение ассортимента предлагаемой продукции: хлеба и багетов, печенья, маффинов, кексов, тортов из ржаной, кукурузной, овсяной, льняной, рисовой муки и др.

Таблица 2. Требуемое оборудование для социального предприятия «Вкусная и здоровая выпечка»

№ п/п	Наименование оборудования	Цена с НДС, бел. руб.
1	Хлебопекарная печь	18 835,40
2	Тестомесильный аппарат	1278,30
3	Мукопросеиватель	813,20
4	Шкаф для расстойки теста	1071,70
5	Машина тестораскаточная	905,20
6	Стеллажи	626,50
7	Разделочный стол	769,45
8	Тележка для готовой выпечки	462,70
9	Холодильник	1322,20
<i>Итого</i>		26 084,65

Предприятие работает на рынке 3 года, имеет сайт в Интернете и постоянных клиентов, положительные отзывы о продукции. Главный кондитер предприятия постоянно участвует в кулинарных конкурсах, имеет сертификаты участника и награды. Согласно рассчитанному бизнес-плану, займ предполагается взять на 2 года. Таким образом, требуемое количество привлекаемых заимодавцев составит:

$$K_3 = 10 \cdot 1 \cdot 0,9 \cdot 1,5 \cdot 1 \cdot 1,8 \cdot 1 = 24 \text{ (человека).}$$

После выполнения условия по привлечению необходимого количества сторонников проект переходит в публичную стадию: его профиль становится доступным для всех импакт-инвесторов. Это инициирует этап финансирования оставшейся суммы займа. Принцип гибкого финансового таргетирования означает возможность получения предпринимателем любой собранной суммы

вне зависимости от достижения первоначальной цели. Возвращенные микрозаймы формируют фонд для инвестирования в следующие социальные инициативы, что запускает циклический механизм поддержки таких проектов.

Выводы

1. В последние годы краудлендинг стал мощным инструментом трансформации сбережений населения в инвестиции для развития социально ответственного бизнеса. Платформы долгового краудфандинга предоставляют удобный цифровой доступ для участников сделок, региональную диверсификацию инвесторов и предпринимательских проектов, инклюзивное финансирование, выгодные условия договора. Мотивация импакт-инвесторов обусловлена потребностью в финансировании общественно полезных проектов, оказании положительного социального воздействия, достижении целей устойчивого развития. Некоммерческие платформы предоставляют беспроцентные или льготные займы, что создает благоприятную бизнес-среду для реализации проектов социального предпринимательства.

2. Краудлендинговые платформы предоставляют социальным предпринимателям уникальные преимущества, которые позволяют сочетать финансовую поддержку с возможностью продвижения важной общественной миссии. Социальные предприятия часто не соответствуют строгим критериям банков для получения кредитов, а краудлендинг позволяет привлекать ресурсы без залога, поручителей или кредитной истории. Размещение проекта на платформе повышает узнаваемость бренда, привлекает лояльных клиентов и партнеров, разделяющих ценности проекта. Предприниматели могут обосновать социальный эффект посредством отчетов о социальном воздействии, что усиливает доверие и мотивацию заимодавцев. Доступ к сообществу розничных и институциональных инвесторов снижает зависимость от одного заимодавца и позволяет диверсифицировать риски.

3. Социальный андеррайтинг представляет собой инновационный метод оценки кредитоспособности социальных предпринимателей на краудлендинговых платформах. Для его практической реализации была разработана авторская методика расчета количества приглашенных заимодавцев с учетом дифференцированных уровней риска проектов. Ключевыми факторами, определяющими успех коллективного инвестирования, выступают социальный капитал инициатора проекта и его личностные характеристики, в числе которых можно отметить способность к мотивационному воздействию на людей, формированию сети сторонников и аргументированному продвижению общественно полезной миссии среди целевой аудитории.

Список использованных источников

1. Попкова, А. С. Краудфандинговые платформы как эффективный механизм привлечения ресурсов для проектов социального предпринимательства / А. С. Попкова // Банковский вестник. – 2024. – № 7. – С. 20–30.

2. Попкова, А. С. Платформа «съедобных кредитов» как инструмент поддержки социального предпринимательства / А. С. Попкова // *Финансы. Учет. Аудит.* – 2024. – № 6. – С. 38–41.
3. Институционализация и конкуренция в сфере коммерческого кредита в цифровой экономике / под общ. ред. И. Е. Покаместова. – М. : Экон-Информ, 2020. – 212 с.
4. Хоменко, Т. И. Инновационные инструменты привлечения инвестиций в условиях развития цифровой экономики / Т. И. Хоменко // *Бизнес. Инновации. Экономика* : сб. науч. ст. / Ин-т бизнеса Бел. гос. ун-та. – 2021. – Вып. 5. – С. 242–249.
5. Лихтер А. В. Краудфандинг как механизм кредитования предпринимательской детальности в цифровой экономике / А. В. Лихтер, Е. В. Нуриева // *Управленческий учет.* – 2022. – № 11. – С. 913–919.
6. Сидоренко, Е. А. Развитие финансирования малого и среднего бизнеса в России через инвестиционные платформы / Е. А. Сидоренко // *Вестник Тульского филиала Финансового университета.* – 2022. – № 1. – С. 176–178.
7. Крапивенцев, И. А. Краудлендинг как инновационный инструмент финансирования инвестиционных проектов субъектов МСП: анализ возможностей и перспективы развития / И. А. Крапивенцев // *Современная экономика: проблемы и решения.* – 2024. – № 1. – С. 114–134.
8. Сальникова, К. В. Аналитический обзор состояния рынка краудфандинга и краудлендинга в России / К. В. Сальникова // *Вестник Евразийской науки.* – 2021. – Т. 13, № 2. – С. 1–14.
9. Попкова, А. С. Новый механизм функционирования краудлендинговой платформы для реализации проектов социального предпринимательства / А. С. Попкова // *Банковский вестник.* – 2024. – № 9. – С. 20–30.

Поступила 26.08.2025

A NEW METHOD FOR ASSESSING
THE CREDITWORTHINESS OF SOCIAL ENTREPRENEURS
ON A CROWDLANDING PLATFORM

A. Popkova

LevsAnn@tut.by

Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor

The Institute of Economics of the NASB

Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article proposes a new approach to collective investment in social entrepreneurship projects through a crowd-lending digital platform. The method of social underwriting is recommended for assessing entrepreneurs as potential borrowers. To implement it the authors have developed a proprietary methodology for calculating the number of invited lenders, which utilizes differentiated parameter levels based on various risk degrees. This methodology can be used at the private fundraising stage of debt crowdfunding platforms. Such a non-standard assessment method will allow social entrepreneurs to attract loans on favorable terms in the absence of collateral, guarantees, and a credit history.

Keywords: social entrepreneurship, social underwriting, crowdlending.

<https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-96-113>

УДК 338.312+330.46

JEL D21, M10

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОМ

Ю. А. Заболотный

yzabolotny@yandex.by

ОАО «МНИПИ»

г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В статье представлена формализованная методика оценки организационной эффективности управления бизнес-процессом промышленного предприятия, основанная на параметрической модели, включающей 40 показателей по восьми управленческим параметрам. Предложен механизм расчета интегрального уровня управляемости процесса с последующим представлением результата в балльной и процентной форме, что обеспечивает возможность сравнительного анализа, выявления управленческих резервов и применения результатов в системной оценке бизнес-процессов предприятия.

Методика адаптирована к условиям высокой формализации процессов и интегрирует как данные нормативной документации, так и информацию, полученную с помощью анкетирования исполнителей. В работе обоснованы направления дальнейшего развития модели, включая масштабирование на непроизводственные процессы и интеграцию с цифровыми системами управления.

Ключевые слова: управление бизнес-процессом, организационная эффективность, параметрическая модель, количественная оценка, реинжиниринг процессов, методика оценки, многокритериальный анализ, стандартизация процессов.

Для цитирования: Заболотный, Ю. А. Оценка эффективности управления бизнес-процессом / Ю. А. Заболотный // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / НАН Беларуси, Ин-т экономики. – 2025. – Вып. 11. – С. 96–113. – <https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-96-113>.

Введение

Эффективность бизнес-процессов является одним из ключевых факторов устойчивого развития промышленных предприятий в условиях ускоренной цифровизации и растущей конкуренции. В последние годы исследователи уделяют все больше внимания вопросам оптимизации бизнес-процессов как инструменту повышения эффективности деятельности предприятий. При этом в русскоязычных источниках акцент делается на совершенствование имеющихся методик [1, 2] и разработке новых индикативных показателей эффективности для конкретных типов бизнес-процессов [3], а в англоязычных журналах внимание также уделяется использованию автоматизированных алгоритмов process mining [4, 5] и проблемам оценки эффективности бизнес-процессов при внедрении в них систем искусственного интеллекта [6, 7].

Проведенный ранее автором анализ популярных подходов и методов анализа бизнес-процессов [8] продемонстрировал сложность проведения качест-

венной оценки эффективности бизнес-процесса вследствие необходимости значительных временных затрат и высоких требований к квалификации аналитика на проведение количественного анализа, при этом основанные на субъективных оценках методы не предоставляют точных данных об эффективности процесса и имеют высокую степень зависимости результата от квалификации проводящего оценку эксперта. Также необходимо отметить, что существующие методики анализа бизнес-процессов основываются на анализе хода и результатов бизнес-процесса, не затрагивая анализ качества управления этим бизнес-процессом, что потенциально также содержит потенциал для улучшения.

Цель работы – предложить структурированную методику оценки эффективности управления бизнес-процессом, основанную на системе числовых параметров и показателей, обеспечивающую надежную основу для анализа, сравнения и принятия управленческих решений. Методика предполагает простоту применения в условиях предприятий различных отраслей, что расширяет ее потенциал к масштабированию и внедрению.

Настоящее исследование логически продолжает ранее опубликованные работы автора [8, 9], в которых обоснована необходимость комплексной оценки бизнес-процессов и выявления резервов их совершенствования. Предлагаемая методика призвана восполнить выявленные недостатки существующих подходов, обеспечить инструментальную поддержку специалистам по управлению изменениями и внести вклад в развитие научной школы бизнес-моделирования, стратегического планирования и управления эффективностью процессов.

Результаты и их обсуждение

Теоретико-методологическая база исследования. В рамках данного исследования подвергается анализу организационная эффективность управления бизнес-процессом [10] промышленного предприятия.

Объект исследования – *управление отдельным бизнес-процессом* промышленного предприятия.

Предмет исследования – *организационная эффективность управления бизнес-процессом*, выраженная системой количественных и качественных индикаторов, с целью выявления резервов повышения эффективности управления.

В настоящем исследовании применен комплекс научных методов, обеспечивающих формализацию, систематизацию и количественную оценку организационной эффективности управления бизнес-процессом промышленного предприятия. Теоретическое обоснование построено на базе общелогических приемов – анализа, синтеза, индукции, дедукции, сравнения и обобщения, позволивших разработать структурную модель оценки исходя из концептуальных положений процессного управления. Для анализа уровня формализации целей, технологий, системы контроля и организационных механизмов использован контент-анализ внутренней документации предприятия, что обеспечило

эмпирическую обоснованность используемых параметров. Сбор и агрегирование субъективных оценок осуществлены посредством анкетирования участников процесса и последующей статистической обработки данных с нормализацией методом максимальных и минимальных значений (Min-Max Normalization), что позволило получить объективные показатели уровня знаний, мотивационных противоречий и конфликтности. В качестве инструмента интеграции расчетных индикаторов применен композиционный метод, обеспечивающий построение итогового индекса эффективности управления бизнес-процессом, выраженного в балльной и процентной формах. Такое сочетание методов обеспечивает воспроизводимость модели, ее адаптацию к различным отраслевым условиям и применимость в целях управленческого анализа и принятия решений.

Научная новизна работы заключается в разработке и внедрении структурированной параметрической модели оценки организационной эффективности управления отдельным бизнес-процессом, адаптированной для применения на уровне операционного менеджмента промышленного предприятия. В отличие от существующих методик (OEE, Lean/Six Sigma, TDABC и др.), ограниченных небольшим числом (2–5) преимущественно операционных показателей, предлагаемая модель обладает такими отличительными особенностями, как:

- многопараметричность и расширенный состав показателей: включает 40 индикаторов, сгруппированных по восьми параметрам (цели и показатели, результаты процесса, технология, персонал, материально-техническое обеспечение, система контроля, связи с другими процессами, IT-инфраструктура), что обеспечивает как количественное расширение набора метрик, так и качественное его обновление за счет учета организационно-управленческих факторов, обычно не отраженных в традиционных параметрических подходах;

- интегральная форма представления результатов: обеспечивает расчет единого показателя эффективности управления бизнес-процессом в процентном выражении, пригодного для сравнения, ранжирования и выявления резервов развития;

- оценка зрелости и качества управления: позволяет зафиксировать уровень формализации и исполнения стандартов процессов, обеспечивая целостную диагностику качества управленческих решений и определение степени процессной зрелости;

- универсальность и воспроизводимость: может быть реплицирована для оценки любой совокупности бизнес-процессов, выступая основой для расчета комплексной метрики в более масштабных системных исследованиях.

Гипотеза исследования состоит в том, что *эффективность управления бизнес-процессом может быть количественно оценена с использованием параметрической модели, построенной на основе формализованных организационных характеристик процесса, и что результаты этой оценки позволяют*

выявить конкретные управленческие резервы повышения эффективности как самого процесса, так и системы процессов, в которую он интегрирован.

Эта гипотеза подразумевает, что улучшение управляемости процесса – через документирование, стандартизацию, контроль и обучение – ведет к повышению его продуктивности и результативности даже без существенных материальных инвестиций.

Необходимо отметить, что исследование выполнено в рамках работы по развитию российско-белорусской научной школы бизнес-моделирования, стратегического планирования и стратегического менеджмента, которая ведется в Евразийской Школе Менеджмента и Администрирования (Бизнес-школа EMAS).

В рамках данного исследования используются приведенные ниже определения:

Бизнес-процесс – связанный набор повторяемых действий (функций), которые преобразуют исходный материал и (или) информацию в конечный продукт (услугу) в соответствии с предварительно установленными правилами [11].

Владелец процесса – определенное в установленном на предприятии порядке должностное лицо, ответственное за успешное проектирование, разработку, исполнение и долгосрочную эффективность своего процесса [12].

Исполнитель – работник или система, непосредственно выполняющие конкретные задачи или виды деятельности в рамках бизнес-процесса¹.

Участник процесса – любой человек или система, вовлеченная в выполнение процесса, включая исполнителей, владельцев и другие роли, оказывающие влияние на процесс [12].

Потребитель результата процесса – заинтересованное лицо, которое использует или потребляет продукт, услугу или информацию, созданную процессом [11].

Параметры и показатели оценки эффективности процесса. В результате проведения исследования нами разработаны и предлагаются к использованию следующие параметры и показатели оценки эффективности бизнес-процессов, оцениваемые по пятибалльной шкале (от 1 до 5), при этом в целях обеспечения сопоставимости данных значения показателей, полученные в результате экспертной оценки, приводятся сопоставимым значениям методом нормализации с использованием максимальных и минимальных значений (Min-Max Normalization):

$$x' = \frac{x - \min(x)}{\max(x) - \min(x)}, \quad (1)$$

где x' – нормализованное значение; x – исходное значение; $\min(x)$ и $\max(x)$ – минимальное и максимальное значения в наборе данных соответственно.

¹ Van der Aalst, W. Business process management: A comprehensive survey / W. van der Aalst // ISRN Software Engineering. 2013. Article ID 507984. URL: https://www.academia.edu/89997231/Fundamentals_of_Business_Process_Management (date of access: 15.08.2025).

В случае отсутствия на предприятии любой документации по процессу и назначенного владельца процесса выставляется 0 (ноль).

1. Параметр «Цели и показатели».

1.1. Показатель «Уровень формализации целей процесса»:

- 1 – владелец процесса не может сформулировать цели процесса;
- 2 – владелец процесса может частично сформулировать цели процесса;
- 3 – владелец процесса может сформулировать цели процесса, но они документально не зафиксированы;
- 4 – владелец процесса может сформулировать цели процесса, часть целей процесса документально не зафиксирована;
- 5 – в стандарте процесса явным, не допускающим двойного толкования образом описаны конкретные цели процесса.

1.2. Показатель «Уровень формализации целевой длительности процесса»:

- 1 – показатели длительности процесса не определены;
- 2 – владелец процесса самостоятельно контролирует некоторые показатели длительности процесса;
- 3 – некоторые показатели длительности процесса фиксируются в виде регулярной отчетности;
- 4 – существует документ (документы), фиксирующий целевые значения некоторых показателей длительности процесса;
- 5 – в стандарте процесса указаны все показатели длительности процесса с конкретными числовыми значениями.

1.3. Показатель «Уровень формализации целевых стоимостных показателей процесса»:

- 1 – стоимостные показатели процесса не определены;
- 2 – владелец процесса самостоятельно контролирует некоторые стоимостные показатели процесса;
- 3 – некоторые стоимостные показатели процесса фиксируются в виде регулярной отчетности;
- 4 – существует документ (документы), фиксирующий целевые значения некоторых стоимостных показателей процесса;
- 5 – в стандарте процесса указаны все целевые стоимостные показатели процесса с конкретными числовыми значениями.

1.4. Показатель «Уровень знания исполнителями целей и показателей процесса»

$$H_{ц} = \frac{I_{ц}}{I_{о}}, \quad (2)$$

где $I_{ц}$ – количество исполнителей, назвавших все цели и показатели процесса; $I_{о}$ – общее количество опрошенных исполнителей.

1.5. Показатель «Уровень мотивационных противоречий (цели требуют одно, уровень оплаты исполнителей фактически зависит от выполнения других показателей)»:

1 – система мотивации участников процесса противоречит целям и (или) показателям процесса;

2 – система мотивации участников процесса не имеет отношения к целям и (или) показателям процесса;

3 – система мотивации участников процесса включает некоторые цели и показатели процесса;

4 – система мотивации участников процесса выстроена с учетом целей и показателей процесса, указанных в стандарте процесса;

5 – система мотивации участников процесса выстроена на основании целей и показателей процесса, указанных в стандарте процесса.

2. Параметр «Результат процесса».

2.1. Уровень удовлетворенности полученным результатом потребителя результата процесса

$$Y_n = \frac{P_n}{\Pi_o}, \quad (3)$$

где P_n – количество рекламаций от потребителя результата процесса; Π_o – общее количество завершенных итераций процесса.

2.2. Соответствие результата процесса установленным целям

$$C_p = \frac{\Pi_n}{\Pi_o}, \quad (4)$$

где Π_n – количество планомерно завершенных итераций процесса с достижением целей процесса.

2.3. Достижение установленных стоимостных показателей эффективности процесса

$$C_n = \frac{\Pi_n}{\Pi_o}, \quad (5)$$

где Π_n – количество итераций процесса с достигнутыми целевыми показателями.

2.4. Соответствие фактической длительности процесса целевому показателю

$$C_d = \frac{\Pi_d}{\Pi_o}, \quad (6)$$

где Π_d – количество завершенных итераций процесса с плановой длительностью процесса.

2.5. Уровень достижения результата процесса

$$D_p = \frac{\Pi_n}{\Pi_o}, \quad (7)$$

где Π_n – общее число инициированных итераций процесса.

3. Параметр «Технология».

3.1. Уровень формализации технологии выполнения процесса:

1 – выполнение процесса не регламентировано, порядок выполнения оставлен на усмотрение исполнителей;

2 – существует исторически сложившаяся, но не задокументированная последовательность операций по выполнению процесса;

3 – порядок выполнения процесса описан в виде текстового документа;

4 – существует графическая блок-схема процесса, отображающая порядок выполнения операций;

5 – технология является частью стандарта и включает в себя блок-схему процесса и набор пояснительных таблиц.

3.2. Уровень знания исполнителями технологии процесса

$$H_T = \frac{I_T}{I_0}, \quad (8)$$

где I_T – количество ознакомленных с технологией процесса исполнителей в процессе.

3.3. Уровень понятности описания технологии для исполнителей

$$H_T = \frac{I_{пт}}{I_0}, \quad (9)$$

где $I_{пт}$ – количество ознакомленных с технологией процесса исполнителей в процессе.

3.4. Уровень фактического исполнения технологии процесса

$$H_{ст} = \frac{I_{ст}}{I_0}, \quad (10)$$

где $I_{ст}$ – количество исполнителей в процессе, точно следующих технологии.

3.5. Уровень эффективности технологии процесса

$$\Theta_T = \frac{\Pi_{шт}}{\Pi_и}, \quad (11)$$

где $\Pi_{шт}$ – количество планомерно завершенных итераций процесса с достигнутыми целями и показателями.

4. Параметр «Персонал».

4.1. Уровень формализации ответственности участников процесса:

1 – ответственность участников процесса не определена;

2 – у владельца процесса есть понимание собственной ответственности за результат процесса;

3 – владельцем процесса определена, но не задокументирована ответственность участников процесса за выполнение ключевых задач в рамках процесса;

4 – существует документ, в котором определена ответственность участников процесса за выполнение ключевых задач в рамках процесса;

5 – стандарт процесса содержит описание ответственности каждого из участников процесса за выполняемые в рамках процесса задачи.

4.2. Уровень распределения задач:

1 – исполнители в рамках процесса выбираются случайным образом;

2 – задачи назначаются исполнителям распоряжением вышестоящего руководителя;

3 – существует недокументированная договоренность между участниками процесса о том, исполнитель из какого структурного подразделения выполняет определенные типы задач;

4 – существует документ, определяющий исполнителей для ключевых задач процесса;

5 – в стандарте процесса для каждой выполняемой задачи однозначным образом определен исполнитель.

4.3. Уровень организации подготовки исполнителей:

1 – требования к квалификации исполнителей не определены, обучение не проводится;

2 – требования к квалификации исполнителей не определены, обучение не проводится, но ведется работа по определению требований к квалификации и плана обучения;

3 – требования к квалификации исполнителей определены, обучение не проводится;

4 – требования к квалификации исполнителей определены и задокументированы, обучение не проводится, но имеются подробные инструкции по выполнению задач;

5 – стандарт процесса описывает требования к квалификации исполнителей, исполнители проходят обязательное обучение перед допуском к работе в рамках процесса.

4.4. Уровень конфликтности внутри процесса

$$УК_{вн} = \frac{К_{вн}}{П_n}, \quad (12)$$

где $К_{вн}$ – количество зафиксированных конфликтов внутри процесса.

4.5. Уровень достаточности персонала:

1 – имеется серьезный дефицит персонала, даже с учетом сверхурочной работы процесс не может быть завершен;

2 – имеется дефицит персонала, даже с учетом сверхурочной работы процесс периодически не может быть завершен;

3 – персонала недостаточно, выполняются только критичные задачи, без которых процесс не может быть завершен; процесс завершается штатно;

4 – персонала недостаточно, но с учетом сверхурочной работы процесс исполняется штатно;

5 – персонала достаточно для выполнения задач процесса в стандартном режиме без переработок.

5. Параметр «Материально-техническое обеспечение».

5.1. Уровень качества поставляемых товарно-материальных ценностей

$$M_k = \frac{T_k}{T_o}, \quad (13)$$

где T_k – количество поставленных ТМЦ надлежащего качества без рекламаций;
 T_o – общее количество поставленных ТМЦ.

5.2. Своевременность поставки товарно-материальных ценностей (ТМЦ)

$$M_c = \frac{T_c}{T_o}, \quad (14)$$

где T_c – количество своевременно поставленных ТМЦ.

5.3. Оптимальность формата поставки товарно-материальных ценностей

$$M_\phi = \frac{T_\phi}{T_o}, \quad (15)$$

где T_ϕ – количество поставленных в оптимальном формате ТМЦ.

5.4. Соответствие поставляемых товарно-материальных ценностей предъявляемым технологией процесса требованиям

$$M_t = \frac{T_t}{T_o}, \quad (16)$$

где T_t – количество поставленных ТМЦ, соответствующих требованиям технологии процесса.

5.5. Соответствие стоимости поставляемых товарно-материальных ценностей установленным показателям

$$M_{ct} = \frac{T_{ct}}{T_o}, \quad (17)$$

где T_{ct} – количество поставленных ТМЦ, не превышающих нормативной стоимости.

6. Параметр «Система контроля».

6.1. Уровень формализации контрольных точек процесса:

1 – контроль процесса не производится, точки контроля неизвестны;

2 – контроль процесса не производится, но известны точки процесса, в которых может проводиться контроль;

3 – производится эпизодический недокументированный контроль процесса в определенных точках;

4 – заполняются и анализируются формы отчетности, фиксирующие промежуточные состояния процесса в определенных точках;

5 – стандарт процесса содержит прямое указание на подлежащие контролю контрольные точки и их целевые значения.

6.2. Уровень формализации процедуры контроля соответствия полученного результата в контрольных точках:

1 – промежуточный контроль полученного результата процесса не производится, процедура контроля не разрабатывалась;

2 – промежуточный контроль полученного результата процесса не производится, процедура контроля в процессе разработки;

3 – существует документ, описывающий контрольные точки и целевые значения в данных контрольных точках;

4 – разработан и используется чек-лист контроля результата в контрольных точках;

5 – стандарт процесса содержит описание процесса контроля полученного в контрольных точках результата.

6.3. Уровень формализации процедуры контроля выполнения показателей в контрольных точках:

1 – промежуточный контроль выполнения показателей процесса не производится, процедура контроля не разрабатывается;

2 – промежуточный контроль выполнения показателей процесса не производится, процедура контроля в процессе разработки;

3 – существует документ, описывающий контрольные точки и целевые значения в данных контрольных точках;

4 – разработан и используется чек-лист контроля выполнения показателей в контрольных точках;

5 – стандарт процесса содержит описание процесса контроля показателей процесса в контрольных точках.

6.4. Уровень организации контроля соответствия полученного в контрольных точках результата заданным значениям в соответствии с установленной процедурой:

1 – контроль процесса предполагается, но не производится;

2 – контроль производится эпизодически с нарушением установленной процедуры контроля;

3 – контроль производится эпизодически в соответствии с установленной процедурой контроля;

4 – контроль производится с произвольной периодичностью в соответствии с установленной процедурой контроля;

5 – существует план контроля соответствия полученного в контрольных точках результата заданным значениям, контроль производится в соответствии с планом и установленной процедурой.

6.5. Уровень прогнозируемости достижения целей и выполнения показателей на раннем этапе (до 50 % реализации процесса):

1 – до завершения процесса невозможно оценить прогноз достижения целей и выполнения показателей процесса;

2 – можно оценить прогноз достижения целей или выполнения показателей после 75 % реализации процесса;

3 – можно оценить прогноз достижения целей и выполнения показателей после 75 % реализации процесса;

4 – можно оценить прогноз достижения целей или выполнения показателей до 50 % реализации процесса;

5 – можно оценить прогноз достижения целей и выполнения показателей до 50 % реализации процесса.

7. Параметр «Связи с другими процессами».

7.1. Уровень формализации предшествующих и последующих процессов:

1 – владелец процесса не идентифицирует ни предшествующие, ни последующие процессы;

2 – владелец процесса частично идентифицирует предшествующие и последующие процессы;

3 – владелец процесса идентифицирует предшествующие и последующие процессы, документирование отсутствует;

4 – существует документ, определяющий непосредственно предшествующие и последующие по отношению к данному процессу;

5 – существует документ, определяющий взаимодействие процессов предприятия, в том числе все предшествующие и последующие процессы.

7.2. Уровень формализации входов и выходов процесса (информационных и материальных):

1 – у владельца процесса отсутствует понимание информационных и материальных входов и выходов процесса;

2 – у владельца процесса есть понимание информационных или материальных входов и выходов процесса;

3 – у владельца процесса есть понимание информационных и материальных входов и выходов процесса, документирование отсутствует;

4 – существует документ, описывающий информационные или материальные входы и выходы процесса;

5 – стандарт процесса содержит исчерпывающий перечень материальных и информационных входов и выходов процесса.

7.3. Уровень конфликтности на входе процесса

$$УК_{\text{вх}} = \frac{K_{\text{вх}}}{\Pi_{\text{и}}}, \quad (18)$$

где $K_{\text{вх}}$ – количество конфликтов на входе процесса.

7.4. Уровень конфликтности на выходе процесса

$$УК_{\text{вых}} = \frac{K_{\text{вых}}}{\Pi_{\text{и}}}, \quad (19)$$

где $K_{\text{вых}}$ – количество конфликтов на выходе процесса.

7.5. Уровень ресурсной конфликтности с другими процессами:

1 – каждый конкретный случай ресурсного конфликта рассматривается индивидуально, ресурсы распределяются по «праву сильного»;

2 – каждый конкретный случай ресурсного конфликта рассматривается индивидуально, ресурсы распределяются решением вышестоящего руководителя;

3 – существуют правила распределения ресурсов для некоторых ситуаций конфликта ресурсов, в остальных случаях ресурсы распределяются решением вышестоящего руководителя;

4 – существуют недокументированные договоренности владельцев процессов о правилах распределения ресурсов при возникновении конфликта ресурсов;

5 – существует и исполняется документ, регламентирующий распределение ресурсов между процессами при возникновении конфликта ресурсов.

8. Параметр «IT-инфраструктура».

В случае если при выполнении задач бизнес-процесса не используется компьютерная техника, оценка по данному параметру не производится.

8.1. Уровень соответствия компьютерной техники и каналов связи задачам процесса:

1 – отсутствуют необходимая для выполнения задач процесса компьютерная техника или каналы связи (компьютеры, принтеры, интернет, доступ к необходимым базам данных), вследствие чего выполнение задач процесса невозможно;

2 – имеющаяся компьютерная техника и (или) каналы связи имеют низкое быстродействие, вследствие чего более 50 % рабочего времени тратится на ожидание результата произведенных операций;

3 – отсутствуют часть необходимой для выполнения задач процесса компьютерной техники или каналы связи (компьютеры, принтеры, интернет, доступ к необходимым базам данных), вследствие чего выполнение задач процесса затруднено и возможно только при задействовании дополнительного ресурса (время, деньги);

4 – имеющаяся компьютерная техника и (или) каналы связи позволяют выполнять задачи в рамках процесса качественно и в срок, однако часть времени тратится на ожидание;

5 – имеющаяся компьютерная техника и каналы связи позволяют всегда быстро, стабильно и без сбоев создавать, получать и отправлять необходимую в рамках процесса информацию.

8.2. Уровень безопасности системы хранения информации, генерируемой в рамках процесса:

1 – организация хранится на локальных компьютерах, резервное копирование отсутствует;

2 – организация хранится централизованно на сервере, но она не организована, резервное копирование отсутствует;

3 – организация хранится централизованно на сервере, но она не организована, настроена и работает система резервного копирования информации;

4 – организация хранится централизованно на сервере, она жестко структурирована, но доступ к ней неудобен, настроена и работает система резервного копирования информации;

5 – информация хранится централизованно на сервере, имеет логичную организацию, доступ к ней удобен, настроена и работает система резервного копирования информации.

8.3. Уровень соответствия способа организации баз данных задачам процесса:

1 – программные продукты работают автономно, одна и та же информация вносится в каждый программный продукт отдельно;

2 – часть программных продуктов работает автономно, результаты работы другой части программ могут быть использованы в других программах после дополнительной переконвертации;

3 – результаты работы, полученные в одной программе, могут быть использованы в других программах после дополнительной переконвертации;

4 – результаты работы, полученные в одной программе, могут быть использованы в других программах без дополнительной переконвертации;

5 – повторный ввод данных исключен, все данные вводятся в информационную систему предприятия только один раз и могут быть использованы для различных целей в режиме реального времени.

8.4. Уровень соответствия используемого программного обеспечения задачам процесса:

1 – используемое программное обеспечение не позволяет качественно и в срок выполнять задачи в рамках процесса;

2 – используемое программное обеспечение позволяет качественно и в срок выполнять задачи в рамках процесса только при задействовании дополнительных ресурсов (время, деньги);

3 – используемое программное обеспечение позволяет качественно и в срок выполнять задачи в рамках процесса при соблюдении ряда условий;

4 – используемое программное обеспечение позволяет качественно и в срок выполнять задачи в рамках процесса, но не является оптимальным для выполнения данных задач;

5 – используемое программное обеспечение позволяет оптимальным образом выполнять задачи в рамках процесса.

8.5. Уровень соответствия организации доступа к информации задачам процесса:

1 – доступ к информации у исполнителей отсутствует;
 2 – вся информация является общедоступной;
 3 – доступ к информации не регламентирован, решение о предоставлении доступа к информации принимает системный администратор;

4 – доступ к информации регламентирован, каждый исполнитель имеет доступ только той части, которая необходима для выполнения должностных обязанностей, при этом исполнители имеют доступ не ко всей необходимой для работы информации;

5 – доступ к информации регламентирован, каждый исполнитель имеет доступ только той части, которая необходима для выполнения должностных обязанностей, при этом исполнители имеют доступ ко всей необходимой для работы информации.

Уровень эффективности j -го параметра

$$\text{ЭП}_j = \frac{\sum K_i}{i}, \quad (20)$$

где j – параметр; K – значение показателя, баллов; i – показатель.

Уровень эффективности управления k -м бизнес-процессом:

а) в баллах:

$$\text{ЭПБ}_k = \frac{\sum \text{ЭП}_j}{j}, \quad (21)$$

где j – параметр; k – бизнес-процесс;

б) в процентах:

$$\text{ЭПП}_k = \text{ЭПБ}_k \cdot 100. \quad (22)$$

Апробация разработанной параметрической методики оценки организационной эффективности управления бизнес-процессом была проведена на промышленном предприятии – производителе измерительного оборудования, характеризующемся наличием формализованных регламентов и структурированной документации. Это обеспечило необходимую информационную базу для расчета показателей модели, включая аналитические коэффициенты по восьми параметрам управления. Результаты апробации представлены в таблице.

Результаты апробации разработанной методики на примере промышленного предприятия (см. таблицу) демонстрируют, что в данном случае наибольшую эффективность имеет бизнес-процесс «Материально-техническое обеспечение» (текущий уровень эффективности процесса – 55,3 %), наименьшую – бизнес-процессы «Маркетинг» (текущий уровень эффективности процесса – 6,0 %) и «Сервис» (текущий уровень эффективности процесса – 7,8 %).

Повышение эффективности данных бизнес-процессов до уровня показателя 0,6 балла может быть сделано без существенных материальных затрат за счет улучшения параметров «Цели и показатели», «Технология» и «Система контроля» путем разработки и доведения до персонала стандарта процесса.

Сводная таблица результатов анализа

Показатель \ Процесс	Маркетинг	Разработка	Снабжение	Производство	Сбыт	Сервис
1. Цели и показатели	0,0	0,42	0,58	0,54	0,58	0,0
2. Результат	0,0	0,16	0,54	0,44	0,42	0,02
3. Технология	0,0	0,38	0,6	0,3	0,4	0,0
4. Персонал	0,0	0,44	0,6	0,36	0,44	0,0
5. Материально-техническое обеспечение	0,0	0,86	0,64	0,7	0,0	0,0
6. Система контроля	0,0	0,32	0,58	0,2	0,28	0,24
7. Связи с другими процессами	0,0	0,48	0,44	0,4	0,32	0,0
8. IT-инфраструктура	0,48	0,4	0,44	0,4	0,4	0,36
Уровень эффективности управления процессом (ЭПБ)	0,06	0,433	0,553	0,418	0,355	0,078
Уровень эффективности управления процессом (ЭПП), %	6,0	43,3	55,3	41,8	35,5	7,8

Результаты применения подтвердили практическую применимость методики, выявили резервы повышения эффективности и позволили сформировать управленческие рекомендации по корректировке отдельных бизнес-процессов, что подтверждает ее целесообразность для дальнейшего масштабирования.

Выводы

1. В результате исследования разработана параметрическая модель оценки организационной эффективности управления бизнес-процессом, включающая 40 показателей по восьми управленческим параметрам, что позволяет проводить системную и количественную диагностику уровня управляемости процесса, внедрен механизм расчета интегрального показателя эффективности управления бизнес-процессом с представлением результата в балльной и процентной форме, обеспечивающий возможность сравнения, ранжирования и выявления управленческих резервов.

2. Новизна модели заключается в объединении формализованных показателей, получаемых на основе документации, с расчетами, основанными на данных анкетирования и объективных метриках, что формирует комплексную оценку уровня организационной зрелости процесса.

3. Преимущества методики включают воспроизводимость, масштабируемость, применимость в условиях цифровизации управления, а также возмож-

ность использования результатов в анализе эффективности системы бизнес-процессов на межпроцессном уровне.

4. Методика может быть адаптирована для оценки сервисных, административных и проектных процессов посредством трансформации отдельных параметров и интеграции цифровых метрик из корпоративных систем управления.

5. Границы применимости связаны с необходимостью наличия базовой формализации процессов, а также достаточного уровня информированности исполнителей; при их отсутствии возможна разработка облегченной версии модели или применение в модифицированном виде.

6. Полученные научные результаты обеспечивают возможность практического применения методики для организации системной работы по поэтапному улучшению бизнес-процессов предприятия, с эффективным инвестированием управленческих ресурсов в последовательное повышение интегральной эффективности системы процессов.

7. Методика способствует дальнейшему развитию предложенной Ю. А. Заболотным методики оценки организационной эффективности системы бизнес-процессов промышленного предприятия [9] и теоретических положений мультиуровневой природы бизнес-модели [13], сформулированных А. А. Колядой (Бизнес-школа EMAS), а также может быть использована в рамках универсальной мультиотраслевой методики бизнес-моделирования, стратегического планирования и стратегического менеджмента [14, 15], включая введение новой проекции – «организационная эффективность системы бизнес-процессов», с расчетом соответствующего индекса на основе разработанной параметрической модели.

8. Дальнейшее развитие предлагаемой методики целесообразно осуществлять по направлениям, усиливающим ее аналитическую глубину и адаптивность. Интеграция весов взаимного влияния параметров и отдельных процессов позволит учесть сложные причинно-следственные связи между факторами эффективности, обеспечив системную интерпретацию управленческих зависимостей. Применение расширенной шкалы оценки и методов многокритериального анализа (например, АНР, TOPSIS) усилит чувствительность модели, повысив точность интегральной оценки и ее стратегическую интерпретируемость. Разработка адаптированных версий параметрической структуры для сервисных, административных и проектных процессов обеспечит отраслевую масштабируемость подхода, сохраняя методологическую преемственность. Интеграция объективных цифровых метрик из корпоративных систем управления (включая CRM, BPM, ERP) позволит дополнить субъективные оценки автоматизированными индикаторами, усилив достоверность и устойчивость модели к искажению исходных данных. Совокупная реализация указанных направлений обеспечит эволюцию методики от операционного инструмента к универсальному аналитическому конструкту.

Список использованных источников

1. Сомко, М. Л. Система детерминированных драйверов метрик оценки эффективности ключевых бизнес-процессов / М. Л. Сомко, А. И. Епихин // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 9 (147). – С. 1–10. – URL: <https://research-journal.org/archive/9-147-2024-september/10.60797/IRJ.2024.147.41> (дата обращения: 17.07.2025). – DOI: 10.60797/IRJ.2024.147.41.
2. Резвякова, И. В. Современные подходы к анализу бизнес-процессов: теоретические основы и практические инструменты / И. В. Резвякова, А. Д. Пашкова // Вестник Академии знаний. – 2025. – № 1 (66). – С. 880–884.
3. Мирончук, В. А. Оценка производительности и эффективности бизнес-процессов / В. А. Мирончук, С. И. Турлий, М. С. Косников // Научный журнал Кубанского гос. аграрн. ун-та. – 2023. – № 191. – С. 190–200.
4. Mohammadi, F. Process mining approach to performance analysis and bottleneck finding in electronic processes (case study: the billing process of hospital services) / F. Mohammadi, S. Kazempourian, I. Raeesi Vanani // International Journal of Process Management and Benchmarking, Inderscience Enterprises Ltd. – Vol. 13 (2). – P. 212–232.
5. Fauzi, A. Analysis of the efficiency of vehicle insurance claim business processes using a process mining approach: A Case Study / A. Fauzi, M. Er // A Case Study. Journal La Sociale. – 2025. – Vol. 6 (3). – P. 933–946. – DOI: 10.37899/journal-la-sociale.v6i3.1944.
6. A review of AI and machine learning contribution in business process management (process enhancement and process improvement approaches / M. Abbasi [et al.] // Business process management journal. – 2025. – Vol. 31, iss. 4. – P. 1414–1452. – DOI: 10.1108/BPMJ-07-2024-0555.
7. Gavade, D. AI-driven process automation in manufacturing business administration: efficiency and cost-efficiency analysis / D. Gavade // 7th IET Smart Cities Symposium (SCS 2023), Hybrid Conference, Bahrain. – 2023. – P. 677–684. – DOI: 10.1049/icp.2024.1038.
8. Заболотный, Ю. А. Проблемы анализа эффективности бизнес-процессов предприятия в условиях цифровизации / Ю. А. Заболотный // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы : сб. науч. ст. : в 2 т. / редкол.: Д. В. Муха [и др.] ; НАН Беларуси, Ин-т экономики. – Минск : Право и экономика, 2024. – Т. 1. – С. 704–709.
9. Заболотный, Ю. А. Оценка организационной эффективности системы бизнес-процессов промышленного предприятия / Ю. А. Заболотный // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / НАН Беларуси, Ин-т экономики. – 2025. – Вып. 10. – С. 15–24. – DOI: 10.47612/2789-5122-2025-10-15-24.
10. Хаммер, М. Реинжиниринг корпорации: манифест революции в бизнесе / М. Хаммер ; [ред.] Д. Чампи ; пер. с англ. Ю. Е. Корнилович. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2006. – 287 с.
11. Шеер, А. В. Бизнес-процессы. Основные понятия. Теория. Методы / А. В. Шеер ; под ред. М. С. Каменной ; пер. с англ. Н. А. Михайловой. – 2-е изд. – М. : Весть : МетаТехнология, 1999. – 152 с.
12. Свод знаний по управлению бизнес-процессами BPM СВОК 4.0 : пер. с англ. // Т. Бенедикт [и др.]. – М. : Альпина Паблишер, 2022. – 504 с.
13. Коляда, А. А. Теория мультиуровневой природы (мультиуровневости) бизнес-модели, бизнес-моделирование и инновация бизнес-модели в стратегическом менеджменте / А. А. Коляда // Вестник евразийской науки : электрон. журн. – 2024. – Т. 16, № 4. – URL: <https://esj.today/PDF/60ECVN424.pdf> (дата обращения: 28.12.2024). – DOI:10.15862/60ECVN424.
14. Коляда, А. А. Следующий уровень: стратегический менеджмент новой эпохи : Как построить эффективную бизнес-модель и разработать эффективную стратегию для роста вашей компании / А. А. Коляда. – М. : Альпина ПРО, Евразийская школа менеджмента и администрирования», 2023. – 616 с.
15. Коляда, А. А. Методика разработки бизнес-модели организации и прогнозирования ее экономической эффективности / А. А. Коляда, Ю. О. Плехова // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 8. – С. 101–112.

Поступила 07.09.2025

ASSESSMENT OF BUSINESS PROCESS MANAGEMENT EFFICIENCY

Yu. Zabolotny

yzabolotny@yandex.by

JSC "MNIPI"

Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article presents a formalized methodology for assessing the organizational efficiency of business process management within industrial enterprises. Based on a parameterized model comprising 40 indicators across eight managerial dimensions, the approach enables the calculation of an integral efficiency level expressed in both scaled and percentage formats. This facilitates comparative analysis, identification of managerial improvement reserves, and the application of results to systemic business process evaluation.

The proposed method is adapted for use in highly formalized operational environments and integrates both normative documentation review and survey-based insights from process participants. Key directions for further development of the model are identified, including adaptation for non-production processes and integration with digital management systems.

Keywords: organizational efficiency, business process management, efficiency assessment, parameterized model, process optimization, industrial enterprise, managerial indicators, multi-criteria analysis, process formalization, digitalization of management.

<https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-114-124>

УДК 330.117

JEL L26

РОЛЕВОЙ ПЛЮРАЛИЗМ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АСПЕКТА ЛИЧНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

Н. В. Яцевич

natyatsevich@yandex.ru

кандидат экономических наук, доцент
Гомельский филиал учреждения образования
Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»
г. Гомель, Республика Беларусь

Аннотация. В статье предложен концептуальный взгляд на понятие и содержание экономического аспекта личности предпринимателя, который представляет собой совокупность экономических ролей, обусловленных хозяйственным поведением предпринимателя. К таким ролям отнесены следующие: основатель-новатор, комбинатор ресурсов, менеджер-лидер, агент рыночного обмена. Отмечены экономические мотивы смены экономических ролей: получение личного предпринимательского дохода, приумножение собственности, трудовая мотивация, наличие эмпирического опыта.

Ключевые слова: предпринимательство, предприниматель, личность предпринимателя, экономический аспект личности предпринимателя, экономическая роль, поведение предпринимателя, экономическая мотивация.

Для цитирования: Яцевич, Н. В. Ролевой плюрализм экономического аспекта личности предпринимателя / Н. В. Яцевич // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / НАН Беларуси, Ин-т экономики. – 2025. – Вып. 11. – С. 114–124. – <https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-114-124>.

Введение

Исследование предпринимательства как системообразующего элемента национальной экономики неотделимо от исследования личности человека, являющегося предпринимателем. Комплексное изучение целостного образа предпринимателя выходит за пределы отдельных научных направлений и дисциплин, поскольку является сложным, «многослойным» явлением и требует применения трансдисциплинарных методологических подходов. Так, исследование личности предпринимателя, особенностей его поведения и мышления, личностных качеств и других характерных свойств является предметом исследования в психологии (в частности, в персонологии), социологии, философии, антропологии, культурологии, истории, а также ряда научных направлений в экономической науке (например, шumpетерианство, австрийская экономическая школа, немецкая историческая школа и др.). Экономисты исследуют личность предпринимателя с различных точек зрения, в частности, как собственника капитала, организатора предприятия, человека, несущего бремя принятия риска и неопределенности внешней среды, субъекта контрактных отношений,

новатора и т. д. Среди ученых, затрагивающих в своих исследованиях вопросы познания личности предпринимателя, можно назвать Ж.-Б. Сэя, И. Кирцнера, Ф. Найта, Х. фон Мангольда, Ф. фон Визера, А. Маршалла и др. Среди современных российских ученых можно выделить Ю. Б. Рубина, Л. А. Колесникову, В. И. Верховина, А. В. Бусыгина и др., среди белорусских авторов – М. К. Жудро, Л. Н. Давыденко, В. А. Ганского, В. Л. Цыбовского и др. В данной статье на основе концептуализации исследований различных авторов представлен наш взгляд на понятие и содержание экономического аспекта личности предпринимателя.

Результаты и их обсуждение

Различные авторы (Х. Уэрта де Сото, И. Кирцнер, А. Маршалл, В. Зомбарт, Т. Веблен, Й. Шумпетер, В. Рёпке, Ю. В. Тарануха, С. Г. Светуньков) рассматривали особенности предпринимательского поведения, которое носит особый хозяйственно-рыночный характер и направлено на извлечение экономической выгоды. По определению Е. М. Бабосова, предприниматель «обозначает человека, *предпринимающего конкретные действия* в определенной сфере социально-экономической реальности, нацеленные на достижение успеха и прибыли, и берущего на себя сопряженную с ними ответственность» [1, с. 262]. Таким образом, предприниматель является *действующим субъектом* или *актором*. Понятие «актор» в теории социальных наук, а именно теории социального действия Т. Парсонса, означает того, кто совершает действие [2, с. 23]. Т. Веблен называет такого человека *агентом деятельности*: «он в его собственном понимании есть центр разворачивающейся под действием побуждений <...> “телеологической” деятельности (*прим.*: телеология – учение о целесообразности¹). Он – агент, стремящийся во всяком действии к достижению какой-либо конкретной, объективной безличной цели. В силу того, что он является таким агентом, он наделен склонностью к работе, приносящей результаты, и испытывает неприязнь к напрасным усилиям» [3, с. 67–68].

По нашему мнению, экономический аспект личности предпринимателя обусловлен хозяйственным поведением последнего и реализуется через выполнение определенных *экономических ролей*, совокупность которых формирует предпринимательский ролевой набор. Поскольку в ходе реализации предпринимательской деятельности предприниматель как личность может реализовать себя в разных экономических ролях, имеет место ролевой плюрализм экономического аспекта личности предпринимателя. С нашей точки зрения, можно выделить четыре основные роли, которые в совокупности формируют экономический аспект предпринимателя как конструктивно действующей личности: основатель-новатор, комбинатор ресурсов, менеджер-лидер, агент рыночного обмена (рис. 1). Считаем, что предприниматель реализует себя

¹ Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск : Изд. В. М. Скакун, 1998. С. 705.

Рис. 1. Ролевой плюрализм экономического аспекта личности предпринимателя

в данных экономических ролях одновременно, однако прослеживается циклическая цепочка смены основных экономических ролей личности предпринимателя по мере развития его предпринимательской активности.

Экономическая роль личности, по нашему мнению, заключается в выполнении определенных экономических функций человеком, являющимся предпринимателем, в процессе осуществления предпринимательской деятельности. Целесообразно рассмотреть каждую из представленных экономических ролей личности предпринимателя. При этом можно отметить как последовательность смены основных экономических ролей, так и синергетический эффект от их взаимодействия и взаимодополнения по мере реализации предпринимательских функций, который проявляется в эффекте усиления и взаимодополнения друг друга.

Основатель-новатор. Предприниматель выступает как *основатель* предприятия, создатель нового бизнеса, инициатор учреждения новой хозяйственной структуры. Оксфордский словарь по социологии широко характеризует в качестве предпринимателя не только создателя бизнеса, но и человека, который переходит от работы по найму к самостоятельной занятости¹, в случае чего тот также, по нашему мнению, выступает в качестве основателя своего бизнеса – начинающего предпринимателя.

В роли основателя предприниматель выполняет следующие функции:

- исследование рынка, поиск рыночной ниши;
- изучение правовых особенностей деятельности;
- изучение технических особенностей организации вида деятельности;
- юридическое оформление бизнеса и др.

Вместе с основателем бизнеса предприниматель параллельно играет роль новатора. *Новатор* (от лат. *novator* – обновитель) по определению Большого экономического словаря – «человек, который вносит новые, прогрессивные идеи,

¹ The Concise Oxford Dictionary of Sociology / ed. by G. Marshall. New York : Oxford University Press, 1994. P. 152.

приемы в какой-либо области деятельности»¹. Под новатором здесь мы понимаем человека, который не просто генерирует идеи и воплощает их в действия, а, по определению Й. Шумпетера, осуществляет новые комбинации [4, с. 169–170]. Например, Л. Н. Давыденко определяет предпринимателя как новатора, создающего на коммерческой основе новые продукты, новые производственные технологии, новые формы организации бизнеса [5, с. 7]. П. Друкер называет инновации специфическим инструментом предпринимательства [6, с. 30].

Комбинатор ресурсов. Предприниматель в созданном бизнесе объединяет, организует, комбинирует доступные ему ресурсы для достижения конкретных результатов в зависимости от осуществляемого вида деятельности, ищет оптимальные пути комбинации ресурсов. К таким ресурсам относятся трудовые, финансовые, материальные, информационные и другие, которые, по нашему мнению, в совокупности формируют *предпринимательский капитал*. Как отмечал еще Л. Вальрас, роль предпринимателя заключается в совмещении факторов производства (труда, земли и капитала), при этом он может как быть, так и не быть собственником данных факторов производства: «Назовем земельным собственником обладателя земель, каких угодно, работником – обладателя личных способностей, капиталистом – обладателя собственно капиталов. А затем назовем предпринимателем четвертого персонажа, который совершенно отличен от предыдущих, и собственная роль которого состоит в том, чтобы взять в аренду землю земельного собственника, личные способности работника и капитал капиталиста и соединить – в сельском хозяйстве, индустрии и торговле – все три производительные услуги. Достаточно очевидно, что в реальности один и тот же индивид может совмещать две или три из определенных выше ролей, даже все четыре, и что разнообразие этих комбинаций порождает многообразие способов предпринимательства; но также очевидно, что в этом случае он выполняет две, три или четыре отличные друг от друга роли» [7, с. 161]. А. М. Чернопьятов определяет предпринимательство как «особый вид человеческого капитала, представленного деятельностью по координации и комбинированию всех других факторов производства в целях создания новых видов товаров и услуг (экономических благ)» [8, с. 10–11].

Таким образом, в роли комбинатора ресурсов предприниматель выполняет определенные функции, такие как:

- инвестирование собственного капитала или поиск инвесторов, привлечение кредитных ресурсов;
- привлечение трудовых ресурсов, выполнение функции работодателя, вложение собственного труда;
- поиск и осуществление новых способов комбинации ресурсов и средств для осуществления предпринимательской деятельности и др.

Менеджер-лидер. Предприниматель как *менеджер* управляет работой созданного субъекта хозяйствования, как правило, самостоятельно, в отдельных

¹ Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. – 6-е изд. М. : Ин-т новой экономики, 2004. С. 578.

случаях – через наемного управляющего. Несмотря на то что в экономической литературе предприниматель в основном не отождествляется с профессиональным менеджером, тем не менее очевидно, что задача организации управления и координации деятельности созданной организации лежит на нем. П. Друкер определяет менеджера как «человека, который достигает результатов» [9, с. 353]. Несомненно, это является важным итогом любой деятельности, в том числе предпринимательской.

В роли менеджера предприниматель выполняет такие функции, как:

- руководство деятельностью созданной бизнес-структуры, осуществление оперативного управления;
- осуществление рационального выбора;
- принятие текущих управленческих решений;
- текущее взаимодействие с государственными органами и организациями и др.

Параллельно предприниматель, на наш взгляд, выполняет роль *лидера*. Лидерство и менеджмент, как отмечают авторы трудов по теории эффективного управления, не являются синонимами. По С. Кови, «управление фокусируется на нижнем уровне: как мне сделать это наилучшим образом?», а лидерство – на верхнем: «что именно я хочу сделать?», при этом «от управления зависит производительность при подъеме по лестнице успеха», а «лидерство определяет, к той ли стене приставлена лестница» [10, с. 106]. Полагаем, что предприниматель в отдельных случаях может не быть менеджером, когда управляет организацией через наемных сотрудников, но всегда должен быть лидером.

В роли лидера предприниматель выполняет следующие функции:

- разработки стратегии деятельности организации, общего видения относительно предназначения организации и ее ценностей;
- принятия ключевых решений по всем основным вопросам деятельности, глубокого анализа имеющихся проблем и перспектив роста;
- формирования эффективной рабочей команды сотрудников, мотивирования на достижение результатов;
- решения вопросов определения новых направлений развития бизнеса, поиска новых возможностей;
- проактивного реагирования на быстро меняющиеся условия внешней среды;
- формирования организационной культуры;
- создания партнерств с другими организациями;
- управления рисками, принятия на себя ответственности за возможные риски и др.

Агент рыночного обмена. Предприниматель реализует на рынке результаты труда, результаты хозяйственной деятельности посредством рыночного обмена. М. Г. Светуников в качестве сущностной характеристики предпринимателя предлагает рассматривать доминирующий тип хозяйственной связи –

обмен¹, который обуславливает прирост капитала [11, с. 28]. М. Вебер «капиталистическим» называет «такое ведение хозяйства, которое основано на ожидании прибыли посредством использования возможностей обмена, то есть мирного (формально) приобретательства» [12, с. 48]. Отметим, что в примечании к термину «дух капитализма» М. Вебер отмечает, что рассматривает капитализм как «специфически западное современное *рациональное предпринимательство*» [12, с. 118]. А. М. Чернопятов отмечает, что специфика предпринимательства как явления хозяйственной деятельности выражается в непрерывно осуществляемой цепи обменных операций. В обмене предпринимательство идентифицирует себя как особый тип хозяйственного поведения. По мнению автора, обмен выступает исходным и конечным пунктами предпринимательства. В процессе обмена предприниматель усматривает источник возможной выгоды, являющейся одновременно и мотивом, и оценкой успеха предпринятой им инициативы. Кроме того, сталкиваясь в процессе обмена с подобными себе лицами, предприниматель воспринимает свою деятельность как состязательную [8, с. 26]. Как отмечается в Энциклопедическом словаре по экономике В. Г. Золотогорова, «все виды предпринимательской деятельности включают в себя обмен»². Таким образом, предприниматель, безусловно, является агентом рыночного обмена, в роли которого выполняет следующие функции:

- участия в товарно-денежных отношениях;
- проведения маркетинговых мероприятий по поиску и привлечению потребителей;
- реализации ценовой стратегии;
- реализации произведенных благ и услуг;
- перераспределения ресурсов;
- извлечения предпринимательского дохода посредством осуществления обменных операций и др.

Экономический аспект личности предпринимателя на каждом этапе смены экономических ролей заключается в первую очередь в осуществлении процесса выбора и поиска оптимальных экономических альтернатив. Поскольку предприниматель принимает экономические решения, как правило, единолично, на нем лежит ответственность за выбор альтернатив в рамках осуществления функций по каждой рассмотренной экономической роли: выбор видов деятельности, способов комбинации ограниченных ресурсов, путей реализации рыночного обмена, принятие эффективных управленческих решений и т. д.

Рассмотренный ролевой набор личности предпринимателя в самом простом виде представлен на рис. 1 в плоскости в виде замкнутого цикла. Однако,

¹ Светульников М. Г. Теория и методология государственного регулирования патримониальными предпринимательскими сетями : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / Светульников Максим Геннадьевич ; Санкт-Петербургский ун-т экон. и финансов. СПб., 2011. С. 14.

² Золотогорov В. Г. Энциклопедический словарь по экономике / В. Г. Золотогорov. Минск : Полымя, 1997. С. 268.

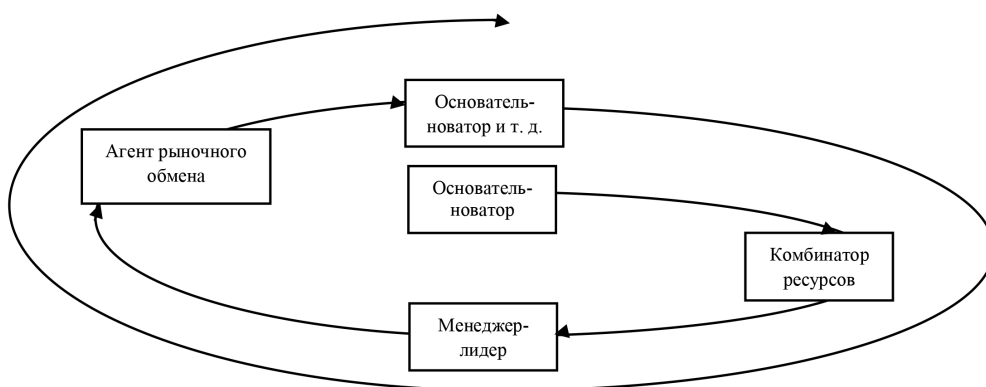

Рис. 2. Восходящая спираль смены экономических ролей личности предпринимателя

развивая данную теоретическую модель, полагаем, что циклическая связь экономических ролей личности предпринимателя должна быть представлена не в плоском, а в объемном варианте в виде сферической спирали, по выражению С. Кови – «восходящей спирали роста и развития» [10, с. 325]. Назовем ее восходящей спиралью смены экономических ролей (рис. 2). Это обусловлено тем, что предприниматель, достигнув определенного уровня развития в осуществлении предпринимательской деятельности, продолжает развитие на новом, более высоком уровне, не удовлетворяясь ролью «бизнес-персоны», по определению О. В. Пономарева и С. Г. Светунькова, осуществляющей деятельность по ранее освоенной бизнес-модели [13, с. 40]. Приняв новые риски и внедряя инновационные подходы, предприниматель ищет новые пути для развития своего дела и вновь играет роль основателя-новатора на более высоком уровне. Таким образом, цикл смены экономических ролей личности повторяется, а экономические роли личности предпринимателя обновляются.

Весь процесс смены экономических ролей требует определенной мотивации. Полагаем, что при смене экономических ролей основные мотивы и стимулы имеют экономическую природу. Как отмечает В. В. Радаев, хозяйственное действие мотивировано *интересом*, а «при возникновении стимула в виде натурального или денежного блага» человек оценивает два основных фактора при оценке возможных последствий совершения действий: «относительную полезность получаемого блага, настоятельность своей потребности в нем», «масштаб издержек (затрат времени и других ресурсов), необходимых для получения блага» [14, с. 64]. Экономический интерес заключается в «максимизации полезности и минимизации издержек для получения оптимального набора благ» [14, с. 64], что определяет эффективность хозяйственных действий.

Отметим экономические мотивы смены экономических ролей личности предпринимателя:

– *получение личного предпринимательского дохода*. Как отмечается в большинстве формулировок предпринимательства в экономической литературе,

в том числе в словарях и энциклопедических справочниках, предпринимательская деятельность направлена на получение дохода или прибыли. При этом отличие предпринимателей от других хозяйствующих субъектов, предлагающих свой труд на рынке и получающих заработную плату, заключается в неопределенности получаемого дохода, что отмечено еще Р. Кантильоном и развито Ф. Найтом в концепции «истинной неопределенности» как источника «специфического дохода предпринимателей» [15, с. 275; 16, с. 224]. Остальные занятые или работающие «классы», как отметил А. Р. Ж. Тюрго, не обладают доходом и получают только вознаграждение за свой труд [17, с. 328]. Доход предпринимателя включает в себя не только вознаграждение за труд, но и плату за риск (А. Р. Ж. Тюрго, Ф. фон Мангольдт, Ф. Б. Хоули и др.). При этом основной труд предпринимателя заключается в комбинации факторов производства, а, по мнению Л. Брентано, весь производимый «продукт и по справедливости, и фактически всегда принадлежал тому, кто соединяет труд с другими факторами производства в новом продукте. Рабочий только там мог получать продукт, где он сам брал на себя такое соединение. Но в этом случае он получал его не как рабочий, а как самостоятельный предприниматель» [18, с. 13–14];

– *приумножение собственности*. Целью предпринимательской деятельности многие авторы (например, А. М. Чернопятов, А. И. Лученок, А. А. Праневич¹ и др.) называют приумножение или увеличение размеров собственности [8, с. 38]. Предприниматель, как правило, авансирует собственное имущество в хозяйственную деятельность с риском его потери, а также является, как правило, собственником созданного им предприятия и средств производства [19, с. 226]. Кроме того, следует учитывать два типа поведенческого императива (частный и коллективный или общественный), описанные Ю. В. Таранухой [20, с. 7]. В предпринимательской деятельности, очевидно, модель воспроизводства имеет частный характер, а не общественный, соответственно, поведенческий императив предпринимателя характеризуется частным присвоением результатов функционирования производительных сил и, таким образом, в результате успешной предпринимательской деятельности возрастает личная собственность предпринимателя. Полагаем, что приумножение собственности является не только индикатором успешности, но и основой дальнейшего роста и расширения деятельности;

– *трудовая мотивация*. Основным стимулом трудовой мотивации предпринимателя, по нашему мнению, является возможность достижения определенной автономии и относительной независимости в трудовой деятельности, что обусловлено самой природой предпринимательства. Кроме того, трудовыми мотивами предпринимателя могут быть личный профессиональный рост, улучшение условий труда, разнообразие содержания трудовой деятельности, возможность созидательного творчества и самореализации и др.;

¹ Праневич А. А. Институциональные аспекты формирования конкурентной среды трансформационной экономики : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / Праневич Алла Александровна ; Белорус. гос. экон. ун-т Минск, 2009. С. 18.

– *наличие эмпирического опыта.* С нашей точки зрения, успешный практический опыт хозяйственной деятельности является мотивом для дальнейшего развития и стимулирует движение предпринимателя по восходящей спирали смены экономических ролей. Наличие эмпирического опыта также позволяет экономить ресурсы и время на принятие решений. Как отмечает Р. И. Капелюшников, процесс принятия решений сопряжен с большими издержками, и «человек экономический» стремится на них экономить: «Обдумывание решения требует времени, умственных усилий, затрат психической энергии. Если оно уже приносило успех в прошлом, есть все основания повторять его затем “на автомате”» [21, с. 13].

Заключение

Подводя итог изложенному, следует отметить, что с точки зрения предложенного подхода к определению экономического аспекта личности предприниматель представляет собой актора рынка, реализующего экономические роли основателя-новатора, комбинатора ресурсов, менеджера-лидера и агента рыночного обмена исходя из специфически присущих ему характеристик, таких как способность к организации процесса воспроизводства на инновационной основе, инициативность в рациональном объединении и комбинировании ресурсов, способность в условиях повышенного риска и неопределенности самостоятельно и эффективно управлять бизнесом, предприимчивость в осуществлении рыночного обмена при полной личной ответственности за конечный результат. Предприниматель динамически развивает свою деятельность по спиралевидной траектории, определенной как «восходящая спираль смены экономических ролей» под воздействием экономических потребностей и мотивов, основными из которых являются получение личного предпринимательского дохода и приумножение собственности. Отметим, что несмотря на рассмотрение нами экономических мотивов вне зависимости от психологических, в своей основе они имеют психологическое начало, т. е. обуславливаются интересами личности предпринимателя. Например, Т. Веблен в работе «Теория праздного класса», в отличие от классического и неоклассического подходов, подчеркивал, что рациональный мотив в поведении человека не является определяющим в его экономическом поведении, а привычки, инстинкты, обычаи, убеждения как психофизиологические характеристики каждого индивидуума воздействуют на его поведение более глубоко [3]. Такие мотивы можно выяснить, по нашему мнению, используя метод пятикратного «Почему?», лежащего в основе производственной системы Тойоты (называемой «канбан», или «точно вовремя»): «Пять раз задав один и тот же вопрос «Почему?» и каждый раз ответив на него, мы можем добраться до сути проблемы, которая часто прячется за более очевидными, лежащими на поверхности причинами» [22, с. 47].

Таким образом, в процессе деятельности предприниматель системно управляет экономическими ролями с учетом личных потребностей и интересов. Одновременно, будучи активным субъектом рыночного процесса, при выполнении своих ролевых функций он способствует экономическому развитию страны и эффективному решению социальных задач, в частности, участвует в обеспечении расширенного воспроизводства, развитии конкуренции, осуществлении инновационных процессов, создании рабочих мест и др.

Список использованных источников

1. Бабосов, Е. М. Стратификационная трансформация современной Беларуси / Е. М. Бабосов. – Минск : Беларус. навука, 2018. – 362 с.
2. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – 2-е изд. – М. : Академ. проект, 2002. – 880 с.
3. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – М. : Прогресс, 1984. – 367 с.
4. Шумпетер, Й. Теория экономического развития / Й. Шумпетер. – М. : Прогресс, 1982. – 456 с.
5. Давыденко, Л. Н. Предпринимательство без границ / Л. Н. Давыденко. – Минск : БЕЛНИИЭИ АПК, 1999. – 384 с.
6. Drucker, P. Innovation and Entrepreneurship. Practice and Principles / P. Drucker. – New York : Harper, 1985. – 277 p.
7. Вальрас, Л. Элементы чистой политической экономии / Л. Вальрас. – М. : Изограф, 2000. – 448 с.
8. Чернопятов, А. М. Роль государства в регулировании предпринимательской деятельности в Российской Федерации / А. М. Чернопятов. – М. : Палеотип, 2014. – 100 с.
9. Эдерсхейм, Э. Лучшие идеи Питера Друкера / Э. Эдерсхейм. – СПб. : Питер, 2008. – 384 с.
10. Кови, С. Р. Семь навыков высокоэффективных людей: Мощные инструменты развития личности / С. Р. Кови. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2009. – 374 с.
11. Светульников, М. Г. Теория государственного регулирования предпринимательскими сетями / М. Г. Светульников. – Ульяновск : ИП Василькина М. Н., 2011. – 200 с.
12. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
13. Пономарев, О. Б. К вопросу о базовых дефинициях теории предпринимательства / О. Б. Пономарев, С. Г. Светульников // Современная конкуренция. – 2016. – Т. 10, № 1. – С. 33–42.
14. Радаев, В. В. Экономическая социология : курс лекций / В. В. Радаев. – М. : Аспект пресс, 1998. – 368 с.
15. Кантильон, Р. Эссе о природе и торговле в общем плане / Р. Кантильон // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков : в 5 т. / сопред. науч.-ред. совета: Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов ; отв. ред. Г. Г. Фетисов. – М. : Мысль, 2004. – Т. I : От зари цивилизации до капитализма. – С. 269–278.
16. Найт, Ф. Х. Риск, неопределенность и прибыль / Ф. Х. Найт. – М. : Дело, 2003. – 360 с.
17. Тюрго, А. Р. Ж. Размышления о создании и распределении богатств / А. Р. Ж. Тюрго // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков : в 5 т. / сопред. науч.-ред. совета: Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов ; отв. ред. Г. Г. Фетисов. – М. : Мысль, 2004. – Т. I. : От зари цивилизации до капитализма. – С. 325–356.
18. Брентано, Л. Причины экономического расстройтва в Европе (к морфологии народного хозяйства) / Л. Брентано. – СПб. : Типо-лит. А. Рабиновича и Ц. Крайза, 1896. – 48 с.
19. Лученок, А. И. Государственное регулирование предпринимательской деятельности / А. И. Лученок. – Минск : Право и экономика, 1999. – 243 с.
20. Тарануха, Ю. В. Мезоэкономика – новая форма промышленного развития / Ю. В. Тарануха // Вестник Московского университета. Серия 6, Экономика. – 2024. – Т. 59, № 2. – С. 3–20. – DOI: 10.5959/MSU0130-0105-6-59-2-1.

21. Капелюшников, Р. И. Кто такой Homo oeconomicus? / Р. И. Капелюшников // Экономическая политика. – 2020. – Т. 15, № 1. – С. 8–39. – DOI: 10.18288/1994-5124-2020-1-8-39.

22. Оно, Т. Производственная система Тойоты. Уходя от массового производства / Т. Оно. – М. : Ин-т комплекс. стратег. исслед., 2005. – 192 с.

Поступила 22.04.2025

ROLE PLURALISM OF THE ECONOMIC ASPECT
OF THE ENTREPRENEUR'S PERSONALITY

N. Yatsevich

natyatsevich@yandex.ru

Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor
Gomel Branch of the Educational Institution
of the Federation of Trade Unions of Belarus
“International University “MITSO”
Gomel, Republic of Belarus

Abstract. The article offers a conceptual view on the concept and content of the economic aspect of an entrepreneur's personality, which is a set of economic roles determined by the entrepreneur's economic behavior. These roles include the following: founder-innovator, resource combinator, manager-leader, agent of market exchange. The economic motives for changing economic roles are noted: obtaining personal entrepreneurial income, increasing property, labor motivation, and having empirical experience.

Keywords: entrepreneurship, entrepreneur, entrepreneurial personality, economic aspect of entrepreneurial personality, economic role, entrepreneurial behavior, economic motivation.

<https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-125-136>

УДК 342.5

JEL I28, K20

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ОБЛАСТИ ВИДЕОИГРОВОЙ ИНДУСТРИИ И ГЕЙМИФИКАЦИИ

В. С. Хомич

homichwww@gmail.com

Институт экономики НАН Беларуси

г. Минск, Республика Беларусь

Д. А. Бондарь

bondaran24@gmail.com

Институт экономики НАН Беларуси

г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления совершенствования государственной политики Республики Беларусь в сфере видеоигровой индустрии и геймификации. Авторы осуществляют анализ роли и особенностей видеоигр как элемента культуры, их значения для политической и культурной коммуникации, характеризуют современное положение игровой индустрии в Республике Беларусь, приходят к выводу об отсутствии целенаправленной государственной поддержки и нормативного регулирования отрасли. Приводится зарубежный опыт и предлагаются направления его адаптации, включая создание специализированного фонда поддержки видеоигровой индустрии и применение налоговых льгот. Особое внимание уделяется потенциалу геймификации в образовательных процессах, анализируются перспективы ее внедрения в национальную образовательную систему.

Ключевые слова: видеоигровая индустрия, государственная политика, геймдев, геймификация, культурная коммуникация.

Для цитирования: Хомич, В. С. Некоторые направления совершенствования государственной политики Республики Беларусь в области видеоигровой индустрии и геймификации / В. С. Хомич, Д. А. Бондарь // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / НАН Беларуси, Ин-т экономики. – 2025. – Вып. 11. – С. 125–136. – <https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-125-136>.

Введение

В последние десятилетия видеоигровая индустрия становится одной из наиболее динамично развивающихся сфер цифровой экономики, сочетая в себе элементы массовой культуры, информационных технологий и искусства. В сфере теории видеоигровой индустрии основным базисом для проведения исследования стали работы Дж. Шелла «Геймдизайн» [1] и А. С. Ветушинского «Игродром. Что нужно знать о видеоиграх и игровой культуре» [2], раскрывающие принципы создания игр и их роль в современной медиасреде, экономике и культуре. Научные труды по дисциплине «Game Studies» дополнили анализ, позволив рассмотреть видеоигры как инструмент культурной комму-

никации и образования, что коррелирует с задачами интеграции национальных ценностей в цифровую среду. В свою очередь, эмпирическая релевантность работы основана на исследованиях А. В. Золкиной, Н. В. Ломоносовой, Д. А. Петрусевича [3].

Отечественные и зарубежные исследователи (Л. А. Маленкова, С. О. Осеткин, Д. Белл и др.) подчеркивают влияние видеоигр не только на технологии и бизнес, но и на процессы формирования культурных и политических нарративов, что обуславливает возникновение новых вызовов в праве, экономике и государственной политике. В современной научной литературе отдельное внимание уделяется функциям видеоигр как средства взаимодействия между производителем и потребителем цифрового контента, а также их интеграции в образовательные и социокультурные практики (Н. В. Быстрова) [4].

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что в Республике Беларусь, несмотря на значительный инновационный и экономический потенциал, до сих пор отсутствует комплексная государственная политика в области регулирования видеоигровой индустрии. Немаловажным фактом является отсутствие широкого перечня отечественных научных работ на данную проблематику.

Цель работы – дать обоснование необходимости формирования и совершенствования государственной политики в Республике Беларусь в отношении видеоигровой индустрии и геймификации, а также определить возможные направления поддержки и развития этой сферы с учетом международного опыта, современных коммуникативных подходов и перспектив их интеграции в образовательные и культурные процессы.

Результаты и их обсуждение

Видеоигровая индустрия (геймдев) как объект исследования представляет собой область культурной индустрии и цифрового контента, которая сочетает в себе элементы культурного контента, передовые компьютеры, информационные и коммуникационные технологии и всестороннее искусство [5, с. 110]. В свою очередь, *видеоигры* – это компьютерные программы, созданные с целью обеспечения игрового процесса, носящего, как правило, развлекательный характер. Таким образом, геймдев производит не только непосредственно объект массового потребления – видеоигру, но и информационные и коммуникационные технологии, обеспечивающие коммуникацию между производителями и потребителями.

Ретроспективным является то, что само появление видеоигр связано с техническим развитием электронно-вычислительных машин, а также появлением специализированных устройств, предназначенных для воспроизводства видеоигр (игровых приставок и т. д.). Однако с точки зрения общественного развития появление видеоигр связано с развитием трех аспектов человеческого бытия: «умением смотреть», «умением играть» и быть причастным к культурному полю – символическому порядку [2].

Поскольку видеоигры онтологически находятся в рамках культурного поля, они могут транслировать различные культурные и политические нарративы.

Как и кинематограф, видеоигры относятся к технической системе искусств, значит, видеоигры схожим образом приспособлены к отражению и конструированию политической реальности и, как следствие, к политической коммуникации. Однако видеоигры интегрируют в себе не только предыдущие виды искусств (музыку, литературу, фотографию), но и сам кинематограф, являясь таким образом новой «точкой» пересечения классической и технической системы искусств. Интеграционной механикой всех перечисленных видов искусств в рамках видеоигры следует считать возможность непосредственно принимать участие (влиять) на события, происходящие на экране в рамках определенного более или менее широко концептуального нарратива.

В кинематографе коммуникация со зрителем налаживается посредством киноязыка, т. е. через знаково-символические системы. Аналогичным образом осуществляется коммуникация и в видеоиграх. По нашему мнению, в данном случае действует кибернетическая схема «запрос – обратная связь», между двумя элементами которой находятся различные цифровые реципиенты, принимающие закодированную информацию и в зависимости от формы кодировки выдающие обратную связь игроку (данный аспект реализуется посредством гейм-дизайна игры). Описанная нами схема формирует непосредственно игровую составляющую видеоигр. Таким образом, формируется формально индивидуальный игровой опыт, и это притом что, как правило, сам сюжет игры (при его наличии) имеет постоянный нарративный характер, который воспринимается игроком в форме знаково-символической системы, доступной для декодирования и интерпретации.

Рассматривая подробнее коммуникацию между игроком и видеоигрой, отметим, что строение практически любой видеоигры может быть реализовано по принципам SSM-фреймворка.

SSM-фреймворк (программная модель в гейм-дизайне) представляется следующим образом: игровая система – история – ментальная модель.

Игровая система – это то, как сконструирована игра на уровне ее технических элементов. Игровая система состоит из механик, совокупность которых объединяется в динамики.

В свою очередь, *«история»* представляет собой совокупность нарративных элементов содержания – мизансцен, объединяющихся в драму. Иначе говоря – то, как история подается через игровой процесс.

Ментальная модель позволяет рассматривать то, как игрок воспринимает игровой процесс во всех его составляющих: от игровой системы до истории.

Таким образом, коммуникационная схема «запрос – обратная связь» реализуется посредством SSM-фреймворка, который является основой конструирования видеоигры. Коммуникация между игроком и видеоигрой в самом полном смысле осуществляется через игровую систему, историю и ментальное восприятие данных ключевых элементов игры.

Однако помимо коммуникации между видеоигрой и игроком существует сопутствующий уровень коммуникации – между игроком и сообществами игроков, который может реализовываться посредством видеоигровых механик, а также через сторонние программы. Так, исследователь С. О. Осекин в работе о способах коммуникаций в компьютерных играх отмечал, что «особенностью коммуникаций в играх является ситуация, когда практически каждая более-менее значимая игра сопровождается созданием, закреплением и поддержкой игрового сообщества (так называемого комьюнити) на различных внутри- и внеигровых площадках. Запуск компьютерного игрового проекта сопровождается созданием группы в социальных сетях задолго до даты предполагаемого издания с последующим наполнением ее информацией с целью привлечения в эту группу потенциальной аудитории проекта» [6, с. 141].

Исходя из вышеописанного, в видеоиграх коммуникация с игроком осуществляется, по нашему мнению, на перечисленных ниже уровнях.

1. Внутренний уровень содержит в себе коммуникации видеоигры с игроком посредством гейм-дизайна, основывающегося на SSM-фреймворке через схему «запрос – обратная связь».

2. На внешнем уровне осуществляется коммуникация игрока с сообществом игроков посредством видеоигровых механик и возможностей, а также через сторонние внеигровые площадки (Discord, TeamSpeak, социальную сеть X и др.).

Таким образом, коммуникация между видеоигрой и геймером может носить сетевой характер, охватывая значительное количество игроков в рамках одного видеоигрового проекта. В качестве наиболее значимых сетевых видеоигр следует привести такие проекты, как World of Warcraft, Perfect World, Genshin Impact и др.

Наличие как внутренней, так и внешней (сетевой) коммуникации в видеоиграх позволяет геймдеву превзойти иные виды искусства в качестве способа осуществления культурной и политической коммуникации. Так, еще в 1980 г. американский социолог Д. Белл в работе «Социальные рамки информационного общества» следующим образом отмечал влияние технологий IV технической революции на социальную структуру общества: «Можно скептически относиться к экстравагантным заявлениям о грядущей революции в образовании под воздействием компьютеров и в виде магнитофонов, но как бы то ни было, в области передачи данных (особенно экономической информации в сфере бизнеса) и развития сетей данных коммуникация вызовет необозримые социальные изменения» [7].

Помимо высокого политического коммуникационного потенциала современная видеоигровая индустрия занимает лидирующие позиции в рамках культурной индустрии по доходности за 2024 г., заработав 189,3 млрд долл. США¹. При этом видеоигровая индустрия показывает стабильный рост и по коли-

¹ Video Game Industry Statistics And Analysis For 2024 // Exputer. URL: <https://exputer.com/news/industry/statistics-analysis/> (date of access: 03.08.2025).

честву игроков. Так, по данным специализированного ресурса Exputer, в период с 2016 по 2024 г. их количество увеличивалось в среднем на 130–170 млн в год¹.

В свою очередь, положение видеоигровой индустрии в Республике Беларусь значительно отличается от других направлений искусства. Здесь не создана организация, аналогичная «Беларусьфильму», которая бы осуществляла производство видеоигр на государственном уровне. Геймдев на территории нашей страны полностью подконтролен юридическим лицам частной формы собственности.

В отличие от кинематографа, государственная политика в области геймдева фактически отсутствует. Юридические лица, осуществляющие деятельность в сфере видеоигровой индустрии, не являются особым предметом государственной политики в области культуры, а также в области предпринимательской деятельности. Более того, в законодательстве Республики Беларусь отсутствуют дефиниции понятий «видеоигра» и «деятельность по созданию видеоигр». Отсутствие таких ключевых определений затрудняет выстраивание государственной политики в области видеоигр, как в рамках политики государства в области культуры, так и по другим направлениям.

Касаясь темы видеоигровой индустрии в Республике Беларусь, следует отметить роль Парка высоких технологий. ООО «Воннаплэй», ООО «Гипернова», ООО «Гульни Геймс», ООО «ГеймМод», ООО «АйконГеймс», ООО «Гейм Стрим» и другие резиденты Парка высоких технологий являются одними из самых активных разработчиков видеоигр в Республике Беларусь. В данном случае необходимо отметить, что разработка видеоигр в стране покрывает не только рынок компьютерных игр, но и рынок мобильных, а также консольных видеоигр. Однако, за исключением ООО «Гейм Стрим», разрабатывающего «Мир танков», в нашей стране фактически отсутствуют аналогичные по масштабу юридические лица.

Необходимо отметить, что, как и в случае с геймификацией, отсутствует отечественное правовое регулирование классической видеоигровой индустрии. Также видеоигровая индустрия законодательно не является предметом государственной культурной политики.

При этом в Республике Беларусь уже можно наблюдать за формированием интенции на производство видеоигр с национальной ориентацией, раскрывающих определенные этапы истории страны. Так, в 2024 г. белорусской студией Qualestory Games была анонсирована мультиплатформенная видеоигра в жанре «экшен» Tales of Meadows, которая повествует про события, разворачивающиеся вокруг белорусского города Турова периода XI–XIII в. Главным героем выступает рыцарь Филипп, которому предстоит защитить родную землю и спасти отца. Отметим, что видеоигра получила полную озвучку и перевод на русский и белорусский языки.

¹ 50 Years of Video Game Industry Revenues, by Platform. URL: <https://www.visualcapitalist.com/video-game-industry-revenues-by-platform/> (date of access: 03.08.2025).

На основе анализа сущностных черт «видеоигр» под *видеоигрой* нами предлагается понимать интерактивное программное цифровое произведение на основе компьютерного кода, графики с возможным звуковым сопровождением, а также сюжетом, предназначенное для развлечения, обучения. Данное определение предлагается закрепить в рамках Кодекса Республики Беларусь «О культуре»¹.

В свою очередь, под *деятельностью по созданию видеоигр* нами предлагается понимать направление деятельности в области информационных технологий и культуры по производству, демонстрации и распространению видеоигр.

В Республике Беларусь также отсутствует государственная поддержка видеоигровой индустрии. Учитывая данный аспект, представляется, что для формирования государственной политики Республики Беларусь в области видеоигровой индустрии следует адаптировать некоторый позитивный опыт зарубежных государств.

Так, основываясь на государственной политике Великобритании и Республики Франция в области видеоигровой индустрии, в Республике Беларусь видится целесообразным основать «Белорусский фонд видеоигровых технологий», задачей которого станет финансирование малых видеоигровых студий, а также формирование и (или) реализация государственных заказов в области геймдева. Данный фонд также должен осуществлять деятельность по распоряжению информацией о перспективных белорусских видеоиграх и содействовать сбору средств на конкретные проекты посредством краудфандинговых компаний.

Для отбора видеоигровых проектов в целях получения дополнительного финансирования могут быть применены следующие критерии: техническая реализуемость в рамках возможности лица, осуществляющего деятельность по созданию видеоигр, коммерческий потенциал проекта, соответствие национальным культурным ценностям и (или) основам патриотического воспитания граждан. Последний критерий также соответствует общекультурным целям государства, закрепленным в Концепции развития национального культурного пространства, а также Государственной программе «Культура Беларуси».

Опыт иностранных государств в области налогового регулирования также может быть адаптирован для Республики Беларусь. Так, соответствующие критериям юридические лица, осуществляющие деятельность по созданию видеоигр, могут получать налоговые вычеты в виде освобождения от налога на добавленную стоимость, снижения налога на прибыль, компенсации части расходов. Однако конкретные значения налоговых послаблений должны разрабатываться в рамках сферы деятельности специализированных научных институтов. Так, разработка данного направления может реализовываться

¹ Кодекс Республики Беларусь «О культуре» : 20 июля 2016 г. № 413-3 : принят Палатой представителей 24 июня 2016 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 2015 г. / Национальный правовой портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Hk1600413> (дата доступа: 01.08.2025).

непосредственно в рамках деятельности Института экономики Национальной академии наук Беларуси.

Развитие государственной политики Республики Беларусь в области гейм-дева может реализовываться и в направлении геймификации.

Геймификация представляет собой методологию использования приемов игрового мышления с целью корректировки человеческого поведения за счет создания благоприятного эмоционального фона. В отличие от иных определенных геймификации, приведенное делает акцент на взаимодействии игровых приемов (игровых механик, объединяющихся в игровой системе) с мышлением человека, что отражает сущностную сторону данной методологии [2, с. 193].

Обобщенно можно выделить два основных направления геймификации. Первое подразумевает внедрение некоторых игровых элементов в неигровую реальность с целью обучения, лучшего погружения в процесс и удержания в рамках определенного вида деятельности, а второе – использование полноценных адаптированных видеоигр в образовательных и иных процессах.

На данный момент элементы геймификации уже встроены в жизнь людей по всему миру, в том числе в Республике Беларусь: начиная от приложений для изучения иностранных языков (Duolingo, Eva, DuoCards и др.) и заканчивая приложениями по контролю за собственным расписанием и сосредоточенностью (Forest, Habitica).

Значительную популярность методология геймификации получила при составлении программ образовательного процесса.

Как отмечают российские исследователи геймификации в образовательном процессе Н. В. Быстрова, Н. А. Бакулина, А. В. Гнездина, А. Н. Угарова, «геймификация является одним из самых актуальных направлений развития образовательных технологий. Внедрение игровых элементов в процесс обучения способствует повышению познавательной активности обучающихся, формированию интереса к знаниям, развитию учебной мотивации и инициативы. В образовании геймификация позволяет рассматривать игру и как метод обучения, и как форму воспитательной работы, и как средство организации целостного образовательного процесса» [4, с. 417].

Данное мнение подтверждается и на уровне эмпирических исследований. Так, по данным исследования «The effect of challenge-based gamification on learning: An experiment in the context of statistics education», опубликованного в журнале в International Journal of Human-Computer Studies, применение элементов геймификации в образовании повышает успеваемость учащихся на 34,75 % [8, с. 51]. Однако существуют схожие исследования, проведенные российскими учеными. Согласно проведенному опросу 91,2 % ответили, что полностью согласны с тем, что «геймификация образовательных процессов является уместной при любых обстоятельствах» [4, с. 421].

В свою очередь, российские исследователи А. В. Золкина, Н. В. Ломоносова, Д. А. Петрусевич в работе «Оценка востребованности применения геймификации как инструмента повышения эффективности образовательного процесса»

провели системное исследование геймификации с использованием SWOT-анализа, по итогу которого пришли к выводу, что внедрение игровых элементов во внеигровую реальность может стать одним из механизмов роста увлеченности студентов учебными дисциплинами и повышения уровня приобретаемых ими компетенций [3, с. 138].

В Республике Беларусь геймификация в образовательных процессах в рамках общей программы среднего образования не используется. Такие выводы следуют исходя из анализа постановления Министерства образования Республики Беларусь от 26 декабря 2018 г. № 125 «Об утверждении образовательных стандартов общего среднего образования»¹ и постановления Министерства образования Республики Беларусь от 16 сентября 2024 г. № 114 «Об утверждении учебных программ по учебным предметам для учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования»².

Тем не менее в постановлении Министерства образования Республики Беларусь от 13 марта 2024 г. № 29 «Об утверждении учебных программ факультативных занятий» метод геймификации рекомендован к использованию в рамках авторского образования для III–IV классов³. Кроме этого, в постановлении Министерства образования Республики Беларусь от 3 августа 2023 г. № 227 «Об утверждении образовательных стандартов переподготовки руководящих работников и специалистов» отмечается, что обучающиеся по специальности «технологии цифрового образования» должны владеть методами использования геймификации в учебном процессе. Аналогичные требования предъявляются и к специальности «организация работы с молодежью»⁴.

В законодательстве Республики Беларусь также присутствует дефиниция «геймификации». Так, в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 августа 2015 г. № 734 «Об утверждении Концепции формирования и развития системы бизнес-образования в Республике Бела-

¹ Об утверждении образовательных стандартов общего среднего образования : постановление Министерства образования Респ. Беларусь от 26 дек. 2018 г. № 125 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W21933745r> (дата обращения: 01.08.2025).

² Об утверждении учебных программ по учебным предметам для учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования : постановление Министерства образования Респ. Беларусь от 16 сент. 2024 г. № 114 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W22442182r> (дата обращения: 01.08.2025).

³ Об утверждении учебных программ факультативных занятий : постановление Министерства образования Респ. Беларусь от 13 марта 2024 г. № 29 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W22441515p> (дата обращения: 01.08.2025).

⁴ Об утверждении образовательных стандартов переподготовки руководящих работников и специалистов : постановление Министерства образования Респ. Беларусь от 3 авг. 2023 г. № 227 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W22340565p> (дата обращения: 01.08.2025).

речь и плана мероприятий по ее реализации» под геймификацией понимается использование «игровой механики в неигровой ситуации»¹. Однако данное определение находится в главе 2, которая посвящена анализу мирового опыта и тенденции развития бизнес-образования в экономически развитых странах. Таким образом, данное определение не является нормативным, а скорее программным. Помимо этого, понимание геймификации как «использования игровой механики в неигровой ситуации» является слишком широким и не отражает в полной мере сущностную сторону данной методологии.

Элементы геймификации, будь то конкретные цифровые новшества (геймифицированная система рейтинга, использование видеоигровых нарративов и т. д.) или внедрение в образовательный процесс полноценных видеоигр, носящих обучающий характер, могут, по нашему мнению, способствовать как увеличению вовлеченности учеников в образовательный процесс, так и общей образованности граждан. Также с помощью методов геймификации может реализовываться патриотическое воспитание как учащейся молодежи, так и населения в целом.

Стоит отметить, что для применения геймификации в образовательных и воспитательных целях не обязательно использовать значительные финансовые и материальные средства. К примеру, обучение иностранным языкам может дополнительно проходить через приложения Duolingo, Eva, DuoCards. Более того, на данный момент, в открытом доступе находится движок для создания видеоигр Pocket platformer. Данный инструмент позволяет практически без навыков программирования создавать нарративные видеоигры, которые могут быть применимы в образовательном процессе и патриотическом воспитании граждан. В ходе исследования нами была разработана компьютерная видеоигра, приуроченная к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне с образовательными элементами. Данная видеоигра представляет собой путешествие персонажа по городу Минску и всем областным центрам Республики Беларусь с параллельным повествованием об истории городов и их роли в Великой Отечественной войне (см. рисунок).

Таким образом, следует заключить, что видеоигровая индустрия в Республике Беларусь развивается стихийно, фактически отсутствует государственная политика в области видеоигровой индустрии. Более того, в соответствии с законодательством Республики Беларусь видеоигровая индустрия не является предметом государственной культурной политики. При этом законодательно закрепляются положения, затрагивающие необходимость владеть методами геймификации в рамках переподготовки руково-

¹ Об утверждении Концепции формирования и развития системы бизнес-образования в Республике Беларусь и плана мероприятий по ее реализации : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 31 авг. 2025 г. № 734 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21500734> (дата обращения: 01.08.2025).

Скриншот одного из уровней компьютерной видеоигры, приуроченной к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне

дящих работников и специалистов, обучающихся по специальности «технологии цифрового образования», а также при составлении учебных программ факультативных занятий.

Выводы

В рамках проведенного исследования получены следующие результаты:

1. Проведен качественный анализ состояния видеоигровой индустрии в Республике Беларусь. Также выделены особенности развития геймдева в Республике Беларусь, показано, что в отличие от других стран отсутствуют как организационные, так и нормативные механизмы государственной поддержки. Преимущество: ориентация на реальные условия белорусского рынка, что позволяет учесть его специфику при выработке рекомендаций. Возможности применения: использование результатов анализа для разработки целевых государственных программ и регулирования индустрии.

2. Определены уровни и модели коммуникации в сфере видеоигр. Подробно описаны механизмы внутренней (игра – игрок) и внешней (между игроками) коммуникации с опорой на SSM-фреймворк; определена кибернетическая схема «запрос – обратная связь» как базовая для игрового процесса. Предлагаемый подход дает инструментарий для комплексного анализа игровых проектов с точки зрения социокультурного воздействия. Возможности применения: модели могут быть использованы при проектировании новых видеоигр и развитии игровых сообществ субъектами видеоигровой индустрии.

3. Изучен международный опыт и на его основе разработаны конкретные предложения по совершенствованию государственной политики Республики

Беларусь в области видеоигровой индустрии. Систематизированы примеры успешных практик Великобритании и Франции по созданию специализированных фондов, введению налоговых льгот, впервые структурированы предложения по созданию национального фонда поддержки геймдева, совершенствованию налоговой политики, адаптации критериев отбора проектов, интеграции геймификации в образовательную и патриотическую работу. Предложены нормативные дефиниции «видеоигра» и «деятельность по созданию видеоигр». Комплексный междисциплинарный подход позволяет учесть экономические, культурные и образовательные аспекты в единой государственной политике. Возможности применения: использование предложенных мер для создания управляемой экосистемы цифровых технологий, развития экспортного и образовательного потенциала страны.

4. Приведено обоснование потенциала геймификации в образовании и социальной сфере. Установлено, что элементы геймификации пока не интегрированы в систему общего среднего образования Беларуси, однако эмпирические исследования доказывают их высокий образовательный потенциал. Приведены доказанные количественные выгоды от внедрения геймификации (рост успеваемости, мотивации, вовлеченности). Возможности применения: включение игровых методик в образовательные стандарты и программы, развитие обучающих программ и мобильных приложений на геймифицированной основе.

Список использованных источников

1. Шелл, Д. Геймдизайн: Как создать игру, в которую будут играть все : практ. руководство / Д. Шелл. – М. : Альпина Паблишер, 2019. – 640 с.
2. Ветушинский, А. С. Игродром: что нужно знать о видеоиграх и игровой культуре / А. С. Ветушинский. – М. : Эксмо, 2021. – 272 с.
3. Золкина, А. В. Оценка востребованности применения геймификации как инструмента повышения эффективности образовательного процесса / А. В. Золкина, Н. В. Ломоносова, Д. А. Петрусевич // *Science for Education Today*. – 2020. – № 3. – С. 127–140.
4. Геймификация в современном образовательном процессе / Н. В. Быстрова, Н. А. Бакулина, А. В. Гнездин, А. В. Угарова // *Журнал прикладных исследований*. – 2022. – Т. 5, № 6. – С. 416–425.
5. Маленкова, Л. А. Понятие «игровая индустрия» в контексте Республики Корея / Л. А. Маленкова // *Корееведение в России: направление и развитие* : сб. ст. / Центр исследований Кореи. – М., 2023. – С. 109–115.
6. Осеткин, С. О. Компьютерная игра как способ коммуникации / С. О. Осеткин // *Теория и история культуры* : сб. ст. / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – 2023. – С. 139–147.
7. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // *Новая технократическая волна на Западе*. – М. : Прогресс, 1986. – С. 330–342.
8. Кислач, А. О. Геймификация и цифровизация образования в Беларуси / А. О. Кислач // *Цифровые технологии и бизнес: материалы 79-й студ. науч.-техн. конф.*, Минск, 17 мая 2023 г. / сост. М. Г. Карасёва ; Бел. нац. техн. ун-т. – Минск : БНТУ, 2023. – С. 50–53.

Поступила 17.09.2025

SOME DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF THE STATE POLICY
OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE FIELD
OF THE VIDEO GAME INDUSTRY AND GAMIFICATION

V. Khomich

homichwww@gmail.com

The Institute of Economics of the NASB

Minsk, Republic of Belarus

D. Bondar

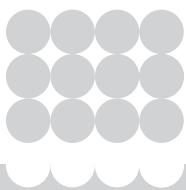
bondaran24@gmail.com

The Institute of Economics of the NASB

Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article discusses the main directions of improving the state policy of the Republic of Belarus in the field of the video game industry and gamification. The authors analyze the role and features of video games as an element of culture, their importance for political and cultural communication, characterize the current situation of the gaming industry in the Republic of Belarus, and conclude that there is no targeted government support and regulatory regulation of the industry. It provides foreign experience and suggests ways to adapt it, including the creation of a specialized fund to support the video game industry and the application of tax incentives. Special attention is paid to the potential of gamification in educational processes, and the prospects for its introduction into the national educational system are analyzed.

Keywords: video game industry, public policy, game development, gamification, cultural communication.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

<https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-137-146>

УДК 338.45:316.422

JEL C00, L60, O30

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ОРГАНИЗАЦИЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Н. В. Стома

stomanina0@gmail.com

Институт экономики НАН Беларуси

г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В условиях глобальных преобразований модели экономического развития инновации становятся основной движущей силой экономического роста, существенно влияя на конкурентоспособность и прибыльность предприятий. В работе представлена методика оценки реализации инновационного потенциала организаций промышленности на основе трех показателей: «Инновационная активность», «Инновационная результативность» и «Инновационная конкурентоспособность», что позволяет оценить инновационный потенциал отраслей через условия стабильности развития и уровня инновационности в последующем применении для разработки предложений по улучшению инновационного состояния предприятий.

Ключевые слова: инновационный потенциал, промышленность, метод нормализации данных, инновационная активность, инновационная результативность, инновационная конкурентоспособность.

Для цитирования: Стома, Н. В. Методика оценки реализации инновационного потенциала организаций промышленности / Н. В. Стома // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / НАН Беларуси, Ин-т экономики. – 2025. – Вып. 11. – С. 137–146. – <https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-137-146>.

Введение

В научный оборот термин «инновация» был введен Йозефом Шумпетером; основное положение, которое приводится в «Теории экономического развития», заключается в том, что инновации и их внедрение в промышленную и хозяйственную жизнь способны привести к экономическому росту, повышению благосостояния и процветания нации [1]. Взаимосвязь инновационной деятельности и промышленной политики отражены в работах белорусских авторов: Ю. А. Волковой, Д. В. Мухи, Л. Н. Нехорошевой, Е. В. Пресняковой, А. В. Шумилины [2–6].

Соответственно, инновации являются главным средством обеспечения конкурентоспособности продукции, а понимание главных сил, движущих инно-

вационную деятельность предприятий, может быть с успехом использовано в целях повышения экономических показателей предприятия и, как итог, становления инновационной модели страны [7]. В связи с этим нами разработана методика оценки реализации инновационного потенциала организаций промышленности на основе трех показателей: «Инновационная активность», «Инновационная результативность» и «Инновационная конкурентоспособность».

Результаты и их обсуждение

В разработанной методике данные по каждому показателю рассчитаны на основе статистической отчетности показателей промышленности в разрезе видов экономической деятельности и с учетом наличия объема необходимых данных в статистических изданиях и обеспечения их сопоставимости выбран период с 2016 по 2021 г. Для обеспечения сопоставимости разнородных показателей выбран метод нормализации Min-Max, при котором осуществляется преобразование данных в диапазоне $[0...1]$, где минимальное и максимальное масштабируемые значения соответствуют 0 и 1 соответственно.

Также разработана шкала сопоставления полученных результатов (табл. 1).

Таблица 1. Шкала стабильности и инновационности

Низкая	Средняя (низкого уровня)	Средняя (высокого уровня)	Высокая
0,0–0,25	0,26–0,50	0,51–0,75	0,76–1,0

Разработанная шкала разбита на четыре категории для оценки показателей за оцениваемый период: чем ближе показатель к значению 1, тем стабильнее значение, без резких колебаний. Также в отношении инновационной деятельности: чем ближе к значению 1, тем инновационнее вид экономической деятельности.

Данные для оценки показателя «Инновационная активность» представлены уровнем инновационной активности организаций промышленности (удельный вес организаций, осуществлявших затраты на инновации, в общем числе обследованных организаций).

На основе применения метода нормализации результат преобразования данных позволил определить уровень стабильности показателя «Инновационная активность» в период 2016–2021 гг. и была рассмотрена непосредственно динамика за период, чтобы учесть возрастающую или снижающуюся тенденцию (табл. 2). «Производство вычислительной, электронной и оптической аппаратуры» продемонстрировало наибольший уровень стабильности, но за шестилетний период фактический прирост составил 0,6 п. п. Для сравнения: значение «производство электрооборудования» показало наибольшие колебания за оцениваемый период, но фактический удельный вес инновационно-активных организаций этого вида экономической деятельности прирост на 14,1 п. п.

Таблица 2. Уровень стабильности «Инновационной активности» по годам и инновационности по видам экономической деятельности

Показатель	По годам		По видам
	Среднее значение	Динамика	Среднее значение
Обрабатывающая промышленность	0,31	15,9	0,27
Производство вычислительной, электронной и оптической аппаратуры	0,49	0,6	0,94
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	0,47	4,3	0,58
Производство транспортных средств и оборудования	0,45	6,7	0,68
Металлургическое производство. производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	0,43	18,0	0,27
Производство текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха	0,40	13,9	0,07
Производство кокса и продуктов нефтепереработки	0,40	2,4	0,48
Производство основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов	0,35	-17,0	0,97
Производство химических продуктов	0,34	16,8	0,52
Производство изделий из дерева и бумаги; полиграфическая деятельность и тиражирование записанных носителей информации	0,33	12,8	0,00
Производство продуктов питания, напитков и табачных изделий	0,32	25,8	0,23
Производство прочих готовых изделий; ремонт, монтаж машин и оборудования	0,30	10,3	0,02
Производство резиновых и пластмассовых изделий, прочих неметаллических минеральных продуктов	0,28	17,2	0,12
Производство электрооборудования	0,26	14,1	0,63

Примечание. Таблица составлена на основе ¹.

По результатам оценки видов экономической деятельности все они отнесены к средней (низкого уровня) стабильности. Стоит отметить, что и общий показатель обрабатывающей промышленности имел колеблющуюся тенденцию и продемонстрировал прирост за шестилетний период на 15,9 п. п., при этом наибольший прирост продемонстрировало «производство продуктов питания, напитков и табачных изделий» – 25,8 п. п.

Результат преобразования исходных данных также позволил оценить показатель «Инновационной активности» в разрезе видов экономической деятельности. На протяжении оцениваемого периода «производство основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов» имело наибольший

¹ Национальный статистический комитет Республики Беларусь : [сайт]. URL: <https://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 28.07.2025).

удельный вес инновационно-активных предприятий. Высокий показатель наблюдается и у «производство вычислительной, электронной и оптической аппаратуры». Эти два вида экономической деятельности можно отнести к высоко инновационным на основании шкалы значений (0,76–1,0).

Среди видов экономической деятельности с низкой инновационной активностью отмечены «производство текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха», «производство прочих готовых изделий; ремонт, монтаж машин и оборудования», «производство изделий из дерева и бумаги; полиграфическая деятельность и тиражирование записанных носителей информации». За оцениваемый период они демонстрируют наименьший удельный вес инновационно-активных предприятий.

Исходные данные для оценки показателя «Инновационная результативность» представлены удельным весом отгруженной инновационной продукции (работ, услуг) в общем объеме отгруженной продукции (работ, услуг). Результат нормализации данных по годам и видам экономической деятельности позволил определить следующие зависимости (табл. 3). Значение «производства кокса и продуктов нефтепереработки» демонстрирует наибольшую стабильность тенденции за оцениваемый период, но при этом ее динамика отрицательная. По шкале значений стабильности этот вид экономической деятельности стоит относить к средней (высокого уровня). К этой же категории (0,51–0,75) относятся «производство транспортных средств и оборудования», «металлургическое производство; производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования», «производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки», «производство прочих готовых изделий; ремонт, монтаж машин и оборудования».

Таблица 3. Уровень стабильности показателя «Инновационная результативность» по годам и инновационности по видам экономической деятельности

Показатель	По годам		По видам
	Среднее значение	Динамика	Среднее значение
Обрабатывающая промышленность	0,40	3,5	0,33
Производство кокса и продуктов нефтепереработки	0,70	-2,5	1,00
Производство транспортных средств и оборудования	0,55	0,2	0,70
Металлургическое производство, производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	0,54	6,1	0,28
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	0,51	5,0	0,52
Производство прочих готовых изделий; ремонт, монтаж машин и оборудования	0,51	2,8	0,00
Производство основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов	0,45	11,6	0,28
Производство химических продуктов	0,43	1,9	0,05

Окончание табл. 3

Показатель	По годам		По видам
	Среднее значение	Динамика	Среднее значение
Производство электрооборудования	0,43	3,1	0,24
Производство вычислительной, электронной и оптической аппаратуры	0,42	18,0	0,74
Производство продуктов питания, напитков и табачных изделий	0,41	0,8	0,02
Производство изделий из дерева и бумаги; полиграфическая деятельность и тиражирование записанных носителей информации	0,39	0,5	0,07
Производство резиновых и пластмассовых изделий, прочих неметаллических минеральных продуктов	0,39	3,0	0,12
Производство текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха	0,34	1,7	0,07

Примечание. Таблица составлена на основе ¹.

«Производство текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха» демонстрирует значительные колебания, поэтому относится к категории средней стабильности низкого уровня. Примечательно, что при достаточно нестабильной тенденции «производство основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов» имеет прирост показателя на 11,6 п. п., а «производство вычислительной, электронной и оптической аппаратуры» – на 18,0 п. п. Полученные результаты свидетельствуют о приращении удельного веса инновационной продукции в общем объеме отгрузки по этим видам экономической деятельности.

Оценка показателя «Инновационная результативность» в разрезе видов экономической деятельности показала следующие результаты:

Показатель «производство кокса и продуктов нефтепереработки» за период 2016–2021 гг. имели наибольшую долю отгруженной инновационной продукции, что свидетельствует о высоком уровне инновационности.

К категории средней (высокого уровня) инновационности можно отнести «производство вычислительной, электронной и оптической аппаратуры», «производство транспортных средств и оборудования», «производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки».

По направлениям показателей «производство химических продуктов», «производство продуктов питания, напитков и табачных изделий», «производство прочих готовых изделий; ремонт, монтаж машин и оборудования» удельный вес отгрузки инновационной продукции минимальный.

Исходные данные для оценки показателя «Инновационная конкурентоспособность» представлены удельным весом отгруженной инновационной

¹ URL: <https://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 28.07.2025).

продукции (работ, услуг) новой для мирового рынка в общем объеме отгруженной инновационной продукции (работ, услуг). Результат нормализации данных по годам и видам экономической деятельности позволил определить следующие зависимости (табл. 4). «Производство резиновых и пластмассовых изделий, прочих неметаллических минеральных продуктов» показало среднюю стабильность (высокого уровня). Следует отметить, что многие виды экономической деятельности имеют негативную тенденцию по отгрузке инновационной продукции на внешние рынки. В целом обрабатывающая промышленность продемонстрировала средний уровень колебаний значений за 2016–2021 гг. при снижении отгрузки на 4,8 п. п.

Таблица 4. Уровень стабильности «Инновационная конкурентоспособности» по годам и инновационности по видам экономической деятельности

Показатель	По годам		По видам
	Среднее значение	Динамика	Среднее значение
Обрабатывающая промышленность	0,58	–4,8	0,60
Производство резиновых и пластмассовых изделий, прочих неметаллических минеральных продуктов	0,76	7,7	0,67
Производство кокса и продуктов нефтепереработки	0,61	–7,5	0,49
Производство химических продуктов	0,54	–17,0	0,81
Производство прочих готовых изделий; ремонт, монтаж машин и оборудования	0,53	30,2	0,79
Производство изделий из дерева и бумаги; полиграфическая деятельность и тиражирование записанных носителей информации	0,51	–31,0	0,78
Металлургическое производство. Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	0,51	–1,5	0,94
Производство текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха	0,45	3,3	0,54
Производство вычислительной, электронной и оптической аппаратуры	0,44	18,1	0,83
Производство основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов	0,4	10,9	0,00
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	0,38	–4,5	0,87
Производство электрооборудования	0,33	8,6	0,57
Производство транспортных средств и оборудования	0,33	–25,0	0,67
Производство продуктов питания, напитков и табачных изделий	0,32	12,9	0,30

Примечание. Таблица составлена на основе ¹.

¹ URL: <https://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 28.07.2025).

По отгрузке инновационной продукции на внешние рынки лидируют и относятся к категории высоко инновационных «металлургическое производство, производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования», «производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки», «производство вычислительной, электронной и оптической аппаратуры». Среди всех видов экономической деятельности низкий уровень у «производства основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов».

Полученные результаты исследования внесены в табл. 5 на основании значений в соответствии со шкалой сопоставления полученных результатов (см. табл. 1).

Таблица 5. Результаты оценки показателей по соотношению к категориям

Показатель	ИА		ИР		ИК	
	<i>t</i>	<i>n</i>	<i>t</i>	<i>n</i>	<i>t</i>	<i>n</i>
Обрабатывающая промышленность	сред. (н.у.)	сред. (н.у.)	сред. (н.у.)	сред. (н.у.)	сред. (в.у.)	сред. (в.у.)
Производство продуктов питания, напитков и табачных изделий	сред. (н.у.)	низкая	сред. (н.у.)	низкая	низкая	сред. (н.у.)
Производство текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха	сред. (н.у.)	низкая	сред. (н.у.)	низкая	сред. (н.у.)	сред. (в.у.)
Производство изделий из дерева и бумаги; полиграфическая деятельность и тиражирование записанных носителей информации	сред. (н.у.)	низкая	сред. (н.у.)	низкая	сред. (в.у.)	высокая
Производство кокса и продуктов нефтепереработки	сред. (н.у.)	сред. (н.у.)	высокая	высокая	сред. (в.у.)	сред. (н.у.)
Производство химических продуктов	сред. (н.у.)	сред. (в.у.)	сред. (н.у.)	низкая	сред. (в.у.)	высокая
Производство основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов	сред. (н.у.)	высокая	сред. (н.у.)	сред. (н.у.)	высокая	низкая
Производство резиновых и пластмассовых изделий, прочих неметаллических минеральных продуктов	сред. (н.у.)	низкая	сред. (н.у.)	низкая	сред. (в.у.)	сред. (в.у.)
Металлургическое производство. Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	сред. (н.у.)	сред. (н.у.)	сред. (в.у.)	сред. (н.у.)	сред. (н.у.)	высокая
Производство вычислительной, электронной и оптической аппаратуры	сред. (н.у.)	высокая	сред. (н.у.)	сред. (в.у.)	сред. (н.у.)	высокая
Производство электрооборудования	сред. (н.у.)	сред. (в.у.)	сред. (н.у.)	низкая	сред. (н.у.)	сред. (в.у.)
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	сред. (н.у.)	сред. (в.у.)	сред. (в.у.)	сред. (н.у.)	сред. (н.у.)	высокая

Окончание табл. 5

Показатель	ИА		ИР		ИК	
	<i>t</i>	<i>n</i>	<i>t</i>	<i>n</i>	<i>t</i>	<i>n</i>
Производство транспортных средств и оборудования	сред. (н.у.)	сред. (в.у.)	сред. (в.у.)	сред. (в.у.)	сред. (н.у.)	сред. (в.у.)
Производство прочих готовых изделий; ремонт, монтаж машин и оборудования	сред. (н.у.)	низкая	сред. (в.у.)	низкая	сред. (в.у.)	высокая

Примечание: показатели ИА – «Инновационная активность»; ИР – «Инновационная результативность»; ИК – «Инновационная конкурентоспособность»; *t* – оценка по годам (стабильность); *n* – в разрезе видов экономической деятельности (инновационность); сред. (н.у.) – средняя (низкого уровня), сред. (в.у.) – средняя (высокого уровня) стабильность и инновационность.

Таким образом, можно отметить средний уровень стабильности и инновационности по обрабатывающей промышленности по показателям «Инновационная активность» и «Инновационная результативность». Данный результат описывает зависимость между видами деятельности и их уровнем развития.

Так, при оценке показателя «Инновационная активность» по годам все 13 видов экономической деятельности получили категорию «средняя (низкий уровень)» стабильность, а при оценке в разрезе всех видов экономической деятельности 4 вида получили категорию «низкая» при 6 видах с категориями «высокая» или «средняя (высокого уровня) инновационность».

Оценка показателя «Инновационная результативность» по годам представлена 4 видами в категории «средняя (высокого уровня)» и 1 видом «высокая» стабильность показателя против 8 видов в категории «средняя (низкого уровня)». В разрезе видов деятельности по данному показателю 7 отнесены к категории «низкая» инновационность.

Стоит отметить, что по показателю «Инновационная конкурентоспособность» уровень обрабатывающей промышленности оценен как «средняя (высокого уровня)» результативность.

5 видов экономической деятельности при оценке по годам отнесены к категории «средняя (высокого уровня)» стабильность и 1 вид – к «высокая». В сравнении между собой отмечены 6 категорий «высокая» результативность и 4 «средняя (высокого уровня)».

Для того чтобы сделать вывод об инновационной результативности, проведен анализ соотношения результирующих показателей к затратному. В табл. 6 представлены результаты оценки соотношения между собой показателей: «Инновационная результативность» / «Инновационная активность» и «Инновационная конкурентоспособность» / «Инновационная активность».

Результат позволил сравнить полученные средние значения по каждому виду экономической деятельности. При результате, превышающем 1, следует вывод, что удельный вес инновационной продукции в общем объеме превышает удельный вес инновационно-активных предприятий. То же можно

наблюдать в отношении удельного веса отгруженной инновационной продукции на внешние рынки.

Получается, что общая результативность обрабатывающей промышленности превышает ее уровень активности. Для тех видов экономической деятельности, показатели которых ниже 1, следует усилить разработку инновационной продукции и поставки на внешние рынки.

Таблица 6. Соотношение показателя результата и затрат

Показатель	ИР/ИА		ИК/ИА	
	<i>t</i>	<i>n</i>	<i>t</i>	<i>n</i>
Обрабатывающая промышленность	1,28	1,20	1,85	2,21
Производство продуктов питания, напитков и табачных изделий	1,27	0,08	0,98	1,30
Производство текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха	0,85	0,88	1,13	7,32
Производство изделий из дерева и бумаги; полиграфическая деятельность и тиражирование записанных носителей информации	1,18	0,00	1,56	0,00
Производство кокса и продуктов нефтепереработки	1,76	2,07	1,54	1,02
Производство химических продуктов	1,28	0,09	1,59	1,54
Производство основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов	1,29	0,29	1,15	0,00
Производство резиновых и пластмассовых изделий, прочих неметаллических минеральных продуктов	1,41	0,98	2,71	5,51
Металлургическое производство. Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	1,25	1,01	1,19	3,45
Производство вычислительной, электронной и оптической аппаратуры	0,86	0,79	0,90	0,89
Производство электрооборудования	1,68	0,38	1,29	0,91
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	1,08	0,89	0,80	1,50
Производство транспортных средств и оборудования	1,22	1,03	0,73	0,99
Производство прочих готовых изделий; ремонт, монтаж машин и оборудования	1,73	0,02	1,80	39,50

Примечание. Обозначения те же, что и в табл. 5.

Заключение

Таким образом, была оценена результативность инновационного потенциала обрабатывающей промышленности в разрезе видов экономической деятельности за период 2016–2021 гг.; выявлены тенденции развития при оценке таких показателей, как «Инновационная активность», «Инновационная результативность», «Инновационная конкурентоспособность».

Полученные результаты могут быть применены для разработки предложений по улучшению инновационного состояния промышленности на основе выявленных положительных и негативных тенденций.

Список использованных источников

1. Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия : пер. с нем. / Й. А. Шумпетер. – М. : Эксмо, 2007. – 867 с.
2. Волкова, Ю. А. Угрозы экономической безопасности промышленных организаций Республики Беларусь и обуславливающие их факторы / Ю. А. Волкова // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / НАН Беларуси, Ин-т экономики. – 2023. – Вып. 6. – С. 121–137.
3. Нехорошева, Л. Н. Формирование системы коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности организаций Республики Беларусь / Л. Н. Нехорошева, Ю. В. Нечепуренко // Белорусский экономический журнал. – 2024. – № 3 (108). – С. 19–34.
4. Муха, Д. Инвестиционная политика в интересах инновационного развития в рамках белорусской экономической модели / Д. Муха // Наука и инновации. – 2024. – № 12 (262). – С. 30–38.
5. Преснякова, Е. В. Методологические подходы к оценке уровня технологичности и инновационности с учетом современных тенденций ее развития / Е. В. Преснякова // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / Бел. нац. техн. ун-т. – Минск, 2021. – Вып. 13. – С. 93–102.
6. Шумилин, А. Г. Цель и механизмы развития инновационной сферы Республики Беларусь до 2025 года / А. Г. Шумилин // Журнал Белорусская думка. – 2021. – № 11. – С. 52–59.
7. Стома, Н. В. Инновационная активность предприятий – основа инновационной модели развития экономики Республики Беларусь / Н. В. Стома // Актуальные проблемы современных экономических систем – 2021 : сб. науч. тр. / Мин-во образования Респ. Беларусь, Брестский гос. техн. ун-т ; редкол.: А. Г. Проровский [и др.]. – Брест : БрГТУ, 2021. – С. 141–146.

Поступила 16.09.2025

METHODOLOGY FOR ASSESSING THE REALIZATION OF INNOVATIVE POTENTIAL OF INDUSTRIAL ORGANIZATIONS

N. Stoma

stomanina0@gmail.com

The Institute of Economics of the NASB

Minsk, Republic of Belarus

Abstract. In the context of global transformations, economic development models of innovation are becoming the main driving force of economic growth, significantly affecting the competitiveness and profitability of enterprises. In this regard, a methodology has been developed to assess the implementation of the innovative potential of industrial organizations based on three indicators: ‘Innovative activity’, ‘Innovative effectiveness’ and ‘Innovative competitiveness’. It allows us to assess the innovative potential of industries through the conditions of stable development and the level of innovation, in subsequent application to develop proposals to improve the innovative state of enterprises.

Keywords: innovation potential, industry, data normalization method, innovation activity, innovation effectiveness, innovation competitiveness.

<https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-147-158>

УДК 338.45(476.2)+330.43

JEL R11, C53, L60, O33

ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ: СТРУКТУРА, ДИНАМИКА, ПРОГНОЗ

Ю. А. Осипова

osipova@niei.by

НИЭИ Минэкономики Республики Беларусь

г. Минск, Республика Беларусь

О. В. Лепшова

lov8484@mail.ru

НИЭИ Минэкономики Республики Беларусь

г. Минск, Республика Беларусь

А. А. Бритова

6655570@mail.ru

НИЭИ Минэкономики Республики Беларусь

г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В статье проведен комплексный анализ промышленного комплекса Брестской области за 2016–2024 гг. Осуществлена апробация модели Хольта – Винтерса на основе ежемесячных статистических данных региона, демонстрирующая высокую точность прогнозирования динамики промышленности с горизонтом до середины 2026 г. Выявлены структурные проблемы и факторы, сдерживающие развитие отрасли. Даны предложения по устойчивому развитию отрасли. Сформирован рейтинг районов области по уровню промышленного развития.

Ключевые слова: регион, промышленность, экспорт, инновации, временной ряд, модель Хольта – Винтерса, прогноз.

Для цитирования: Осипова, Ю. А. Промышленный комплекс Брестской области: структура, динамика, прогноз / Ю. А. Осипова, О. В. Лепшова, А. А. Бритова // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / НАН Беларуси, Ин-т экономики. – 2025. – Вып. 11. – С. 147–158. – <https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-147-158>.

Введение

Брестская область – один из наиболее динамично развивающихся регионов, который обладает значительным промышленным потенциалом. Ключевым сектором экономики выступает обрабатывающая промышленность, обеспечивающая 87 % общего объема производства. Особое место занимает пищевая отрасль, доля которой составляет около половины регионального производства. На территории области функционируют крупные предприятия: в мясной промышленности – Брестский и Берёзовский мясокомбинаты, в молочной – СОАО «Беловежские сыры» и ОАО «Кобринский маслодельно-сыродельный завод», в рыбоперерабатывающей – СП ООО «Санта Бремор». Регион также

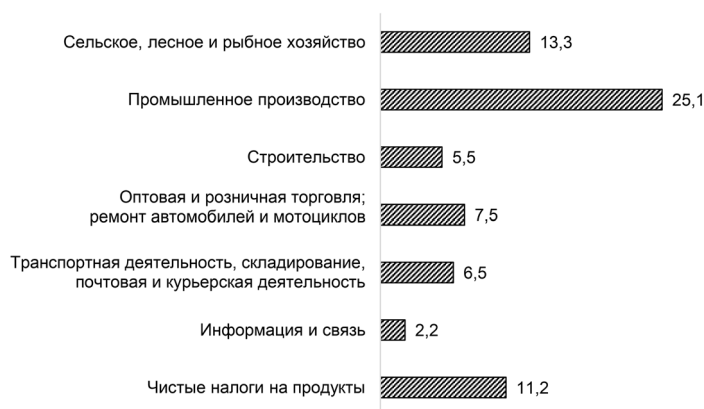

Рис. 1. Структура валового регионального продукта Брестской области по видам экономической деятельности, 2024 г., % к итогу

Примечание. Рисунок создан на основе ¹

известен своей специализацией в машиностроении и металлообработке, деревообработке, легкой и химической промышленности².

В республиканском рейтинге социально-экономического развития по ряду показателей регион входит в тройку лидеров, а деятельность промышленного комплекса Брестской области оказывает существенное влияние на формирование валового регионального продукта – более 25 % в 2024 г. (рис. 1).

Результаты и их обсуждение

Динамику развития промышленного производства Брестской области рассмотрим на примере показателей, представленных в табл. 1.

Таблица 1. Основные показатели деятельности промышленного комплекса Брестской области, 2016–2024 гг.

2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
<i>Число организаций промышленности, ед.</i>								
1788	1812	1831	1811	1816	1844	1820	1854	1967
<i>Среднесписочная численность работников, тыс. человек</i>								
117,6	116,8	116,6	116,2	113,8	113,8	112,5	112,2	113,7
<i>Доля области в республиканском объеме промышленной продукции, %</i>								
11,6	11,2	10,6	10,9	11,9	10,9	11,7	11,4	11,9

¹ Промышленный комплекс Брестской области // Брестский областной исполнительный комитет. URL: <https://brest-region.gov.by/ru/promyshlennost-309-ru/view/promyshlennyj-kompleks-brestskoj-oblasti-2000007018> (дата обращения: 30.07.2025).

² Национальный статистический комитет Республики Беларусь : [сайт]. URL: <https://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 01.10.2025).

Окончание табл. 1

2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
<i>Темп роста производства промышленной продукции, %</i>								
104,0	105,8	104,8	103,6	102,7	105,3	99,0	103,2	106,6
<i>Объем промышленного производства на одного жителя, руб.</i>								
6850,4	7629,8	8465,5	9335,5	10 508,3	12 894,7	15 209,6	16 302,0	19 062,9
<i>Удельный вес отгруженной инновационной продукции (работ, услуг) в общем объеме отгруженной продукции (работ, услуг) организаций промышленности, %</i>								
2,1	3,4	3,9	5,4	7,1	9,0	9,1	9,6	10,6
<i>Удельный вес отгруженной инновационной продукции (работ, услуг), новой для мирового рынка, в общем объеме отгруженной инновационной продукции (работ, услуг) организаций промышленности, %</i>								
9,1	12,0	2,5	2,9	2,3	2,2	1,1	1,2	8,5

Примечание. Таблица составлена на основе ¹.

За 2016–2024 гг. индекс роста промышленного производства в сопоставимых ценах составил 140,7 % (по республике – 128,1 %). Число промышленных предприятий в области выросло на 179 единиц – до 1967 организации, при этом среднесписочная численность работников имела тенденцию к сокращению. По объему промышленного производства в республиканском рейтинге Брестская область занимает пятое место с долей в 11,8 %.

Основным фактором роста промышленного производства выступило расширение мощностей в обрабатывающей промышленности. Так, на предприятии «Берёзовское» запущено импортозамещающее производство покровного грунта, который необходим, для выращивания шампиньонов; на торфобрикетном заводе «Гатча-Осовский» установлена новая производственная линия по отбору торфяной сушенки в автоцистерны, что позволит увеличить объем производства этой продукции вдвое (до 150–180 т/сут); на ОАО «Давид-Городокский электромеханический завод» реализован проект по выпуску литых пластиковых контейнеров для сбора твердых бытовых отходов².

Доля отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции предприятий промышленности региона демонстрирует устойчивый рост: с 2,1 % в 2016 г. до 10,6 % в 2024 г. Отмечено увеличение доли инновационной продукции, новой для мирового рынка (с 2,5 % в 2018 г. до 8,5 % в 2024 г.), что выше республиканской динамики. В целом по Беларуси показатель изменился с 1,6 % в 2018 г. до 3,9 % в 2024 г.

В целях активизации инновационной составляющей региона реализуются следующие инновационные проекты: на ОАО «Кузлитмаш» продолжается

¹ URL: <https://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 01.10.2025).

² Итоги социально-экономического развития Брестской области за первое полугодие 2023 года. URL: <https://ivanovo.brest-region.gov.by/ru/informirru-ru/view/itogi-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-brestskoj-oblasti-za-pervoe-polugodie-2023-goda-2000003856> (дата обращения: 19.07.2025).

освоение производства прессов универсальных кривошипных горячештамповочных усилием до 25 МН с расширенными технологическими возможностями; ЗАО «АМКОДОР-Пинск» занимается организацией производства инновационных вибрационных самоходных катков; в Ганцевичах в филиале «РНПЦ трансфузиологии и медицинских биотехнологий» продолжается проект по организации биофармацевтического производства лекарственных средств на основе рекомбинантных технологий и фракционирования плазмы крови, соответствующего требованиям GMP, и возведение производственного модуля на переработку 25 т плазмы крови; в г. Пинске на ОАО «Полесье» внедряется инновационная технология безверетенного способа прядения с возможностью переработки возвратных отходов; в г. Бресте на ЗАО «Брестский научно-технологический парк» продолжается организация производств насосов из композитных материалов, сложных 3D литьевых форм, робототехнических комплексов для предприятий перерабатывающей промышленности и предприятий с серийным производством¹.

Брестская область стабильно демонстрирует высокий экспортный потенциал, ежегодно удерживая лидирующие позиции среди регионов Республики Беларусь по удельному весу потребительских товаров в общем объеме экспорта. В 2024 г. данный показатель составил 70,1 %, что свидетельствует о значительной ориентации внешней торговли региона на товары конечного спроса (рис. 2).

В 2024 г. наблюдался наибольший прирост доли продовольственных товаров региона в общереспубликанском объеме их экспорта – на 5,8 п. п. по сравнению с 2015 г., что превосходит динамику аналогичных показателей в других областях и г. Минске (рис. 3). Это отражает усиливающееся значение области в формировании продовольственной составляющей национального экспорта.

За период 2015–2024 гг. экспорт товаров в регионе вырос в 2,1 раза и составил 3841,4 млн долл. США, или 9,5 % в республиканском объеме экспорта товаров (в 2015 г. – 6,7 %). Сальдо внешней торговли товарами за этот период имело положительное значение, превышение экспорта товарами над импортом находилось в диапазоне в 1,2–1,9 раза. В 2024 г. экспортные поставки осуществлялись на рынки 92 государств. Ежегодно ведущими экспортерами области являются ОАО «Савушкин продукт», ООО СП «Санта-Бремор», ОАО «Брестский мясокомбинат», ОАО «Берёзовский мясокомбинат», ОАО «Птицефабрика «Дружба», ОАО «Жабинковский сахарный завод», ОАО «Белсолод»

¹ Об изменении постановления Совета Министров Республики Беларусь от 12 ноября 2021 г. № 642 : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 11 июля 2025 г. № 380 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500380> (дата обращения: 07.10.2025) ; Отчет о проработке цифровой экосистемы на основе опыта Брестского технопарка с рекомендациями для стран ЕАЭС. URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/otchet.pdf> (дата обращения: 19.07.2025).

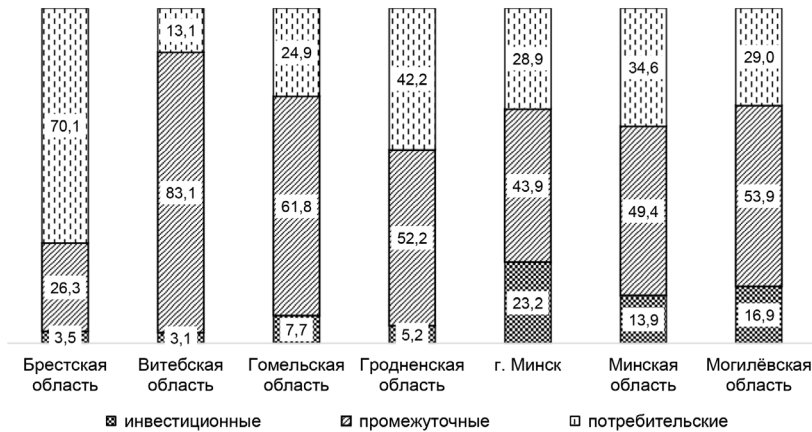

Рис. 2. Структура экспорта товаров областей и г. Минска по отдельным группам товаров, 2024 г., %.

Примечание. Рисунок создан на основе ¹

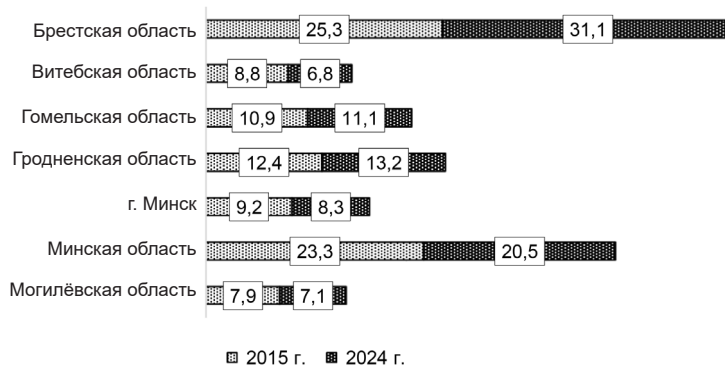

Рис. 3. Удельный вес экспорта продовольственных товаров регионов и г. Минска в республиканском экспорте продовольственных товаров, 2015 и 2024 г., %.

Примечание. Рисунок создан на основе ²

за счет освоения новых рынков в Африке. Основные торговые партнеры – Россия, Казахстан, Польша, Китай и Узбекистан³.

Значительный вклад в развитие промышленности Брестской области вносят резиденты СЭЗ «Брест». Они сформировали в 2024 г. 20,4 % объемов выпускаемой промышленной продукции области и более 27 % экспорта товаров.

¹ URL: <https://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 18.08.2025).

² Там же.

³ URL: <https://ivanovo.brest-region.gov.by/ru/informirru-ru/view/itogi-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-brestskoj-oblasti-za-pervoe-polugodie-2023-goda-2000003856> (дата обращения: 19.07.2025) ; Региональная стратегия устойчивого развития Брестской области (на период до 2040 года). URL: <https://www.brest-region.gov.by/uploads/files/Proekt-Strategii-1.pdf> (дата обращения: 19.07.2025).

Лидирующие позиции среди экспортеров занимают такие предприятия-резиденты, как «Санта Бремор», «Гефест-Техника», «СТиМ Брест», «ПП Полесье», «Ивацевичдрев», «ПРОФИЛИ ВОКС», «БРВ-Брест», «Инволюкс», «АНРЭКС», «Инко-ФУД». Компании – резиденты СЭЗ активно участвуют в реализации инновационных и инфраструктурных проектов, способствуя привлечению инвестиций, созданию новых рабочих мест и развитию региона. Многие из реализованных проектов ориентированы на внешние рынки, что позволяет укрепить позиции Брестской области на международном рынке¹.

Построение прогнозной модели Хольта – Винтерса. В современном исследовательском дискурсе динамика промышленного производства выступает одним из ключевых индикаторов социально-экономического развития и циклических процессов в экономике. Несмотря на широкий спектр работ отечественных и зарубежных авторов, большинство из них сосредоточено на анализе на уровне национальной экономики, тогда как региональный аспект динамики промышленности в Республике Беларусь остается практически не изученным. Разработка адекватных моделей описания временных рядов промышленного индикатора и получение достоверных прогнозных значений представляют собой актуальную как теоретическую, так и практическую задачу, поскольку результаты таких исследований могут быть использованы для обоснованного принятия управленческих решений на региональном уровне.

Цель работы – разработать прогностическую модели динамики промышленного производства Брестской области на основе анализа временных рядов с использованием методов машинного обучения и библиотек языка Python (таких как pandas, statsmodels, scikit-learn) в среде разработки Google Colab².

Для проведения анализа динамики и получения прогноза был построен временной ряд промышленности по Брестской области по месяцам за 2016–2024 гг. на основе данных Белстата³. Для оценки реальной динамики промышленности без влияния инфляционного фактора выполнен пересчет показателей в сопоставимые цены января 2016 г. путем сопоставления данных в текущих ценах и данных в процентном выражении промышленности в сопоставимых ценах к предыдущему периоду. Исходные данные сохранены в Colab как временной ряд помесечный с именем Series1, имеющий 108 наблюдений [1].

График ряда промышленности при визуальном анализе временного ряда отражает его стационарность (рис. 4).

Анализ декомпозиции позволяет увидеть, что временной ряд характеризуется устойчивым ростом, выраженной сезонностью с годовой периодичностью и сравнительно небольшим уровнем нерегулярных колебаний. Такая структура позволяет использовать подходы прогнозирования, учитывающие

¹ СЭЗ «Брест». URL: <https://fezbrest.com/minekonomiki-v-2024-m-realizovano-44-proekta-v-ramkax-inicziativyi-%C2%ABodin-rajon-%E2%80%93-odin-proekt/> (дата обращения: 30.07.2025).

² Prashant111. Complete Guide on Time Series Analysis in Python. Kaggle. URL: <https://www.kaggle.com/code/prashant111/complete-guide-on-time-series-analysis-in-python/notebook> (дата обращения: 30.07.2025).

³ URL: <https://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 18.08.2025).

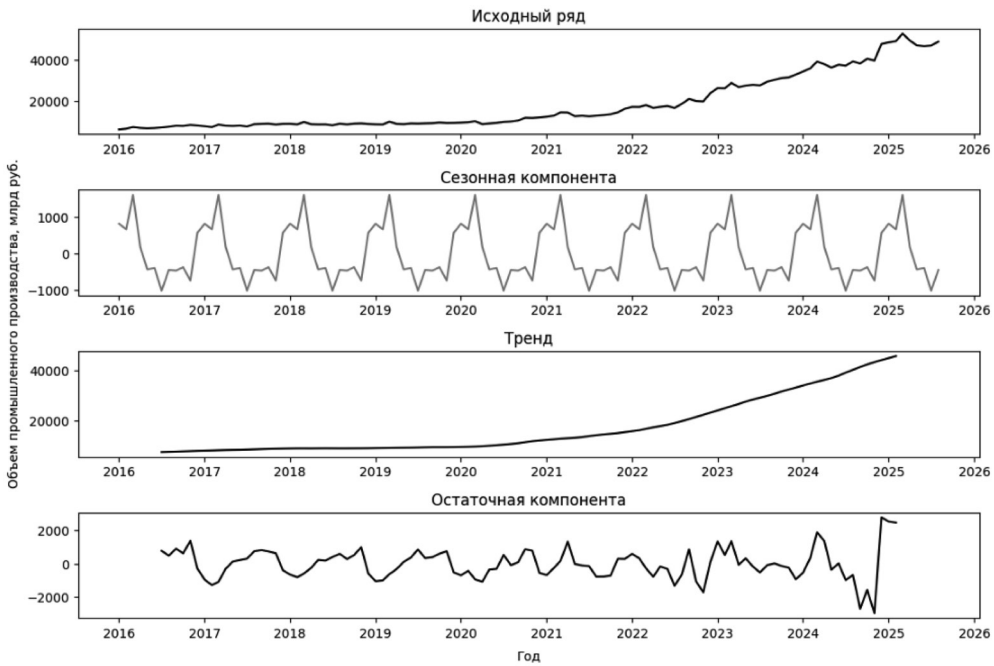

Рис. 4. Динамика промышленности в сопоставимых ценах по Гомельской области, 2016–2024 гг. и январь – сентябрь 2025 г. (помесячные данные), и ее аддитивная декомпозиция в Colab (с помощью функции `seasonal_decompose` из модуля `statsmodels.tsa.seasonal`).

Примечание. Рисунок создан на основе ¹

сезонные и трендовые компоненты для более точного моделирования будущих значений ряда.

Декомпозиция ряда подтверждает наличие в его динамике годовой сезонной компоненты и тренда, немного растущего до середины 2021 г., далее сильно возрастающего до 2024 г. и практически стабилизировавшегося после него. Определяется и характер динамики сезонной компоненты: рост в течение года с некоторым спадом в середине и ближе к окончанию года.

Графики, изображенные на рис. 4, наглядно демонстрируют тенденции развития промышленности за анализируемый период в области. Они явились следствием тех же причин, под влиянием которых складывалась макроэкономическая ситуация в Республике Беларусь за указанный период. В сфере промышленности в середине 2022 г. наблюдались негативные тенденции, связанные, в частности, с высоким уровнем инфляции; нестабильной экономической ситуацией, низким спросом на промышленную продукцию на внешних рынках и сложностями с проведением расчетов; внешнеэкономической несбалансированностью. Влияние указанных негативных тенденций в той или иной степени сказывалось на динамике промышленности на протяжении последующих анализируемых периодов.

¹ URL: <https://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 18.08.2025).

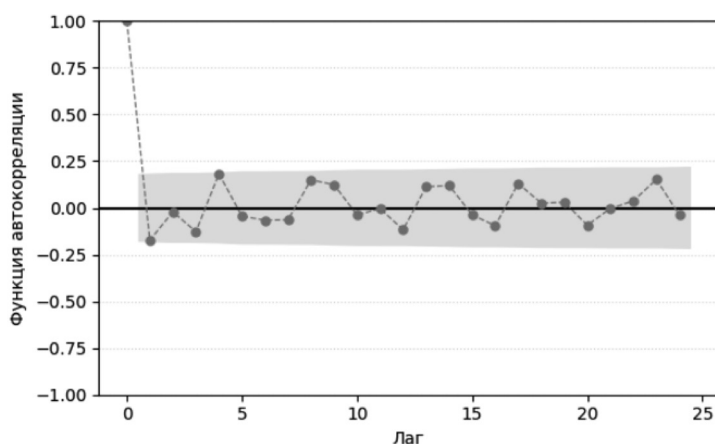

Рис. 5. Функция автокорреляции (ACF) остатков модели Хольта – Винтерса (серый фон – доверительный интервал)

Построим модель Хольта – Винтерса для данного временного ряда, предварительно проанализировав автокорреляционную функцию (ACF) остатков модели Хольта – Винтерса (рис. 5).

При лаге 0 автокорреляция всегда равна 1, что видно на графике. Это нормальное явление, так как каждый элемент полностью коррелирует с самим собой. Начиная с лага 1 и далее, большинство значений автокорреляции располагается в пределах доверительного интервала (затемненная область вокруг нуля). Это указывает на отсутствие статистически значимой автокорреляции в остатках модели. Фактически, если значения корреляции для остальных лагов не выходят за пределы этих границ, можно заключить, что остатки ведут себя как белый шум. Это говорит о том, что ошибки модели ведут себя как белый шум, т. е. не содержат систематических зависимостей, не нарушают предположения модели и подтверждают адекватность построенного прогноза.

Прогнозные значения отображены на рис. 6; числовые значения оформлены в табл. 2.

Таблица 2. Прогнозные значения объемов промышленного производства, млрд руб.*

Дата	2025-04	2025-05	2025-06	2025-07	2025-08	2025-09	2025-10	2025-11	2025-12
Факт	49 087,5	46 780,4	46 406,2	46 684,6	48 552,0	50 445,5	–	–	–
Прогноз	49 627,9	48 378,0	49 023,9	47 499,9	49 163,7	48 998,6	51 916,9	51 669,0	57 550,4
Дата	2026-01	2026-02	2026-03	2026-04	2026-05	2026-06	2026-07	2026-08	2026-09
Прогноз	57 632,6	57 949,8	60 804,8	57 487,9	55 695,6	56 350,4	56 969,1	59 137,9	59 644,2

Примечание. Таблица составлена на основе ¹.

*В ценах 2016 г.

¹ URL: <https://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 27.11.2025).

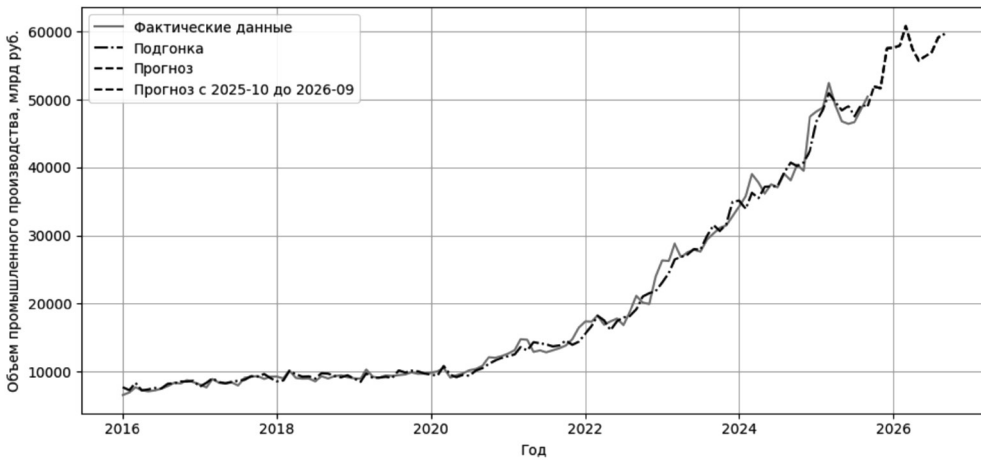

Рис. 6. Прогнозная модель Хольта – Винтерса ряда промышленности Брестской области, 2016–2024 гг. и январь – сентябрь 2025 г. (помесячные данные)

На основе представленных результатов можно сделать следующие выводы о модели Хольта – Винтерса для данного временного ряда:

- точность прогноза: MAPE равен 3,5 % – в среднем абсолютная процентная ошибка модели составляет менее 4 % от истинных значений, что говорит о высокой точности прогнозирования;

- RMSE (средний квадрат ошибки) равен 743,55 и зависит от масштаба исходных данных; оценка релевантна в сравнении с самой величиной наблюдаемого ряда;

- MAE (средняя абсолютная ошибка) равна 523,15 и интерпретируется аналогично RMSE, но менее чувствительна к выбросам;

- тест Льюнга – Бокса на автокорреляцию остатков позволяет проверить, являются ли остатки модели «белым шумом» или в них остается автокорреляция. Значение статистики теста ($lb_stat \approx 13,36$) соответствует p -value $\approx 0,343$. При p -value, значительно превышающем 0,05, мы не отвергаем нулевую гипотезу о том, что остатки представляют собой белый шум. Это означает, что ошибки модели случайны и не содержат систематических зависимостей, что подтверждает корректность выбранной модели;

- сочетание низкого MAPE, приемлемого MAE и результатов теста Льюнга – Бокса (при условии, что p -value выше критического уровня) позволяет утверждать, что модель Хольта – Винтерса адекватно описывает временной ряд. Она успешно выделяет как трендовую, так и сезонную компоненты, а остатки не содержат автокорреляции, что подтверждает корректность построенного прогноза.

Факторы, которые могут оказывать влияние на развитие промышленного производства в регионе: продолжающаяся на протяжении ряда последних лет стагнация ряда крупных предприятий региона (к таким предприятиям можно

отнести ОАО «Брестский электромеханический завод», ОАО «Брестский электроламповый завод», ОАО «Экзон-Глюкоза», ОАО «Искож», ОАО «Бархим», ОАО «Давид-Городокский электромеханический завод»); деятельность валобразующих предприятий сильно зависит от внешней конъюнктуры либо заказов основных потребителей (ОАО «БПХО», ОАО «Полесье», ОАО «Кузлитмаш», ЗАО «Амкодор-Пинск» и др.); высокая энерго- и материалоемкость продукции, высокая степень износа основных фондов (особенно по предприятиям республиканского подчинения), все еще недостаточная инновационная активность предприятий; затягивание и перенос (на различных уровнях) сроков реализации инвестиционных (инновационных) проектов¹.

Дальнейшее динамичное развитие промышленного комплекса Брестской области и конкурентоспособность производимой продукции будут обеспечиваться за счет своевременного технического перевооружения, модернизации, роста производительности труда, повышения качества выпускаемой продукции, расширения экспортного потенциала, проведения инновационной и импортозамещающей политики, снижения затрат, создания новых рабочих мест и сохранения занятых в данной сфере, повышения уровня оплаты труда.

Рейтинг на основе многомерной средней. Рассмотрим промышленный потенциал Брестской области в разрезе 16 районов и городов областного подчинения за 2023 г. Произведем оценку уровня развития промышленного производства районов на основе метода многомерной средней [2].

Составим рейтинг районов по интегральному индексу по средней, предварительно отобрав такие показатели, как:

- среднесписочная численность работников, человек;
- объем промышленного производства в текущих ценах, млн руб.;
- экспорт товаров, тыс. долл. США;
- номинальная заработная плата в промышленности, тыс. руб.

В результате проведенной оценки получены следующие результаты (табл. 3).

Таблица 3. Рейтинг районов Брестской области по показателям промышленности методом многомерной средней

Районы и города областного подчинения	Интегральный индекс	Районы и города областного подчинения	Интегральный индекс
г. Брест	0,9741	Жабинковский	0,1976
Берёзовский	0,3321	Каменецкий	0,1957
Лунинецкий	0,3165	Пружанский	0,1407
г. Пинск	0,3042	Ивановский	0,1132
г. Барановичи	0,2594	Столинский	0,0847
Кобринский	0,2183	Ляховичский	0,0842
Брестский	0,2087	Ивацевичский	0,0777

¹ URL: <https://www.brest-region.gov.by/uploads/files/Proekt-Strategii-1.pdf> (дата обращения: 19.07.2025).

Окончание табл. 3

Районы и города областного подчинения	Интегральный индекс	Районы и города областного подчинения	Интегральный индекс
Барановичский	0,0745	Ганцевичский	0,0036
Дрогичинский	0,0267	Малоритский	0,0005
Пинский	0,0111	–	–

Примечание. Таблица составлена на основе ¹.

Таким образом, анализ рейтинга районов Брестской области по интегральному индексу показал, что лидером является г. Брест, значительно опережая все остальные районы. Это свидетельствует о высокой концентрации промышленного производства, занятости, экспорта и уровня оплаты труда. Группу развитых регионов и городов составляют Берёзовский и Лунинецкий районы, города Пинск и Барановичи, для которых характерны высокие показатели объемов промышленности и экспорта. Низкие позиции рейтинга заняли экономически слабые регионы – Дрогичинский, Пинский, Ганцевичский и Малоритский районы.

Заключение

В статье проведен комплексный анализ промышленного комплекса Брестской области за 2016–2024 гг. Установлено, что существенный вклад в развитие отрасли обеспечили расширение мощностей обрабатывающих производств, рост экспортной активности и реализация инновационных проектов, включая деятельность резидентов СЭЗ «Брест». Построенная модель Хольта – Винтерса продемонстрировала высокую точность и отсутствие автокорреляции в остатках, что подтверждает ее адекватность и позволяет делать обоснованный ежемесячный прогноз до середины 2026 г.

Для устойчивого развития региона необходимо ускорить техническое перевооружение предприятий, усилить инновационную и импортозамещающую политику, стимулировать кадровое обновление, особенно в инженерных профессиях, совершенствовать логистические цепочки и снизить энерго- и материалоемкость производства; развивать локальные промышленные кластеры; обеспечивать институциональную поддержку привлечения инвестиций.

Список использованных источников

1. Цехан, О. Б. Прогнозирование динамики инвестиций в основной капитал по Гродненской области на основе ARIMA-модели / О. Б. Цехан, Т. В. Селюжицкая // Экономика. Моделирование. Прогнозирование / Науч.-исслед. эконом. ин-т Мин-ва экономики Респ. Беларусь. – Минск : НПУ НИИ Минэкономики Респ. Беларусь, 2018. – Вып. 12. – С. 291–300.
2. Многомерные группировки // Статистические группировки [электронные учебные материалы]. – URL: https://studbooks.net/1755663/ekonomika/mnogomernye_gruppirovki (дата обращения: 19.07.2025).

Поступила 31.07.2025

¹ URL: <https://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 18.08.2025).

THE INDUSTRIAL COMPLEX OF BREST REGION:
STRUCTURE, DYNAMICS, FORECAST

Yu. Osipova

osipova@niei.by

The Economy Research Institute
of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

O. Lepshova

lov8484@mail.ru

The Economy Research Institute
of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

A. Britova

6655570@mail.ru

The Economy Research Institute
of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the industrial sector of the Brest Region (Belarus) for the period 2016–2024. The Holt-Winters model was applied to monthly statistical data, demonstrating high accuracy in forecasting industrial dynamics up to mid-2026. Structural challenges and constraints hindering the sector's growth were identified, along with policy recommendations for sustainable development. Additionally, a ranking of the region's districts was compiled based on their level of industrial development.

Keywords: region, industrial development, export, innovation, time series, Holt – Winters mode, forecast.

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

<https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-159-167>

УДК 336.02

JEL E62

АКТУАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ, МЕТОДЫ И ТРЕНДЫ В НАЛОГООБЛОЖЕНИИ: РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ИХ ПРИМЕНЕНИЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В. Г. Герасимова

v.gerasimova.by@gmail.com

кандидат экономических наук

Институт экономики НАН Беларуси

г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В статье рассмотрены основные принципы, функции и методические подходы к налогообложению. Проанализированы актуальные тренды в мировой практике налоговой политики. С учетом проведенного анализа даны рекомендации по совершенствованию налогового законодательства в Республике Беларусь в целях обеспечения национальной экономической безопасности, эффективного социально-экономического развития и роста инвестиционного потенциала субъектов хозяйствования.

Ключевые слова: налоги, налогообложение, тренды, мировая практика налоговой политики, налоговые льготы.

Для цитирования: Герасимова, В. Г. Актуальные принципы, методы и тренды в налогообложении: рекомендации по их применению в Республике Беларусь / В. Г. Герасимова // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / НАН Беларуси, Ин-т экономики. – 2025. – Вып. 11. – С. 159–167. – <https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-159-167>.

Введение

Налоговая политика с совокупностью принципов, функций и методов налогообложения является значимым структурным элементом макроэкономической политики государства и играет важную роль в обеспечении национальной экономической безопасности. Это обусловлено тем, что налоговые платежи в Беларуси имеют доминирующий удельный вес как источник доходов консолидированного государственного бюджета и, следовательно, именно за счет них в значительной мере финансируются государственные расходы.

Вместе с тем использование в налогообложении обоснованного спектра принципов, методов, налоговых инструментов и актуальных трендов мировой практики налоговой политики создает возможности для решения ряда социально-экономических задач, что должно оказывать положительное

влияние на объемы и динамику валового внутреннего продукта, инвестиционный климат в стране и повышение жизненного уровня социально уязвимых слоев населения.

Результаты и их обсуждение

При выборе направлений и методов совершенствования налоговой политики следует уделить особое внимание принципам налогообложения, сформулированным в ст. 2 Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК РБ)¹.

Для систематизации и упрощения налогового администрирования можно рекомендовать ввести в НК РБ принцип определенности налогообложения. Применительно к налоговому законодательству стран ЕАЭС отметим, что такой принцип налогообложения в Налоговом кодексе Республики Казахстан означает установление в налоговом законодательстве всех оснований и порядка возникновения, исполнения и прекращения налогового обязательства налогоплательщика, обязанности налогового агента по исчислению, удержанию и перечислению налогов². В Налоговом кодексе Республики Кыргызстан (далее – НК Кыргызстана) также есть принцип определенности налогообложения³.

Важным методологическим подходом к налоговой политике с целью обеспечения национальной экономической безопасности является стабильность налогового законодательства. Однако это не означает, что налоговое законодательство не должно своевременно реагировать на существенное изменение внешних и внутренних макроэкономических условий. Вместе с тем при внесении изменений, оказывающих определенное негативное влияние на налоговую нагрузку субъектов хозяйствования, целесообразно устанавливать лаг времени (переходный период) между утверждением нововведений и вступлением их в силу для адаптации к налоговым новшествам, которые могут увеличить налоговую нагрузку.

Методологический подход, заключающийся в учете платежеспособности, т. е. потенциального платежеспособного спроса, важно принимать во внимание при повышении налоговых ставок, расширении налогооблагаемой базы и введении новых налоговых платежей. Это обусловлено тем, что нарушение данного подхода может привести к сокращению налоговых поступлений в государственный бюджет. Применительно к косвенному налогообложению

¹ Налоговый кодекс Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь от 29 дек. 2009 г. № 71-3 // Национальный интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0900071> (дата обращения: 20.05.2025).

² О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс) : Кодекс Республики Казахстан от 25 дек. 2017 г. № 120-VI ЗПК // Uchet. Закон. URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/K1700000120> (дата обращения: 01.02.2025).

³ Налоговый кодекс Кыргызской Республики : Закон Кыргызской Республики от 18 янв. 2022 г. № 3 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: https://sti.gov.kg/stsStorage/websti/2024/2/19/stidocument_c5b72fc5-5bc5-4c69-b225-a453202da4e0.pdf (дата обращения: 01.09.2024).

следует учитывать, что косвенные налоги (НДС и акцизы) в конечном итоге платит население, поскольку они являются надбавкой к розничной цене и оказывают прямое влияние на уровень розничных цен и, соответственно, являются одним из факторов, регулирующим спрос населения на товары и услуги.

Применительно к функциям налогообложения для эффективной налоговой политики как структурного элемента макроэкономической политики и обеспечения национальной экономической безопасности значимую роль играет не только основная фискальная, но и стимулирующая, а также социальная функции налогообложения. Стимулирующая и социальная функции реализуются посредством использования такого инструмента, как налоговые льготы. Поэтому сбалансированность фискальной, стимулирующей и социальной функций налогообложения является одним из основных методологических подходов для эффективной налоговой политики.

Обратим внимание на наличие в НК Кыргызстана принципа эффективности налоговых льгот, в котором зафиксированы цели их предоставления. Таковыми являются: 1) стимулирование устойчивого развития экономики Кыргызской Республики; 2) привлечение инвестиций и финансирование в приоритетные сектора экономики для устойчивого развития; 3) достижение основных приоритетов национальной стратегии развития страны; 4) социальная поддержка населения; 5) поощрение общественно полезной, в том числе благотворительной деятельности¹. Аналогичный принцип можно внести в НК РБ.

Для повышения эффективности льготных налоговых инструментов в целях обеспечения национальной экономической безопасности должен усиливаться тренд по установлению критериев, четких условий и временных интервалов их возможного использования. Такой вывод дает основания сделать и анализ трендов зарубежной практики налогообложения.

Все налоговые льготы с позиций выполнения ими основных задач и реализации принципов налогообложения имеют стимулирующий характер и их можно подразделить на две основные группы: инвестиционные и социальные. В рамках инвестиционных налоговых льгот целесообразно отдельно выделить инновационные льготы для стимулирования разработки и внедрения инноваций. Проводить оценку эффективности налоговых льгот следует, исходя из задач, которые они должны выполнять, и объемные стоимостные показатели при такой оценке учитывать в реальном, а не в номинальном выражении.

Эффективность региональных налоговых льгот целесообразно оценивать на основании динамики показателя валового регионального продукта на душу населения. Также может использоваться динамика средней заработной платы в регионе в реальном выражении. Для объективной оценки эффективности региональных налоговых льгот следует установить временные интервалы действия льготных налоговых режимов в регионе (территориальном образовании).

¹ URL: https://sti.gov.kg/stsStorage/websti/2024/2/19/stidocument_c5b72fc5-5bc5-4c69-b225-a453202da4e0.pdf (дата обращения: 01.09.2024).

В целях систематизации и упрощения налогового законодательства и, следовательно, налогового администрирования целесообразно включить в НК РБ по каждому налогу статью «Льготы». Сейчас по одним налогам в этом нормативно правовом акте эта статья есть, а по другим льготы не зафиксированы в отдельной статье. Так, в НК РБ есть ст. 181 «Льготы по налогу на прибыль», а по НДС такая статья отсутствует, и льготы по этому налогу содержатся в других статьях главы «Налог на добавленную стоимость».

В НК РБ также следует включить главу «Региональные (территориальные) льготы» и отразить в ней специальные режимы налогообложения для регионов (территориальных образований), предусмотренные другими нормативно-правовыми актами. Это также будет способствовать систематизации налогового законодательства и улучшению информирования налогоплательщиков о льготных налоговых инструментах в регионах (территориальных образованиях) страны.

При совершенствовании инструментов и методов налоговой политики в Беларуси в целях эффективного социально-экономического развития страны целесообразно учитывать актуальные тренды в мировой практике налогообложения.

Выраженным трендом является значимое налоговое стимулирование приоритетных сфер экономической деятельности и реформирование традиционных отраслей экономики. Так, в Китае одним из основных методологических подходов в налоговой политике названо стимулирование реформирования традиционных отраслей реального сектора экономики за счет внедрения высокотехнологичных производств и эффективных производственно-логистических цепочек¹.

Еще одним значимым трендом в мировой практике налогообложения является стимулирование улучшения инвестиционного климата для инноваций и роста эффективности научно-исследовательской сферы. В этой связи следует согласиться с точкой зрения, что система прямых и косвенных мер и инструментов инвестиционной политики в интересах устойчивого научно-технического и инновационного развития Беларуси должна включать налоговые стимулы для выполнения научно-исследовательских, опытно-конструкторских, опытно-технологических работ и ведения инновационной деятельности [1].

Важным трендом для стимулирования инвестиций и улучшения инвестиционного климата, на который стоит обратить особое внимание, является усиление в мировой практике налогового стимулирования начальных этапов развития предпринимательства, т. е. стартапов, прежде всего, в наиболее значимых сферах экономической деятельности.

Анализ зарубежного опыта также показал, что одним из актуальных направлений налоговой политики является стимулирование социального пред-

¹ На что Китай направил налоговые льготы в 2022 году? // International Wealth. 2022. URL: <https://internationalwealth.info/offshore-tax/na-chto-kitaj-napravil-nalogovye-lgoty/> (дата обращения: 24.05.2025).

принимательства. Формирование эффективного механизма налогового стимулирования социального предпринимательства в Беларуси может стать триггером для его развития за счет усиления инвестиционной активности в этой социально значимой сфере. Только при этом такой механизм должен быть основан на использовании разных льготных налоговых инструментов и установлении четких условий и критериев их применения [2].

Также в налоговой практике за рубежом актуальным трендом все в большей мере становится налоговое стимулирование охраны окружающей среды наряду с внедрением энергосберегающих технологий.

Анализ мировой практики налогообложения дает основания сделать вывод, что одним из наиболее актуальных трендов в налоговой политике ряда стран по корпоративному подоходному налогу (налогу на прибыль) является активизация поддержки инновационного развития компаний, в частности, занимающихся разработками в сфере искусственного интеллекта, а также «зеленых» технологий, связанных с возобновляемыми источниками энергетики. Так, в Венгрии из налоговой базы вычитаются затраты на внедрение новаций с коэффициентом 2. Такой же повышающий коэффициент по вычету затрат действует и для стимулирования охраны окружающей среды¹.

В НК РБ предусмотрен расширенный, по сравнению с другими налоговыми платежами, спектр льготных налоговых инструментов по налогу на прибыль, что достаточно обоснованно, поскольку этот налог оказывает наиболее заметное влияние на уровень налоговой нагрузки субъектов хозяйствования и, следовательно, их инвестиционный потенциал.

Одним из важных стимулирующих инструментов по налогу на прибыль являются инвестиционные вычеты. Для стимулирования роста инвестиций и улучшения финансового состояния субъектов хозяйствования целесообразно активизировать тренд на увеличение коэффициентов инвестиционных вычетов по налогу на прибыль и внести изменения в порядок применения данных вычетов.

В целях усиления стимулирующей роли инвестиционных вычетов целесообразно ввести дифференциацию ставок инвестиционных вычетов для отраслей экономики и установить их в повышенном размере для приоритетных отраслей и видов экономической деятельности.

Для повышения эффективности такого льготного налогового инструмента в стимулировании инвестиций в инновационное развитие следует также увеличить дифференциацию в ставках инвестиционных налоговых вычетов по капитальным вложениям в объекты недвижимости и оборудование. Также могут быть дифференцированы ставки таких вычетов по оборудованию и транспорту и установлены дифференцированные ставки по различным видам оборудования. В приоритете должно быть высокотехнологичное оборудование,

¹ Таран А. Налоговые реформы в Европе 2024–2025: обзор изменений по странам // Feod Group. URL: <https://feodgroup.com/news/nalogovye-reformy-v-evrope> (дата обращения: 06.07.2025).

в том числе способствующее применению энергосберегающих технологий и стимулирующее другие «зеленые» инвестиции.

Анализ трендов в мировой практике налогообложения по корпоративному подоходному налогу (налогу на прибыль) дает основания сделать вывод, что в качестве актуального тренда следует выделить расширение использования инвестиционных налоговых вычетов. Это проявляется в активизации их применения не только по оборудованию и зданиям, но и по нематериальным активам. Обратим особое внимание, что ставки таких вычетов дифференцированы для оборудования, зданий (сооружений) и нематериальных активов, а ставки инвестиционных вычетов по нематериальным активам выше ставок по зданиям и сооружениям, но несколько ниже, чем по оборудованию.

С учетом актуальных трендов мировой налоговой практики применительно к корпоративному подоходному налогу для решения задачи активизации инвестиционного потенциала в Беларуси целесообразно не только увеличить ставки инвестиционных вычетов по налогу на прибыль, но и распространить их на все виды активов.

В целях ускорения социально-экономического развития регионов Беларуси целесообразно ввести инвестиционный вычет по налогу на прибыль при инвестировании в инфраструктуру региона. Это может быть триггером для стимулирования ускорения развития инфраструктуры в регионах страны.

Применительно к стимулированию предпринимательства в мировой практике налогообложения с помощью льготных налоговых инструментов по корпоративному подоходному налогу отметим установление более низких налоговых ставок для малого и среднего предпринимательства. Так, в Словакии ставится задача сокращения диспропорций в налоговой нагрузке и обеспечения стабильных налоговых доходов в государственный бюджет. В этой стране применяется прогрессивная шкала налогообложения в зависимости от суммы налогооблагаемого дохода. Размеры ставок составляют 10 %, 21 % и 24 %. Минимальная налоговая ставка действует по доходам до 100 тыс. евро, свыше этой суммы – 21 %, а максимальная – 24 %, если доход превышает 5 млн евро. До 2025 г. действовали ставки 15 % по доходам до 60 тыс. евро и 21 % – свыше этой суммы. Таким образом, в Словакии снижены ставки для малого бизнеса и увеличены для крупных компаний¹.

Конкурентоспособность налоговой системы государства в рамках интеграционного объединения предопределяется, прежде всего, косвенными и основными прямыми налогами. Следует согласиться с выводом, что направления налоговой политики в рамках ЕАЭС с целью обеспечения налоговой конкурентоспособности должны учитывать инструменты налоговой гармонизации и налоговой конкуренции [3]. Это имеет существенное значение для конку-

¹ Налоговые изменения в Словакии с 2025 года: новые ставки и налоги // Campio group. URL: <https://www.campiogroup.com/news/nalogovyie-izmeneniya-v-slovakii-s-2025-goda-novyie-stavki-i-nalogi/> (дата обращения: 06.07.2025).

рентоспособности налоговой системы Беларуси в целях обеспечения национальной экономической безопасности.

Анализ мировой налоговой практики интеграционных объединений (союзов) дает основания сделать вывод, что в рамках таких объединений с целью снижения налоговой конкуренции, которая оказывает влияние на инвестиционный климат в государствах, в последнее время все более актуальным становится тренд на установление минимальных ставок и сокращение дифференциации в размерах налоговых ставок основных налогов. Так, в государствах Евросоюза минимальная ставка НДС не должна быть ниже 15 %.

Одним из основных налогов в Беларуси является подоходный налог с физических лиц, который имеет значительный удельный вес в налоговых доходах консолидированного государственного бюджета. Вместе с тем этот налог должен выполнять весомую социальную функцию, поскольку он оказывает непосредственное влияние на уровень доходов населения. Методологические подходы к подоходному налогообложению физических лиц играют значимую роль в решении задачи повышения благосостояния социально уязвимых слоев населения.

Важным актуальным трендом в мировой практике налоговой политики применительно к налогу на доходы физических лиц является увеличение минимальной суммы необлагаемого этим налогом дохода. С целью активизации выполнения подоходным налогом социальной функции необходимо усилить тренд на повышение стандартных налоговых вычетов по подоходному налогу с физических лиц и установить в НК РБ основной стандартный налоговый вычет в размере бюджета прожиточного минимума и корректировать такой вычет при изменении этого показателя. Также целесообразно существенно повысить стандартные налоговые вычеты на одного ребенка в возрасте до 18 лет и для родителей, имеющих двух детей и более или детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, одиноких и приемных родителей, опекунов или попечителей.

Такие методологические подходы будут способствовать решению задачи государственной поддержки наиболее социально уязвимых слоев населения, и их целесообразно принимать во внимание как возможное направление совершенствования налоговой политики.

Заключение

Значимость эффективной налоговой системы государства предопределяется доминирующим удельным весом налоговых платежей как источника государственных доходов в большинстве государств, в том числе в Республике Беларусь.

В целях обеспечения национальной экономической безопасности и эффективного социально-экономического развития особое внимание при совершенствовании налоговой политики в стране следует уделять реализации

принципов, функций налогообложения и методологическим подходам. Для систематизации налогового законодательства и упрощения налогового администрирования, а также усиления стимулирующей и социальной функций налоговой политики сделан вывод о целесообразности внесения дополнений в принципы налогообложения, сформулированные в НК РБ.

Актуальные тренды в мировой практике налогообложения необходимо учитывать при проведении налоговой политики в Республике Беларусь и внесении корректировок в налоговую систему страны с целью обеспечения эффективного социально-экономического развития и национальной экономической безопасности. Проведенный анализ дает основания сделать вывод, что к основным актуальным трендам можно отнести налоговое стимулирование приоритетных и реформирование традиционных отраслей экономики. Также совершенствование налоговой политики в нашей стране с учетом анализа зарубежного опыта должно быть направлено на стимулирование активизации инвестиций, инновационного развития, научно-технологической сферы, охрану окружающей среды. Особое внимание следует уделить налоговому стимулированию стартапов и высоких технологий.

Важным направлением налоговой политики в Беларуси должно быть усиление социальной функции налогообложения за счет льготных налоговых инструментов, способствующих повышению благосостояния социально уязвимых слоев населения и ускоренному развитию отстающих регионов (территориальных образований).

Представлены рекомендации по корректировке инвестиционных вычетов по налогу на прибыль и стандартных вычетов по подоходному налогу с физических лиц.

Вместе с тем обратим особое внимание, что налоговая политика может оказывать существенное влияние на эффективное социально-экономическое развитие государства и обеспечение национальной экономической безопасности в сочетании с другими макроэкономическими инструментами.

Список использованных источников

1. Муха, Д. В. Алгоритм реализации инвестиционной политики в интересах устойчивого научно-технологического и инновационного развития Беларуси / Д. В. Муха // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / НАН Беларуси, Ин-т экономики. – 2025. – Вып. 10. – С. 7–14. – DOI: 10.47612/2789-5122-2025-10-7-14.
2. Попкова, А. С. Социальное предпринимательство: зарубежный опыт и белорусская практика / А. С. Попкова, О. Л. Шулейко, В. Г. Герасимова ; науч. ред. А. С. Попкова ; НАН Беларуси, Институт экономики. – Минск : Право и экономика, 2022. – 232 с. – (Серия «Мировая экономика»).
3. Боровский, А. А. Анализ уровня гармонизации налоговой системы Республики Беларусь со странами – членами ЕАЭС / А. А. Боровский // Вести Витебского гос. технолог. ун-та. – 2019. – № 2. – С. 104–114.

Поступила 15.08.2025

CURRENT PRINCIPLES, METHODS, AND TRENDS IN TAXATION:
RECOMMENDATIONS FOR THEIR APPLICATION
IN THE REPUBLIC OF BELARUS

V. Gerasimova

v.gerasimova.by@gmail.com

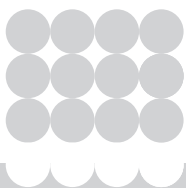
Candidate of Sciences in Economics

The Institute of Economics of the NASB

Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article examines the main principles, functions, and methodological approaches to taxation. It analyzes current trends in global tax policy practice. Based on the conducted analysis, recommendations are provided for improving the tax legislation of the Republic of Belarus in order to ensure national economic security, promote effective socio-economic development, and increase the investment potential of business entities.

Keywords: taxes, taxation, trends, global tax policy practice, tax benefits.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

<https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-168-178>

УДК 001.89; 330.8

JEL B00

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУЧНЫХ ШКОЛАХ В БЕЛАРУСИ

А. В. Ковалёв

kavaliou.aliaksandr@gmail.com

кандидат экономических наук, доцент

Белорусский национальный технический университет

г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. На основании выделенных в науковедческой литературе сущностных черт научной школы как формы организации производства знания в статье сформулированы проблемы, встающие перед отечественными научными школами в области экономики. Среди них такие задачи, как самоидентификация школ в рамках научных направлений, определение границ и состава школ, формулировка научно-исследовательской программы школ, проведение науковедческих исследований, включая библиометрические методы, для анализа эволюции школ. Решение вышеуказанных задач позволит повысить популярность и узнаваемость отечественных научных школ среди исследователей.

Ключевые слова: научная школа, научно-исследовательская программа, белорусские экономические научные школы.

Для цитирования: Ковалёв, А. В. К вопросу об экономических научных школах в Беларуси / А. В. Ковалёв // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / НАН Беларуси, Ин-т экономики. – 2025. – Вып. 11. – С. 168–178. – <https://doi.org/10.47612/2789-5122-2025-11-168-178>.

Введение

Наука как сфера общественной деятельности может рассматриваться в двух аспектах: с одной стороны, это система знаний о закономерностях развития природы, общества и мышления; с другой – это вид человеческой деятельности по расширению этой системы, по производству и распространению знания. Анализ науки как вида деятельности показывает на протяжении всей истории перманентный поиск форм организации науки, соответствующих социальной организации, и с точки зрения когнитивного аспекта, охватывающего творческие процедуры производства знания, и с точки зрения аспекта социологического, концентрирующегося на функциях, полномочиях и организационных формах субъектов научной деятельности. Исторически наиболее распростра-

ненной формой организации научной деятельности стала научная школа, прообразы которой можно обнаружить еще в Древнем мире.

Научная школа выполняет ряд взаимосвязанных задач: создание нового знания; распространение, пропаганду и защиту своих взглядов; подготовку научных кадров – представителей нового поколения школы, и представляет таким образом совокупность идей и людей, потому сохранение школы требует воспроизводства обеих этих составляющих.

В современном науковедении термин «научная школа» употребляется в различных значениях. В монографии [1] авторы выделяют четыре типа школ:

- школа как научная система – например, Эвклидова геометрия. Авторы цитируемой монографии в качестве примера приводят современную экономическую теорию, но нам предметное поле современной экономической науки представляется достаточно дифференцированным, чтобы говорить о ее единстве как школы, как научной системы;

- школа как научно-образовательная система;
- школа как исследовательский коллектив;
- школа как направление в определенной области знания.

В других исследованиях предлагается иная типологизация, но практически во всех них термин «научная школа» рассматривается в широком и узком смыслах слова. В широком школа представляет собой направление в науке, не имеющее формальных организационных основ, охватывающее как отдельных ученых, так и группы исследователей, – виртуальный коллектив единомышленников, зачастую разделенных во времени и пространстве, но скрепленных единой научной традицией, парадигмой исследовательской программы [2, 3]. Примерами школ подобного рода в экономической науке могут быть меркантилизм, посткейнсианство, новая классическая школа и т. п. В узком смысле научная школа есть некая социальная группа – образовательная или исследовательская – презентующая себя в окружающем мире при помощи определенной формальной или неформальной организационной основы [2].

Научные школы в узком смысле подразделяют на несколько видов: научно-образовательные (педагогические), научно-производственные и научно-исследовательские [3, 4]. Научно-педагогическая школа функционирует на базе образовательных учреждений и представляет собой систему передачи знаний в процессе формирования будущих исследователей. Научно-исследовательская школа представляет собой исследовательскую организацию, объединенную общей научной идеологией (мировоззрением, традициями, нормами, ценностями) и реализующую единую научно-исследовательскую программу или несколько программ. Научно-производственная школа ориентирована на решение конкретной производственной проблемы, генерация знания сопряжена с немедленным его применением.

Анализ функционирования научных школ позволил выделить такие их сущностные признаки:

– наличие разделяемой всеми научно-исследовательской программы, обладающей новизной, уникальностью и продуктивностью [3, 4]. Новизна и уникальность не зависят от масштаба проекта. Им может быть поиск нового источника энергии или совершенствование методики исследования. Продуктивность означает возможность дальнейшего разворачивания проблематики по мере освоения предмета исследования;

– общность научной идеологии: объекта и предмета исследования, целевых установок, методов исследования и критериев оценки деятельности и результатов. Важно подчеркнуть, что одинаковый предмет исследования могут иметь конкурирующие школы [5];

– наличие ученого-лидера – основателя, харизматика или администратора-управленца, хотя в научных школах лидерство и руководство зачастую совпадают [6]. Фактор лидерства в некоторых случаях является настолько значимым, что постулируется как основной для существования школы. Так, академик Д. Д. Зербино считает, что научная школа как профессиональное содружество формируется только под эгидой личности – ученого-лидера [7]; «лидер – глава школы – осуществляет распределение работы среди участников» [8, с. 177]. Особая роль лидеру – основателю школы принадлежит в изначальном формулировании научно-исследовательской программы: фактически на этом этапе он имеет поле выбора, исходя из личных предпочтений;

– принцип совместной деятельности на основе прямых контактов между членами коллектива и особого стиля межличностных отношений, задающего в том числе и стандарты научного исследования. Обмен результатами происходит как по вертикали («учитель – ученик»), так и по горизонтали (между коллегами) [9];

– задачей школы является процесс воспроизводства научного сообщества, подготовка новых исследователей, которым передается необходимый комплекс умений и навыков. Некоторые авторы в качестве условия, обеспечивающего возможность подобной передачи, указывают на наличие двух-трех поколений совместно работающих ученых [10];

– признание школы со стороны научного сообщества.

Ключевым системообразующим фактором для различных типов научных школ является разделяемая всеми участниками теоретико-методологическая платформа (научно-исследовательская программа), а следовательно, в этом аспекте школа в узком и школа в широком смысле не отличаются, и данное обстоятельство будет важным для нашего дальнейшего изложения.

Известность школы является важным фактором ее дальнейшего развития и с точки зрения получения дополнительных возможностей финансирования текущих исследований и инфраструктуры развития (например, организация конференций), и с точки зрения привлекательности для новых последователей. В этой связи интересной научной проблемой представляется анализ белорусских научных школ в области экономики на предмет их соответствия существенным признакам школы.

Результаты и их обсуждение

Анализ интернет-сайтов отечественных научных и научно-образовательных организаций позволяет констатировать, что наличие научных школ в области экономики постулируется практически во всех ведущих университетах и специализированных исследовательских институтах. Все они являются школами в узком смысле, т. е. представляют педагогические или исследовательские коллективы.

Так, в Белорусском государственном университете функционируют три научные школы: две – на экономическом факультете («Математические методы и модели анализа прогнозирования и оптимизации экономических процессов в белорусской экономике», «Цифровые услуги и цифровая культура») и еще одна – на факультете международных отношений (школа по проблемам методологии оценки и повышения эффективности функционирования социально-экономических систем).

Также три школы функционируют в Белорусском национальном техническом университете – в области развития логистики и лизинга в Республике Беларусь; в области теоретико-методологических основ интернационализации деловой активности компаний, отраслей и стран; в области исследования модернизации экономики.

В Белорусском государственном экономическом университете как специализированном университете насчитывается десять научно-педагогических школ, классифицируемых по учебным направлениям (национальной экономики; экономики и управления на предприятии; финансов; статистики; маркетинга; бухгалтерского учета, анализа хозяйственной деятельности, контроля, ревизии и аудита; мировой экономики; математических методов экономики; экономики и управления в торговле; управления производством).

В Гомельском государственном университете имени Франциска Скорины функционирует научно-педагогическая школа экономической теории, методологии экономической науки и истории экономических учений профессора М. В. Научителя; в Витебском государственном университете имени П. М. Машерова – научно-педагогическая школа «Финансовое управление инвестиционным, инновационным и человеческим потенциалом экономических систем»; в Полоцком государственном университете имени Евфросинии Полоцкой – «Полоцкая научная школа в области учетно-аналитического обеспечения управления устойчивым развитием субъектов хозяйствования».

В Национальной академии наук Беларуси создан междисциплинарный научно-исследовательский кластер «Белорусская экономическая школа», в рамках которого с участием исследователей из трех институтов функционируют четыре научные школы: школа исследований и разработки проблем организации и эффективного функционирования рыночного хозяйственного механизма в АПК; школа ноосферного развития; школа институционально-макрэкономического регулирования и школа мировой экономики и международных экономических отношений.

Практически во всех случаях текущие руководители школ не являются их основателями. Ни в одном из случаев ни одна из школ не отнесла себя к какой-либо экономической школе в широком смысле, к школе как направлению мысли. Это представляется достаточно удивительным, поскольку в рамках социологического опроса среди отечественных экономистов при ответе на вопрос об отнесении себя к какой-либо из научных школ респонденты определенно выбрали школы в широком смысле – институционализм (43 %), неоклассическую (18 %), экономики развития (17 %), кейнсианство и марксизм (по 16 %) и др. [11]. При этом участникам опроса разрешалось выбрать до трех вариантов, включая «иное» – и многие воспользовались опцией множественного выбора, однако в варианте «иное» связали себя со школой в узком смысле только представители школы исследования модернизации, использовав более широкое название для школы, основателем которой был Н. В. Герасимов, – «субъектно-цивилизационная».

Таким образом, *первейшей для всех отечественных школ важной задачей является самоидентификация, четкое понимание границ, критериев вхождения в школу и состава участников.*

Безусловно, можно относить себя к какому-либо направлению мысли и проводить при этом исследования в рамках обозначенного названия научно-педагогической школы, но как раз здесь, на наш взгляд, и кроется ключевая проблема: какой научно-исследовательской программы придерживается та или иная школа? Продемонстрируем проблему двумя примерами. Математические методы разработки оптимизации функционирования экономической системы являются инструментом, применяемым в макроэкономике и «новыми кейнсианцами», и «новыми классиками», но применение школами одних и тех же инструментов приводит их к различным выводам, поскольку теоретический фундамент школы требует еще и общего согласия участников школ относительно методологии, предпосылок анализа, допущений, наконец, общей аксиоматики (доаналитического видения предмета исследования, «жесткого ядра» научно-исследовательской программы, мировоззренческих установок). Конечно, школа может быть нацелена на совершенствование самих математических методов, но в этом случае с большим основанием она будет отнесена к математической, а не экономической отрасли науки. Аналогично три отечественные школы, нацеленные на анализ мировой экономики, отличаются ли между собой по методологическим основаниям? Возможно, это три исследовательских коллектива, которые работают в рамках одной научной школы? Использованием данных примеров мы никоим образом не ставим под сомнение значимость научных достижений участников школ. Вопрос только в том, насколько корректна традиционная для Беларуси трактовка научной школы в сверхузком смысле, как формального коллектива исследователей, связанных в рамках какой-то научно-исследовательской организации?

Научно-исследовательская программа (далее – НИП) – основная единица анализа роста научного знания в концепции методолога науки И. Лакатоса,

представляющая собой «совокупность сменяющих друг друга теорий при неизблемости фундаментальных оснований, идей, методологических принципов» [12].

Структурно НИП состоит из жесткого ядра; защитного пояса теорий и гипотез; отрицательной и положительной эвристики. Эвристика представляет собой набор методологических правил, предписывающих проведение исследований. Отрицательная эвристика указывает на недопустимые пути познания: ею запрещается ставить под сомнения аксиоматические положения, составляющие жесткое ядро программы. Жесткое ядро включает фундаментальные, неопровергаемые в рамках НИП теории.

Вокруг жесткого ядра формируется комплекс теорий защитного пояса – «вспомогательные теории и гипотезы», призванные защитить ядро, приняв на себя основное давление проверок и выдержать удар с их стороны. Защитный пояс должен приспособливаться, переделываться или даже полностью заменяться, если того потребуют интересы НИП [13, с. 323]. Защитный пояс состоит из вспомогательных утверждений и фоновых наблюдательных теорий. Вспомогательные утверждения включают начальные условия (т. е. логически предшествующие описанию феномена, общие законы системы), граничные условия (определяющие релевантные условия между начальными и фактом описания – в экономической науке, как правило, это оговорка «при прочих равных условиях») и закрывающую оговорку об имеющих значение переменных. Фоновые теории наблюдения – это фильтры интерпретации начальных и граничных условий или данных для наблюдения. Например, теория оптики является фоновой для астрономических теорий, если наблюдения осуществляются через линзовый телескоп.

Положительная эвристика формирует программу исследований НИП, указывая, куда направить потенциальную объяснительную силу теорий, вытекающих из программы, какие виды проблем потенциально могут быть вовлечены в качестве предмета анализа. Положительная эвристика призвана видоизменять НИП, усложнять модели объяснения реальности за счет более реалистичных допущений, чтобы рост теоретического знания опережал прогноз.

Теория Лакатоса гораздо точнее по сравнению с Куновской версией смены научных парадигм объясняет рост научного знания в общественных науках, а при одновременном сосуществовании возникает конкуренция различных НИП за лучшее объяснение действительности. *Существует ли некая научно-исследовательская программа у отечественных научных школ и существует ли понимание этой программы участниками школ?*

В качестве положительного примера сошлемся на умелое представление собственной программы школой исследования модернизации. В статье, опубликованной к 50-летию школы, Л. П. Васюченко [14] проанализировала развитие школы сквозь призму заложенной основателем школы Н. В. Герасимовым методологической основы анализа. Таковым выступает субъектный подход, предполагающий ориентацию всех общественных отношений на обеспечение

жизненности общества и входящих в него субъектов. Положительная эвристика программы вела к вовлечению в анализ новых видов субъектно-предметных и межсубъектных отношений при преобладании понимания целей и принципов общественного развития. Подробный анализ системы взглядов основоположника школы был проведен нынешним руководителем школы [15].

Представляется, что появление публикаций, где бы представители той или иной отечественной школы излагали собственную методологию или исследовательскую программу, приведет к пониманию того факта, что если коллективы исследователей могут быть идентифицированы по формальному признаку принадлежности к тем или иным факультетам и кафедрам, то в отношении научных школ такой подход малоперспективен, и произойдет объединение многих из них на основании общего объекта или предмета исследования (например, оптимизации налогового или монетарного воздействия на функционирование экономической системы), общих методологических установок или общих инструментов исследования (например, эконометрический анализ), а возможно, какая-то школа в узком смысле окажется вписанной в школу как научное направление (например, новую институциональную экономическую теорию или неомарксистскую).

В этой связи *второй важной проблемой для научных школ Беларуси является четкая формулировка собственной уникальной научно-исследовательской программы.*

Научная школа в широком смысле практически всегда вырастает из школы в узком смысле, но даже понятие «научная школа в узком смысле» не совпадает с формой организации науки: формальные организации с единой административно-организационной структурой совершенно необязательно являются научной школой, хотя сосредоточенные в данной структуре ученые способны в ходе совместной профессиональной деятельности выработать необходимые сущностные характеристики школы.

Научная школа не возникает в соответствии с формальным приказом, она выступает высшей формой интеллектуального объединения, возникшего независимо от планов и воли ее участников в результате спонтанного процесса [7]. Наивно отрицать возможность инициации создания школы в результате прямого государственно-социального заказа или опосредованно через открытие бюджетного финансирования, но подобные действия не гарантируют достижения результата. Превращение в научные школы коллективов научных организаций возможно только при выработке определенного стиля научного мышления, который сродни корпоративной культуре обеспечивает уникальные результаты, и при наличии институциональной среды, позволяющей распространение знаний школы вовне через их презентацию, защиту и оппонирование. В этом смысле трудно переоценить значимость основателя школы, который формулирует новаторскую исследовательскую программу, а также объединяет вокруг себя учеников, способных внести собственный вклад

в создание нового знания. И только наличие нескольких поколений школы в осях «учитель – ученик» позволяет говорить о созданной школе.

Для того чтобы проследить преемственность теоретико-методологических взглядов различных представителей той или иной школы, в современном науковедении сложились три основных подхода к идентификации и изучению научных школ [16].

Историко-научный подход опирается на подробное интервьюирование участников школы, изучении большого массива архивных и опубликованных документов и материалов, в результате чего появляется подробное описание функционирования школы. Данный подход характеризуется значительной трудоемкостью и применяется для описания научных школ «первой величины» или школ – направлений в науке. Нам представляется, что в условиях становления отечественных научных школ для повышения их узнаваемости и создания репутации их представители могли бы опубликовать собственное видение эволюции школы, как это сделано в упоминавшейся уже статье [14].

Социологический подход использует анкетирование и интервьюирование ученых, обеспечивая хорошие результаты при анализе самоидентификации представителей школы, их представлении о составе, внутренних взаимоотношениях и исследовательской программе школы. Состав научных школ при таких исследованиях, как правило, составлен из представлений лидера.

Библиометрический/наукометрический подход основан на анализе научных публикаций. Он позволяет идентифицировать участников школы и подтвердить либо опровергнуть наличие у нее тех или иных признаков. Исследованию подлежат такие аспекты научных публикаций:

– диссертации, по которым идентифицируются связи «учитель – ученик» и анализируется процесс расширения тем исследования. В Беларуси перечень диссертаций, защищенных под руководством лидера(ов) школы, является непременным атрибутом представления школы, но для демонстрации преемственности НИП одной лишь тематики зачастую недостаточно;

– соавторство, которое показывает совместное творчество и развитие горизонтальных связей внутри школы. Идентификация представителей школы через анализ соавторства происходит по следующему алгоритму: определяется «ядро» группы – постоянные соавторы лидера, затем отбираются те, кто опубликовал с данной группой работ больше, чем с иными авторами – и так всякий раз до окончания цепочки. Интенсивное соавторство внутри научной школы позволяет говорить о принадлежности авторов к одной научно-исследовательской программе;

– взаимное цитирование. По ним определяют лидера, которого цитируют чаще остальных; перспективные работы (которые цитируют одни и те же авторы) – как правило, по таким статьям легко определить основателя школы (к слову, как часто цитируют основателей их школ белорусские исследователи?) и внесших наибольший вклад в развитие ее идей ученых; ретроспективные связи (группу ученых, цитирующих одну и ту же публикацию). В совокупности

анализ позволяет достаточно определенно идентифицировать состав научной школы и статус ее участников.

Особенно эффективно наукометрический подход позволяет анализировать научные школы в их современной форме функционирования. Произошедшая трансформация способа производства научного знания привела к тому, что научная школа, ранее ассоциировавшаяся с конкретным научным учреждением, под давлением изменившихся институциональных условий [17] также преобразовалась в «невидимые колледжи» – сети неформальных отношений между учеными, объединенными общим интересом и целью, поставленной в исследованиях. Проведенный сравнительный анализ различных способов производства научного знания выявил, что понятия научной школы и невидимого колледжа не противоречат друг другу; неформальная организация невидимого колледжа позволяет его участникам поддерживать только эффективные связи, при этом современные средства коммуникации позволяют легко поддерживать тесные контакты; для участников сохраняется важность совместного участия в конференциях, публикационная активность, формирующая сетевые отношения социитирования, иные процессы передачи знания, способствующие ускорению и качественному улучшению процесса производства научного знания [5, с. 44].

Для отечественных научных школ применение наукометрического метода представляется важным в том числе для идентификации истинных границ школ, поскольку распространение идей школы не замыкается в рамках одного исследовательского коллектива. При этом с очевидной ясностью выступает проблема определения допустимых к анализу цитирования, социитирования и соавторства публикаций, равно как и самих источников и способов цитирования, но проблема выходит за рамки тематики данной статьи.

Таким образом, *третьей задачей для научных школ Беларуси является проведение собственных науковедческих исследований.*

Выводы

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов.

1. Отечественные научно-педагогические и научно-исследовательские школы проходят этап собственного становления. При этом отдельные из них представляют собой пока скорее формальные научно-исследовательские коллективы, чем научные школы в общепринятом понимании.

2. Для роста узнаваемости и понимания места школы в мировом научном сообществе перед коллективами научных школ стоят три важные задачи: самоидентификация школы и определение ее состава и границ; формулировка собственной уникальной научно-исследовательской программы; проведение науковедческих исследований по собственной школе.

3. В целях правильного определения входящих в школу исследователей перспективным может стать библиометрический анализ. Данная идея требует

достижения среди участников экономического сообщества согласия относительно используемых для анализа источников, способов взаимодействия и цитирования, что представляется перспективным предметом будущих исследований.

Решение вышеуказанных задач выступит значимым фактором роста популярности и узнаваемости отечественных экономических школ, а в случае объяснения ими одних и тех же феноменов позволит сравнивать их объяснительную силу с точки зрения правдоподобности условий анализа, внутренней логики вербальных или формальных моделей и прогностической способности.

Список использованных источников

1. Научные школы: проблемы теории и практики / В. И. Астахова [и др.] ; под общ. ред. В. И. Астаховой, Е. В. Астаховой / Нар. укр. акад. – Харьков : Изд-во НУА, 2005. – 331 с.
2. Павельева, Т. Ю. Развитие научных школ в ракурсе научных традиций и новаторства / Т. Ю. Павельева // Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 6. – С. 72–79.
3. Научная школа как структурная единица научной деятельности / Е. В. Устюжанина [и др.] // Центр. эконом.-матем. ин-т Рос. акад. наук. – М. : ЦЭМИ РАН, 2011. – 73 с.
4. Ярошевский, М. Г. Логика развития науки и научная школа / М. Г. Ярошевский // Школы в науке / под ред. С. Р. Микулинского [и др.]. – М. : Наука, 1977. – С. 7–97.
5. Дежина, И. Г. Тенденции развития научных школ в современной России / И. Г. Дежина, В. В. Киселева ; Ин-т экономики переход. периода. – М. : ИЭПП, 2009. – 164 с.
6. Федоровская, Е. О. Субъект-субъектное взаимодействие учитель-ученики в научной школе / Е. О. Федоровская // Актуальные вопросы современной науки. – 2010. – № 13. – С. 55–65.
7. Зербино, Д. Д. Научная школа как феномен / Д. Д. Зербино. – Киев : Наук. думка, 1994. – 134 с.
8. Шеломенцев, В. В. Научные школы: их путь от возникновения до наших дней / В. В. Шеломенцев // Академический вестник. – 2007. – № 1. – С. 174–177.
9. Розов, Н. Х. Понятие «научная школа» и проблема финансирования науки в России / Н. Х. Розов // Педагогика. – 2007. – № 8. – С. 102–106.
10. Извозчиков, В. А. Научные школы и стиль научного мышления / В. А. Извозчиков, М. Н. Потемкин ; под ред. Г. А. Бордовского. – СПб. : Образование, 1997. – 138 с.
11. Ковалёв, А. В. Сообщество экономистов Беларуси: теоретико-методологический портрет в социологическом свете / А. В. Ковалёв // Банкаўскі веснік. – 2019. – № 8. – С. 3–14.
12. Баксанский, О. Е. Научно-исследовательские программы И. Лакатоса в контексте информационного общества / О. Е. Баксанский, И. А. Емелин // Сеченовский вестник. – 2015. – № 4 (22). – С. 63–73.
13. Лакатос, И. Фальсификация и методология исследовательских программ / И. Лакатос. – М. : Медиум, 1995. – 423 с.
14. Васюченко, Л. П. Методологические проблемы модернизации в Республике Беларусь (к 50-летию научной школы в области исследования модернизации экономики) / Л. П. Васюченко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / Бел. нац. техн. ун-т. – Минск, 2018. – Вып. 8. – С. 5–15.
15. Солодовников, С. Ю. Герасимов Николай Васильевич: экономист и философ, гражданин и человек / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / Бел. нац. техн. ун-т. – Минск, 2023. – Вып. 17. – С. 7–22. – DOI: 10.21122/2309-6667-2023-17-7-22.
16. Захарчук, Т. В. Библиометрические подходы к идентификации научной школы / Т. В. Захарчук // Труды Санкт-Петербургского гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – Т. 197. – С. 94–107.
17. Ковалёв, А. В. Институциональные аспекты деятельности научной школы / А. В. Ковалёв // Вестник Удмуртского ун-та. Серия: Экономика и право. – 2020. – Т. 3, вып. 2. – С. 208–215. – DOI: 10.35634/2412-9593-2020-30-2-208-215.

Поступила 18.08.2025

ON THE ECONOMIC SCIENTIFIC SCHOOLS IN BELARUS

A. Kavaliou

kavaliou.aliaksandr@gmail.com

Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor

Belarusian National Technical University

Minsk, Republic of Belarus

Abstract. Based on the essential features of a scientific school as a form of knowledge production organization identified in the science literature, the article formulates the problems facing domestic scientific schools in the field of economics. Among them are such tasks as self-identification of schools within scientific areas, defining the boundaries and composition of schools, formulating a research program for schools, conducting science studies, including bibliometric methods, to analyze the evolution of schools. Solving the above-mentioned problems will increase the popularity and recognition of domestic scientific schools among researchers.

Keywords: scientific school; scientific research program; Belarusian economic scientific school.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Научные статьи, написанные на русском, белорусском или английском языках и ранее не опубликованные в других изданиях, принимаются в формате в виде файла **MS Word** по e-mail: **vestnik_ie@economics.basnet.by**.

При оформлении статьи необходимо **строго следовать нижеуказанным правилам и рекомендациям**, в ином случае редакционный совет оставляет за собой право не включать в сборник присылаемые материалы.

Редколлегия сборника может не разделять точку зрения авторов публикации. Обращаем внимание авторов, что они несут ответственность за направление в редакцию ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями, несоблюдение авторских прав, а также опубликование содержащихся в статьях данных и информации в открытой печати.

Регистрационная форма автора статьи

1.	Фамилия, имя, отчество (полностью)	
2.	Место работы, должность	
3.	Ученая степень, ученое звание	
4.	Почтовый адрес (с почтовым индексом)	
5.	Контактный телефон и e-mail	
6.	Название статьи	
7.	Дата представления статьи в редакцию	

Технические требования к оформлению

Автор, желающий опубликовать статью в сборнике, должен представить в редакцию статью объемом до 40 000 знаков (с пробелами) – для доктора наук и 15 500–20 000 знаков (с пробелами) – для кандидата наук или соискателя, а также регистрационную форму автора статьи.

Параметры страницы

Поля: верхнее, нижнее, левое – 2,0 см; правое – 1,5 см.

Ориентация: книжная.

Размер бумаги: А4 (210 × 297 мм).

Шрифт: Times New Roman, кегль 12 для всех элементов статьи (в таблицах допускается уменьшение кегля до 10).

Абзац

Отступ: перед – 0 см, после – 0 см.

Интервал: перед – 0 см, после – 0 см.

Первая строка: 0,6 см.

Междустрочный интервал: одинарный.

Абзац → Положение на странице → Запрет висячих строк.

Макет

Расстановка переносов → Параметры расстановки переносов → Автоматическая расстановка переносов.

Ширина зоны переноса слов – 0,63 см.

Максимальное число последовательных переносов – 4.

Заголовки, наименование должности, названия таблиц и рисунков не должны содержать переносы.

Страницы не нумеруются.

УДК набирается курсивом и указывается слева в верхнем углу страницы.

JEL набирается курсивом и помещается на следующей за УДК строке.

Заголовок, аннотация, ключевые слова и информация об авторах указываются на русском и английском языках. По центру полужирным шрифтом прописными буквами размещается название статьи. Затем по центру полужирным шрифтом строчными буквами – инициалы и фамилия автора, ниже обычным шрифтом: адрес электронной почты; статус; полное наименование места учебы или работы; город, страна. Через интервал ниже обычным шрифтом (выравнивание по ширине) приводится аннотация (название этой рубрики – полужирный курсив) – до 10 строк. На следующей строке обычным шрифтом (выравнивание по ширине) перечисляется до 10 ключевых слов/словосочетаний (название этой рубрики – полужирный курсив).

Далее следует текст статьи, разделенный на структурные части («Введение», «Результаты и их обсуждение», «Заключение»/«Выводы», «Список использованных источников»), название которых печатается строчным полужирным шрифтом с выравниванием по центру.

В разделе «Введение» дается краткий обзор литературы по данной проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и получает обоснование цель работы и, если необходимо, указывается ее связь с важными научными и практическими направлениями, доказывающаяся актуальность статьи. Во введении следует избегать специфических понятий и терминов. Анализ источников, использованных при подготовке научной статьи, должен свидетельствовать о знании автором статьи научных достижений в соответствующей области. В этой связи обязательными являются ссылки на работы других авторов. При этом следует помещать ссылки на публикации последних лет, включая зарубежные издания в данной области.

Основная часть статьи «Результаты и их обсуждение» должна включать описание методологии, объектов исследования и подробно освещать содержание исследований, проведенных автором. Полученные результаты должны быть обсуждены с точки зрения их научной новизны и сопоставлены с соответствующими известными данными. Основная часть статьи может делиться на подразделы (с разъяснительными заголовками, оформленными полужирным курсивом) и содержать анализ последних публикаций, посвященных решению вопросов, относящихся к данным подразделам.

В разделе «*Заключение*» или «*Выводы*» (по пунктам) в сжатом виде формулируются основные полученные результаты с указанием их новизны, преимуществ и возможностей применения. При необходимости могут быть также указаны границы применимости полученных результатов.

Далее приводится «*Список использованных источников*».

Под ним указываются данные на английском языке, аналогичные приведенным выше сведениям на русском языке (название статьи, информация об авторе, аннотация, ключевые слова) и в таком же шрифтовом оформлении.

Иллюстрации, таблицы, формулы, уравнения и сноски, встречающиеся в статье, должны быть пронумерованы в порядке их цитирования в тексте. **Иллюстрации и таблицы** помещаются сразу после их упоминания в тексте.

(Отбивка размером в строку.)

Таблица 1 (светлый курсив). **Название таблицы** (полужирный) (Times New Roman, кегль 12, строчные буквы, выравнивание по центру, без абзацного отступа, одинарный интервал, полужирный шрифт)

Текст внутри таблицы (кегель 10)

Примечание. Таблица составлена на основе [...] или ¹ (абзацный отступ 0,6 см, кегль 10).

(Отбивка размером в строку.)

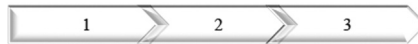

Рис. 1. Название рисунка.

Примечание. Рисунок создан на основе данных Белстата² с использованием³ и [5]

(Arial, кегль 10, строчные буквы, обычное начертание, выравнивание по центру, одинарный интервал; рисунок должен читаться в черно-белом формате; рисунки, выполненные в MS Excel, должны быть продублированы путем приложения исходного файла с соблюдением требований по цвету. За названием с новой строки без абзацного отступа следуют подстрочная² и ³ либо конечная [5] ссылка на источник информации, который был использован для создания рисунка. Когда есть сопутствующий ссылкам текст, его оформляют в виде примечания).

(Отбивка размером в строку.)

Если в статье одна иллюстрация или таблица, то внутри текста ссылку оформляют в виде (см. рисунок) или (см. таблицу), а в подписи приводят только их названия.

Формулы должны быть набраны в редакторе MathType, расположены на отдельной строке, пронумерованы в круглых скобках. Элементы экспликации приводят в подбор через точку с запятой (без абзацного отступа, выравнивание по ширине).

(Отбивка размером в строку.)

$$Kd = \frac{1}{(1+r)^t},$$

(Отбивка размером в строку.)

где Kd – коэффициент дисконтирования; r – ставка дисконтирования; t – число периодов.

Правила научного цитирования должны строго соблюдаться. При написании научной статьи автор руководствуется п. 16 постановления ВАКа Республики Беларусь от 28 февраля 2014 г. № 3 «Об утверждении инструкции о порядке оформления квалификационной научной работы (диссертации) на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, автореферата и публикаций по теме диссертации» (в редакции постановления ВАКа Республики Беларусь от 22 августа 2022 г. № 5), в частности, делает ссылки на источники, из которых им заимствованы материалы или отдельные результаты.

Не допускается пересказ текста других авторов без ссылок на них, а также его цитирование без использования кавычек (п. 16 указанного Постановления). В случае нарушения автором правил научного цитирования редакция оставляет за собой право не включать присланный материал в сборник.

«Список использованных источников» оформляется на языке представления статьи в соответствии с документом «Образцы оформления библиографического описания в списке источников, приводимых в диссертации и автореферате», утвержденным Приказом ВАКа Республики Беларусь от 25 июня 2014 г. № 159 (в редакции Приказа ВАКа Республики Беларусь от 1 октября 2024 г. № 230; <https://vak.gov.by/node/8026>).

Список располагается в конце текста, ссылки нумеруются в порядке их цитирования в тексте (*номера набирают с клавиатуры без использования маркированного списка и перекрестных ссылок*). В тексте порядковые номера ссылок заключают в квадратные скобки (например: [3, 7], [1, с. 65; 4, с. 87–91], [2; 4–7; 9, с. 37; 15]). В качестве источников могут быть использованы только монографии, статьи из научных журналов и сборников, тезисы и материалы научных конференций, патенты, учебники и учебные пособия, в том числе опубликованные в электронном формате.

Ссылки на статьи из любых ненаучных журналов; нормативные и законодательные акты; авторефераты диссертаций и диссертации; статистические сбор-

ники и архивные документы; электронные ресурсы (газетные и любые новостные ресурсы, доклады и разные исследования на сайтах, сайты учреждений и организаций; не распространяется на авторские статьи, монографии и другие научные публикации, размещенные в сети Интернет); словари, энциклопедии, другие справочники; доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы и другие официальные документы (конституции, кодексы, декреты, указы, законы, постановления, конвенции, договоры, соглашения, концепции, приказы, решения, распоряжения, положения, послания, письма, инструкции, комментарии) приводятся в тексте в подстрочных сносках и в списке источников не указываются. Сноски должны быть постраничными (находиться внизу страницы, а не в конце статьи) и делаться стандартными средствами Word (Вставка → Ссылка → Сноска; нумерация на каждой странице). Для электронных источников, у которых есть цифровой идентификатор объекта, необходимо привести его в конце библиографической записи (например, DOI: 10.1080/02680939.2020.1549752).

Редакция оставляет за собой право осуществлять отбор, дополнительное рецензирование и редактирование статей. Рецензии по присылаемым статьям авторам не предоставляются. Исключения из данных правил возможны по решению редакционной коллегии.

Образец оформления статьи

<https://doi.org/10.47612/2789-5122>
УДК 301.1010.8
JEL H15, H05

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

И. И. Иванов

ivanov@yandex.ru

кандидат экономических наук, доцент
Институт экономики НАН Беларуси
г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. Рассмотрены теоретические основы...

Ключевые слова: экономическая безопасность, ..., ...

Для цитирования: Иванов, И. И. Цифровизация и информатизация общества в условиях экономической безопасности / И. И. Иванов // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / НАН Беларуси, Ин-т экономики. – 2025. – Вып. (номер выпуска). – С. 00–00. – <https://doi.org/10.47612/2789-5122>

Введение

Результаты и их обсуждение

Таблица 1. Название таблицы

Примечание. Таблица составлена на основе ¹ с использованием [1, 2, 4].

Рис. 1. Название рисунка.

Примечание. Рисунок создан на основе данных Белстата² с использованием ³ и [5]

Заключение/Выводы

Список использованных источников

1. Акаев, А. А. Человеческий фактор как определяющий производительность труда в эпоху цифровой экономики / А. А. Акаев, В. А. Садовничий // Проблемы прогнозирования. – 2021. – № 17. – С. 45–58. – DOI: 10.47711/0868-6351-184-45-58.
2. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб ; Рос. акад. наук. – М. : Эксмо, 2016. – 208 с.
3. Василенко, Н. В. Человеческий капитал цифровой экономики: сущность и проблемы развития / Н. В. Василенко, М. М. Хайкин // Развитие экономики и менеджмента в условиях цифровизации : сб. тр. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. д-ра эконом. наук, проф. А. В. Бабкина. – СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2018. – С. 22–36.
4. Никитаева, А. Ю. Развитие человеческих ресурсов в условиях цифровой экономики: стратегическая перспектива / А. Ю. Никитаева, Д. А. Михалкина // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2019. – Т. 21, № 4. – С. 152–161. – DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2019.4.15.
5. Солодовников, С. Ю. Парадигмальный кризис белорусской экономической науки, цифровизация и проблемы подготовки кадров в сфере обеспечения национальной безопасности / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2019. – Вып. 10. – С. 182–194. – DOI: 10.21122/2309-6667-2019-10-182-194.

Поступила 07.02.2023

DIGITALIZATION AND INFORMATIZATION OF SOCIETY
IN CONDITIONS OF ECONOMIC SECURITY

I. Ivanov

ivanov@yandex.ru

Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor

The Institute of Economics of the NASB

Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The theoretical foundations are considered...

Keywords: economic security, ..., ...

¹ Васнецов Д. Г. Содержание и потребность финансов в критериях товарно-денежных отношений. URL: <https://utmagazine.by/posts/9573-экономика-i-finansy> (дата обращения: 12.05.2025).

² Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <https://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 18.05.2025).

³ Воложин А. С. Информация в экономике: контроль и учет : автореф. дис. ... канд. эконом. наук : 08.00.01 / Воложин Александр Степанович ; Белорус. гос. эконом. ун-т. Минск, 2020. 45 с.

Научное издание

**ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
НАН БЕЛАРУСИ**

Сборник научных статей

Выпуск 11

Редактор *Н. Т. Гавриленко*

Художественные редакторы *Ю. П. Барабанова, И. Т. Мохнач*

Компьютерная верстка *Ю. А. Агейчик*

Подписано в печать 11.12.2025. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 15,11. Уч.-изд. л. 13,8. Тираж 100 экз. Заказ 245.

Адрес редакции:

Государственное научное учреждение
«Институт экономики Национальной академии наук Беларуси».
Ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, 220072, г. Минск.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».

Свидетельства о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013, № 2/196 от 05.04.2017.

Ул. Ф. Скорины, 40, 220084, г. Минск.